



БЕЛОРУССКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ

ЖУРНАЛ
БЕЛОРУССКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

ФИЛОЛОГИЯ

ЧАСОПІС
БЕЛАРУСКАГА ДЗЯРЖАЎНАГА ЎНІВЕРСІТЭТА

ФІЛАЛОГІЯ

JOURNAL
OF THE BELARUSIAN STATE UNIVERSITY

PHILOLOGY

Издается с января 1969 г.
(до 2017 г. – под названием «Вестник БГУ.
Серия 4, Филология. Журналистика. Педагогика»)

Выходит три раза в год

1

2021

МИНСК
БГУ

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор **ЗАПРУДСКИЙ С. Н.** – кандидат филологических наук, доцент; доцент кафедры белорусского языкознания филологического факультета Белорусского государственного университета, Минск, Беларусь.
E-mail: zaprudski@gmail.com

**Заместители
главного редактора** **ГОНЧАРОВА-ГРАБОВСКАЯ С. Я.** – доктор филологических наук, профессор; профессор кафедры русской литературы филологического факультета Белорусского государственного университета, Минск, Беларусь.
E-mail: goncharova_s@tut.by
АРСЕНТЬЕВА М. Ф. – кандидат педагогических наук, доцент; заведующий кафедрой германских языков факультета международных отношений Белорусского государственного университета, Минск, Беларусь.
E-mail: arsenstseva@mail.ru
ПРИГОДИЧ Н. Г. – доктор филологических наук, профессор; заведующий кафедрой белорусского языкознания филологического факультета Белорусского государственного университета, Минск, Беларусь.
E-mail: mik197@tut.by

**Ответственный
секретарь** **ЛЕНКЕВИЧ Е. В.** – кандидат филологических наук; доцент кафедры белорусского языкознания филологического факультета Белорусского государственного университета, Минск, Беларусь.
E-mail: alena.liankevich@gmail.com

- Аллинэль К.* Гренобльский университет 3 им. Стендаля, Гренобль, Франция.
Воевода Е. В. Московский государственный институт международных отношений, Москва, Россия.
Володина Т. В. Институт искусствоведения, этнографии и фольклора им. Кондрата Крапивы Центра исследований белорусской культуры, языка и литературы Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь.
Волочко А. М. Национальный институт образования, Минск, Беларусь.
Волинец Т. Н. Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Гладкова Г. Карлов университет, Прага, Чехия.
Даниленко А. Университет Пейс, Нью-Йорк, США.
Дубинко С. А. Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Золтан А. Будапештский университет им. Лоранда Этвёша, Будапешт, Венгрия.
Ивашкевич И. Н. Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Коваль В. И. Гомельский государственный университет им. Франциска Скорины, Гомель, Беларусь.
Колер Г.-Б. Ольденбургский университет им. Карла фон Осецкого, Ольденбург, Германия.
Кречмер А. Венский университет, Вена, Австрия.
Лукашанец А. А. Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь.
Мечковская Н. Б. Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Поплавская Т. В. Минский государственный лингвистический университет, Минск, Беларусь.
Ровдо И. С. Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Саевич М. Государственный университет им. Марии Кюри-Склодовской, Люблин, Польша.
Стариченок В. Д. Белорусский государственный педагогический университет им. Максима Танка, Минск, Беларусь.
Тараненко А. А. Институт языковедения им. А. А. Потебни Национальной академии наук Украины, Киев, Украина.
Халипов В. В. Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Хастович Н. В. Варшавский университет, Варшава, Польша.
Хенцшель Г. Ольденбургский университет им. Карла фон Осецкого, Ольденбург, Германия.
Цзян Цюнь Даляньский политехнический университет, Далянь, Китай.
Шамякина Т. И. Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.

РЭДАКЦЫЙНАЯ КАЛЕГІЯ

- Галоўны рэдактар** ЗАПРУДСКІ С. М. – кандыдат філалагічных навук, дацэнт; дацэнт кафедры беларускага мовазнаўства філалагічнага факультэта Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта, Мінск, Беларусь.
E-mail: zaprudski@gmail.com
- Намеснікі галоўнага рэдактара** ГАНЧАРОВА-ГРАБОЎСКАЯ С. Я. – доктар філалагічных навук, прафесар; прафесар кафедры рускай літаратуры філалагічнага факультэта Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта, Мінск, Беларусь.
E-mail: goncharova_s@tut.by
АРСЕНЦЬЕВА М. Ф. – кандыдат педагагічных навук, дацэнт; загадчык кафедры германскіх моў факультэта міжнародных адносін Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта, Мінск, Беларусь.
E-mail: arsentsyeva@mail.ru
ПРЫГОДЗІЧ М. Р. – доктар філалагічных навук, прафесар; загадчык кафедры беларускага мовазнаўства філалагічнага факультэта Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта, Мінск, Беларусь.
E-mail: mik197@tut.by
- Адказны сакратар** ЛЯНКЕВІЧ А. У. – кандыдат філалагічных навук; дацэнт кафедры беларускага мовазнаўства філалагічнага факультэта Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта, Мінск, Беларусь.
E-mail: alena.liankevich@gmail.com
- Аліньель К.* Грэнобльскі ўніверсітэт 3 імя Стэндаля, Грэнобль, Францыя.
Ваявода А. У. Маскоўскі дзяржаўны інстытут міжнародных адносін, Масква, Расія.
Валодзіна Т. В. Інстытут мастацтвазнаўства, этнаграфіі і фальклору імя Кандрата Крапівы Цэнтра даследаванняў беларускай культуры, мовы і літаратуры Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі, Мінск, Беларусь.
Валочка Г. М. Нацыянальны інстытут адукацыі, Мінск, Беларусь.
Валынец Т. М. Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, Мінск, Беларусь.
Генчэль Г. Альдэнбургскі ўніверсітэт імя Карла фон Асецкага, Альдэнбург, Германія.
Гладкава Г. Карлаў універсітэт, Прага, Чэхія.
Даніленка А. Універсітэт Пэйс, Нью-Ёрк, ЗША.
Дубінка С. А. Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, Мінск, Беларусь.
Золтан А. Будапешцкі ўніверсітэт імя Лоранда Этвёша, Будапешт, Венгрыя.
Івашкевіч І. М. Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, Мінск, Беларусь.
Коваль У. І. Гомельскі дзяржаўны ўніверсітэт імя Францыска Скарыны, Гомель, Беларусь.
Колер Г.-Б. Альдэнбургскі ўніверсітэт імя Карла фон Асецкага, Альдэнбург, Германія.
Крэчмер А. Венскі ўніверсітэт, Вена, Аўстрыя.
Лукашанец А. А. Цэнтр даследаванняў беларускай культуры, мовы і літаратуры Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі, Мінск, Беларусь.
Мячкоўская Н. Б. Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, Мінск, Беларусь.
Паплаўская Т. В. Мінскі дзяржаўны лінгвістычны ўніверсітэт, Мінск, Беларусь.
Роўда І. С. Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, Мінск, Беларусь.
Саевіч М. Дзяржаўны ўніверсітэт імя Марыі Кюры-Складоўскай, Люблін, Польшча.
Старычонак В. Д. Беларускі дзяржаўны педагагічны ўніверсітэт імя Максіма Танка, Мінск, Беларусь.
Тараненка А. А. Інстытут мовазнаўства імя А. А. Патабні Нацыянальнай акадэміі навук Украіны, Кіеў, Украіна.
Халінаў В. В. Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, Мінск, Беларусь.
Хаўстовіч М. В. Варшаўскі ўніверсітэт, Варшава, Польшча.
Цзян Цюнь Далянскі політэхнічны ўніверсітэт, Далян, Кітай.
Шамякіна Т. І. Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, Мінск, Беларусь.

EDITORIAL BOARD

Editor-in-chief

ZAPRUDSKI S. M., PhD (philology), docent; associate professor at the department of Belarusian linguistics of the faculty of philology of the Belarusian State University, Minsk, Belarus.
E-mail: zaprudski@gmail.com

Deputy editors-in-chief

GONCHAROVA-GRABOVSKAYA S. Y., doctor of science (philology), full professor; professor at the department of Russian literature of the faculty of philology of the Belarusian State University, Minsk, Belarus.

E-mail: goncharova_s@tut.by

ARSENTIEVA M. F., PhD (pedagogics), docent; head of the department of German languages of the faculty of international relations of the Belarusian State University, Minsk, Belarus.

E-mail: arsentseva@mail.ru

PRYHODZICH M. R., doctor of science (philology), full professor; head of the department of Belarusian linguistics of the faculty of philology of the Belarusian State University, Minsk, Belarus.

E-mail: mik197@tut.by

Executive secretary

LIANKIEVICH A. U., PhD (philology); associate professor at the department of Belarusian linguistics of the faculty of philology of the Belarusian State University, Minsk, Belarus.

E-mail: alena.liankevich@gmail.com

- | | |
|---------------------------|--|
| <i>Allignol C.</i> | Stendhal University, Grenoble 3, Grenoble, France. |
| <i>Danylenko A.</i> | Pace University, New York, USA. |
| <i>Dubinko S. A.</i> | Belarusian State University, Minsk, Belarus. |
| <i>Gladkova H.</i> | Charles University, Prague, Czech. |
| <i>Hentschel G.</i> | Carl von Ossietzky University of Oldenburg, Oldenburg, Germany. |
| <i>Ivashkevich I. N.</i> | Belarusian State University, Minsk, Belarus. |
| <i>Jiang Qun</i> | Dalian Polytechnic University, Dalian, China. |
| <i>Khalipov V. V.</i> | Belarusian State University, Minsk, Belarus. |
| <i>Khaustovich M. V.</i> | University of Warsaw, Warsaw, Poland. |
| <i>Kohler G.-B.</i> | Carl von Ossietzky University of Oldenburg, Oldenburg, Germany. |
| <i>Koval V. I.</i> | Francisk Skorina Gomel State University, Gomel, Belarus. |
| <i>Kretschmer A.</i> | University of Vienna, Vienna, Austria. |
| <i>Lukashanets A. A.</i> | Center for Belarusian culture, language and literature research of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus. |
| <i>Mechkovskaya N. B.</i> | Belarusian State University, Minsk, Belarus. |
| <i>Poplavskaya T. V.</i> | Minsk State Linguistic University, Minsk, Belarus. |
| <i>Rovdo I. S.</i> | Belarusian State University, Minsk, Belarus. |
| <i>Sajewicz M.</i> | Maria Curie-Skłodowska University, Lublin, Poland. |
| <i>Shamyakina T. I.</i> | Belarusian State University, Minsk, Belarus. |
| <i>Starichenok V. D.</i> | Belarusian State Pedagogical University named after Maxim Tank, Minsk, Belarus. |
| <i>Taranenko A. A.</i> | A. A. Potebnya Institute of Linguistics of the National Academy of Sciences of Ukraine, Kyiv, Ukraine. |
| <i>Valochka H. M.</i> | National Institute of Education, Minsk, Belarus. |
| <i>Valodzina T. V.</i> | Kandrat Krapiva Institute of Arts Studies, Ethnography and Folklore of the Center for the Belarusian culture, language and literature research of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus. |
| <i>Voevoda E. V.</i> | Moscow State Institute of International Relations, Moscow, Russia. |
| <i>Volynets T. M.</i> | Belarusian State University, Minsk, Belarus. |
| <i>Zoltan A.</i> | Eötvös Loránd University of Budapest, Budapest, Hungary. |

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

ЛИТЕРАТУРАЗНАЎСТВА

LITERARY RESEARCH

УДК 821.162.1(092)

БЕЛОРУССКИЙ ДИСКУРС В ТВОРЧЕСТВЕ ЮЗЕФА ЧЕХОВИЧА

Н. Н. ХМЕЛЬНИЦКИЙ¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Исследуются роль белорусского фактора и специфика его функционирования в творчестве польского писателя Ю. Чеховича. Выявлены и определены формы и уровни художественного воплощения белорусского дискурса в поэтических и прозаических произведениях автора: хронотоп (д. Слободка), реалии, мотивы, образы-символы, герои, пейзаж, язык. В поэзии Ю. Чеховича особое место занимает социально-психологический портрет белорусского крестьянства, фольклор, культура и традиции которого отражают самобытность и устойчивость духовных основ бытия народа. Природа белорусской земли, не тронутая цивилизацией, для польского автора является воплощением гармонии и красоты. Определена антивоенная направленность художественно-документальной прозы писателя, в основу которой положены его впечатления периода Советско-польской войны. Показано, что художественный мир произведений Ю. Чеховича в значительной степени формировался в силовом поле диалога традиций и культур белорусско-польского пограничья.

Ключевые слова: Юзеф Чехович; традиция; белорусско-польское пограничье; автобиографизм; образ-символ; авангард; фольклор; мифология; белорусские реалии; дискурс.

Образец цитирования:

Хмельніцкі ММ. Беларускі дыскус у творчасці Юзафа Чаховіча. *Часопіс Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта. Філалогія*. 2021;1:5–13.

For citation:

Khmalnitski MM. Belarusian discourse in Yuzef Chekhovich's works. *Journal of the Belarusian State University. Philology*. 2021;1:5–13. Belarusian.

Автор:

Николай Николаевич Хмельницкий – кандидат филологических наук, доцент; доцент кафедры теоретического и славянского литературоведения филологического факультета.

Author:

Mikalai M. Khmalnitski, PhD (philology), docent; associate professor at the department of theoretical and Slavic literary criticism, faculty of philology.
khmelnickinn@bsu.by

БЕЛАРУСКІ ДЫСКУРС У ТВОРЧАСЦІ ЮЗАФА ЧАХОВІЧА

М. М. ХМЯЛЬНИЦКІ^{1*}

^{1*}Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт,
пр. Незалежнасці, 4, 220030, г. Мінск, Беларусь

Даследуюцца роля беларускага фактару і спецыфіка яго функцыянавання ў творчасці польскага пісьменніка Ю. Чаховіча. Выяўлены і ахарактарызаваны формы і ўзроўні мастацкага ўвасаблення беларускага дыскурсу ў паэтычных і празаічных творах аўтара: хранатоп (в. Слабодка), рэаліі, матывы, вобразы-сімвалы, героі, пейзаж, мова. У паэзіі Ю. Чаховіча адметнае месца займае сацыяльна-псіхалагічны партрэт беларускага сялянства, фальклор, культура і традыцыі якога адлюстроўваюць самабытнасць і трываласць духоўных асноў быцця народа. Прырода беларускай зямлі, не кранутая цывілізацыяй, для польскага аўтара з'яўляецца ўвасабленнем гармоніі і прыгажосці. Вызначана антываенная скіраванасць мастацка-дакументальнай прозы пісьменніка, у аснову якой пакладзены яго ўражанні перыяду Савецка-польскай вайны. Паказана, што мастацкі свет твораў Ю. Чаховіча ў значнай ступені фарміраваўся ў сілавым полі дыялогу традыцый і культур беларуска-польскага памежжа.

Ключавыя словы: Юзаф Чаховіч; традыцыя; беларуска-польскае памежжа; аўтабіяграфізм; вобраз-сімвал; авангард; фальклор; міфалогія; беларускія рэаліі; дыкурс.

BELARUSIAN DISCOURSE IN YUZEF CHEKHOVICH'S WORKS

М. М. KHMIALNITSKI^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

The role of the Belarusian factor and functioning specifics is being studied thereof in the creativity of the Polish writer, Yu. Chekhovich. It reveals and defines forms and levels of the artistic embodiment of the Belarusian discourse in author's poetry and prose: the chronotope (the village of Slabodka), realities, motives, symbolic images, heroes, character, landscape, and language. In Yu. Chekhovich's poetry, a special place belongs to the socio-psychological portrait of the Belarusian peasantry, the folklore, culture and traditions of which reflect the originality and stability of the spiritual basics of people's life. For the Polish writer, the nature of Belarusian land, untouched by civilization, is an embodiment of harmony and beauty. The work defines the antiwar nature of his artistic and documentary prose based on his impressions from the Soviet-Polish war. It proves that the artistic world of Yu. Chekhovich's creativity was largely formed in the power field of the dialogue run within the traditions and cultures of the Belarusian-Polish borderland.

Keywords: Yuzef Chekhovich; tradition; vicinity of the Belarusian-Polish border; autobiography; image-symbol; avant-garde; folklore; mythology; Belarusian realities; discourse.

Уводзіны

Творчая спадчына польскага паэта і празаіка Юзафа Чаховіча (*Józef Czechowicz*, 1903–1939) можа зацікавіць айчыннага чытача не толькі мастацкай арыгінальнасцю, але і прысутнасцю ў ёй беларускай тэматыкі. Гэты ракурс даследавання пакуль не атрымаў належнай увагі ў літаратуразнаўстве, але пэўная эмпірычная база ўжо назапашана. Напрыклад, беларуская даследчыца І. Кур'ян на аснове мастацкіх тэкстаў, успамінаў Ю. Чаховіча і архіўных дакументаў робіць спробу рэканструяваць беларускі перыяд яго жыцця і творчасці [1]. Відавочныя праявы беларускага дыскурсу ў паэзіі пісьменніка трапілі ў фокус увагі М. Цалбэцкага [2]. Асобныя вершы польскага паэта перакладалі на беларускую мову А. Лойка і Л. Баршчэўскі.

Арыгінальная творчасць Ю. Чаховіча, самым непасрэдным чынам звязаная з паэтычным авангардам міжваеннага дваццацігоддзя, кардынальна паўплывала на развіццё польскай паэзіі XX ст. Дадзены аспект знайшоў адлюстраванне ў многіх даследаваннях [3–5]. Аднак адметнасць рэцэпцыі беларускага кампанента на розных узроўнях у паэтычных і празаічных творах Ю. Чаховіча не стала прадметам навуковых прац. У тэарэтычным і гісторыка-літаратурным плане гэты ракурс уяўляе цікавасць, бо

дазваляе не толькі зафіксаваць прыватныя моманты літаратурнага жыцця, але і выявіць новыя падыходы ў асэнсаванні беларускай праблематыкі ў польскай літаратуры XX ст.

Мэта даследавання – раскрыць спецыфіку мастацкага ўвасаблення і функцыянавання беларускага дыскурсу ў творчасці Ю. Чаховіча з улікам грамадска-палітычнай сітуацыі і літаратурнага працэсу ў Польшчы ў перыяд 1918–1939 гг.

Пры напісанні артыкула выкарыстаны гісторыка-культурны, біяграфічны, сацыялагічны метады з элементамі цэласнага аналізу мастацкага тэксту. Высновы зроблены з апорай на канцэпцыю дыялогу культур М. М. Бахціна, а таксама на асноўныя палажэнні дыскурсу-аналізу, якія ў творах Ю. Чаховіча рэалізуюцца ў розных мадыфікацыях і формах: быццёвай, экзістэнцыяльнай, сацыякультурнай і маральна-этычнай. Феномен памежнасці ў яго паэзіі трансфармуецца з канкрэтных гістарычнага часу і прасторы ва ўнутраны свет лірычнага героя, які актыўна спазнае гэту прастору.

Вынікі і іх абмеркаванне

Польскія пісьменнікі, якія сфарміраваліся як творчыя асобы пад выразным, часам складаным і амбівалентным уздзеяннем сацыякультурнай прасторы беларуска-польскага памежжа, увасобілі ў сваёй творчасці яго разнастайныя праявы, засведчыўшы тым самым рэгіянальную спецыфіку развіцця літаратуры Польшчы. Пацвярджэннем гэтаму можа служыць жыццё і творчая спадчына Ю. Чаховіча: у 1920 г. будучы паэт удзельнічаў у Савецка-польскай вайне, а пасля заканчэння настаўніцкай семінарыі з 1921 па 1933 г. працаваў у школе в. Слабодкі, якая знаходзіцца на тэрыторыі сучаснай Браслаўшчыны. Дадзены перыяд жыцця Ю. Чаховіча самым непасрэдным чынам быў звязаны з Беларуссю, знайшоўшы мастацкае адлюстраванне і ў яго творчасці. І. Кур'ян у сваёй публікацыі слушна адзначыла: «Прыгожая Слабодка сапраўды спадабалася Чаховічу. Нават больш за тое, запусціла ў ім паэтычны механізм. <...> І сёння кожны можа пераканацца ў наступным: Слабодка з'яўляецца крыніцай натхнення, якога польскаму аўтару не ўдалося пазбегнуць! Прыемна адзначыць, што беларуская Слабодка адыграла ролю музы для вялікага польскага паэта. Чаховіч быў варты Слабодкі, а Слабодка – Чаховіча, але над фактам такога ўзаемаўзбагачэння на ўзроўні глыбокіх азёрных пачуццяў да гэтай пары не пастаўлена кропка»¹ [1, s. 80].

Сапраўды, беларуская вёска Слабодка і яе ваколіцы сталі крыніцай творчага натхнення для Ю. Чаховіча. Напрыклад, у вершы «Яшчэ пейзаж» (*Jeszcze pejzaż*) са зборніка «Чалавечая нота» (*Nuta człowieka*, 1939) польскі паэт наступным чынам узаўяўляе ў памяці знаёмыя і дарагія яму краявіды Браслаўшчыны:

*pod pianą fal przyboisko
prom jak zabawka malutki
gołębie i krzyże się iskrzą
na widocznych zza wzgórz
białych wieżach kościoła słobódki*

*a jezioro u drogi jak szklane słońce
dzień po zaściankach białoruski dymi
wodę ugrzewa w obrywistych brzegach
dzień białoruski w rybach grzybach mące
przez pola piosnka przebiega*² [6, s. 36].

Паэт, як можна пераканацца на прыкладзе нават гэтага фрагмента, быў вельмі чуйным да мілагучнасці «тутэйшай» мовы і народных песень, прыгажосці мясцовай прыроды. Нездарма А. Лойка – знаўца і перакладчык паэзіі Ю. Чаховіча – трапна заўважыў: «Калі ж гаварыць пра паэзію такога выдатнага прадстаўніка польскай авангардысцкай паэзіі 1930-х гадоў, як Ю. Чаховіч, то, канешне, не вобраз другога дна тут падыходзіць, а вобраз першакрыніцы, азёрнага браслаўскага плёсу, з якіх матывы і вобразы чэрпаў гэты арыгінальны паэт» [7, с. 161]. Нават калі польскі паэт жыў у Варшаве, яго творчая свядомасць працягвала сілкавацца беларускай стыхіяй (верш «Гэта хвіліна» (*Ta chwila*)), знаходзячы для яе мастацкае ўвасабленне на самых розных узроўнях:

*to jest w kuchni dom na pradze niedaleko remiz
tramwajami co za ozarwień ulice się dławią*

¹Тут і далей, калі не ўказана іншае, пераклад наш. – М. Х.

²пад пенай хваль прыбой / паром як цацка маленькі / галубы і крыжы іскрацца / на бачных з-за пагоркаў / белых вежах касцёла слабодкі // а возера ля дарогі як шкляное сонца / дзень беларускі па засценках дыміцца / ваду нагрэвае ў абрывістых берагах / дзень беларускі ў рыбе грыбах муцэ / праз палі прабягае песня.

*a zły odbłask bije zorzą po kamieniach
i doszcz i doacz i doazoz i doszcz i deszcz*³ [8, s. 98].

Сапраўдны свет паэзіі Ю. Чаховіча, нягледзячы на блізкую яму авангардна-футурыстычную праграму, – гэта не горад, а перш за ўсё беларуская і польская вёскі, малыя мястэчкі, якія часта набылі абыры аркадыскага хранатопу. Вёска ў творах пісьменніка ахутвае чытача атмасферай гармоніі і спакою, прыгажосцю не кранутай цывілізацыяй прыроды. Вершы гэтай тэматыкі складаюць, бадай, ці не самую адметную старонку паэтызацыі правінцыі ў польскай літаратуры міжваеннага дваццацігоддзя. Праз паэзію Ю. Чаховіч перадаў гарманічны ўклад жыцця вяскоўцаў, суладдзе чалавека і прыроды, мірнае субыццё шматэтнічнага мясцовага насельніцтва:

*...żydzi
żydówki
czarne mieszcanki
cierkiew srebrna
dzwony
zielone drzewa
wysokie słupy latarni
sklep narożny*⁴ [8, s. 23].

Самабытная вобразнасць многіх вершаваных твораў Ю. Чаховіча, такое глыбокае пранікненне ў асноватворныя з’явы жыцця і рэчаіснасці, як падаецца, не былі б магчымымі без побыту паэта ў беларускай вёсцы. У сваёй творчасці ён імкнуўся ўбачыць і зафіксаваць глыбокую сімвалічнасць, духоўна-сакральнае значэнне кожнай прайвы зямной экзістэнцыі вяскоўца і яго спрадвечных клопатаў (верш «У вёсцы» (*Na wsi*)):

*Siano pachnie snem.
Siano pachniało w dawnych snach.
Popołudnia wiejskie grzeją żytem,
słońce dzwoni w rzekę z rozbłyskanych blach,
życie – pola – złotolite*⁵ [8, s. 46].

Жыццё на тэрыторыі беларуска-польскага памежжа ўспрымалася Ю. Чаховічам як своеасаблівае прыгода духу. Ён адчуваў адметнасць гэтай прасторы, якая была вынікам субыцця некалькіх народаў, скрыжавання розных культур і традыцый. Многія творы Ю. Чаховіча звязаны менавіта з Літвой-Беларуссю, чым ён падтрымліваў традыцыю паэтызацыі «крэсаў». Напрыклад, у хрэстаматычным вершы «Праз крэсы» (*Przez kresy*) польскі паэт праз асобныя рэаліі і дэталі малое канкрэтыку памежнага жыцця, разглядае яго ў больш шырокім этнакультурным кантэксце. Выкарыстоўваючы вобраза-выяўленчы патэнцыял авангарднай паэтыкі, Ю. Чаховіч улаўляе гэты край з яго адметным жыццёвым рытмам, штодзённымі клопатамі, *ляснымі лугавымі* дарогамі, узараным полем, іржышчам, за якое чапляецца *месяц цёмна-чырвоны*. Цэнтральным вобразам верша выступае кола – сімвал быцця і алегарычнае ўвасабленне малой радзімы, якая трымае ў сваім сілавым полі кожнага чалавека. Вобраз-сімвал кола ў паэзіі Ю. Чаховіча – адзін са сродкаў міфалагізацыі прасторы сумежжа:

*monotonnie koń głowę unosi
grzywa spada raz po raz rytmem
koła koła
ziola
<...>
nic nie ma nawet snu tylko kół skrzyp
mgława noc jawa rozlewna
wołam kołacz złoty
wołam koła dołem polem kołacz złoty*⁶ [8, s. 25].

³ Гэта ў кухні дом што на празе непадалёку ад дэпо / трамвай што за вуліцы прасвятлення душацца / а нядобры водбліск б’е зарніцаю па каменнях / і дошч і доож і доож і дошч і дождж’.

⁴ Яўрэі / яўрэікі / чорныя мяшчанкі / срэбная царква / званы / зялёныя дрэвы / высокія слупы ліхтары / склеп на рагу’.

⁵ «Сена пахне сном. / Сена пахнула ў даўніх снах. / Полудні вясковыя цёплыя жытам, / сонца звоніць у раку з бліскатлівых блях, / жыццё – палі – золаталітыя» (пераклад А. Лойкі) [9, с. 212].

⁶ «манатонна конь морду ўздымае / грыва плыве раз у раз рытмам / кола-кола / зёлы // <...> // наўкола нават сну няма рып колаў / ноч імгла явай разлітай / плача залаты калач / плача кола долам полем калач залаты» (пераклад А. Лойкі) [9, с. 213].

Этнакультурную адметнасць памежнага рэгіёна перадаюць і творы Ю. Чаховіча, прысвечаныя беларускай вёсцы, якую ён добра ведаў пасля ваенных паходаў пад сцягам Пілсудскага і працы школьным настаўнікам у браслаўскай вёсцы Слабодцы. Менавіта гэтыя шляхі-дарогі па беларуска-польскіх «крэсах» у 1932 г. паэт прыгадае ў вершы «Аўтапартрэт» (*Autoportret*):

*i znów litwa jeziornej jesieni
chora borów na wzgórzach mosiądzem
wody pod łodzią rumianiec
na przemian z mową białoruską
lśnił na wybrzeży wstędze
we wstędze ręki mej pluskał...*⁷ [8, s. 25].

У кантэксце папярэдніх разважанняў няма асаблівых падстаў пагадзіцца з думкай польскага даследчыка Р. Матушэўскага, які сцвярджаў: «Чаховіч у многіх сваіх вершах жывапісаў польскі вясковы краявід, а таксама абаяльнасць польскай правінцыі, ціхіх сельскіх мястэчак на Любельшчыне, прыгажосць роднай зямлі і роднага горада» [10, s. 211]. Яскравым пацвярджэннем таму, што Ю. Чаховіч малое ідылію менавіта беларускай вёскі, з'яўляецца яго верш «У вёсцы», у якім памяць паэта ўзнаўляе наступную карціну вечара: *каровы малочныя*, што вяртаюцца дадому і *жуўку жуўюць над карытам поўным змроку*, зоркапад, маладзік, які *ідзе срэбныя хусткі мыць*, конікі ў стагах. Дадзеныя ўспаміны для паэта як цудадзейны аб'ект *ад раны...* перад злом у цывілізацыйным тлуме сучаснасці, дэманстрацыя пантэістычнага ўспрымання свету менавіта на гэтай зямлі [9]. У вершы «Аўтапартрэт» Беларусь-Літва стала месцам зямнога і духоўнага сталення польскага паэта:

*litwa raz pierwszy
ciekła przez marszów smugi jak przez palce
przeciekła z frontu do wierszy
wiersze o mnie walczą*⁸ [8, s. 194].

Мова мясцовага насельніцтва была для Ю. Чаховіча нязменнай адзнакай, атрыбутам гэтага краю, а музыка яе слоў, як здавалася польскаму пісьменніку, брала вытокі ў шэпце бароў і лясоў, плёскае азёр і рэк. А. Лойка на гэты конт вельмі слушна заўважыў: «Думаецца, што не без уплыву вобразаў, матываў, інтанацый беларускага народнага меласу пісаў Ю. Чаховіч “Песню нядобрае буры”, а што ўжо да беларускага жыццёвага прататыпу ў вершы Ю. Чаховіча “З успамінаў”, дык аб гэтым красамойна гаворыць і сам змест верша, і эпіграф да яго “Малая ўхажорка любіла плаваць уначы” (ухажорка паэтава называлася Ганначкай)» [7, с. 161]. Верш «З успамінаў» сапраўды зачароўвае чытача і сваім гучаннем, і прэзентаванай карцінай рамантычных сустрэч герояў: *...ты не збяжыш напеўна / Ганначко на бераг / ярчэ лета смех мой знаюць / не адны язі / над венцаром над баркай / колцы ўе дым шэры / аплётае як і тады аплётаў / ветразі // і лямпы тут і рэха / пустку шылі / было гуло ў прыгаршчах я ты / ніхто аб тым не ведаў дождж / збягаў на шыбах* (пераклад А. Лойкі) [9, с. 217].

Закранаючы вясковую тэматыку ў творчасці Ю. Чаховіча, адзначым асаблівыя адносіны польскага аўтара да таго спрадвечна ўсталяванага ладу жыцця вяскоўцаў, які ён нязменна паэтызуе. Здаецца, нават калі ў рэальнай плыні часу гэта ідылія і знікне, то ўспамін пра яе зможа выратаваць лірычнага героя перад абліччам жорсткай будучыні. Сапраўды, колькі ўзвышана-метафарычнага змяшчаецца ў тым, калі *каровы малочныя дадому наўпрост жуўку жуўюць над карытам поўным змроку; хмаркі сядзяць ля парогу ў мурогу кулямі белага пуху; маладзік ідзе срэбныя хусткі мыць* (пераклад А. Лойкі) [9]. Акордам-абярэгам гэтай дабраславёнай Богам ідыліі гучаць наступныя радкі з верша «У вёсцы»:

*Przecież siano pachnie snem
a ukryta w nim melodia kantyczki
tuli do mnie dziecięce policzki
chroni przed złem*⁹ [8, s. 47].

Вясковы цыкл Ю. Чаховіча – адметнае паэтычнае ўвасабленне досведу, які паэт атрымаў падчас побыту ў беларускай вёсцы Слабодцы, адлюстраванне гарманічнай повязі чалавека вёскі з прыродай.

⁷«ізноў Літва азёрнай восені / бароў харал па ўзгорках збранзавелы / вады з-пад лодкі румянец / напераменку з беларускай мовай / ільсніў на ўстужцы ўзбярэжжа / на ўстужцы рукі маёй плюскаў» (пераклад А. Лойкі) [9, с. 215].

⁸«літва разу першага / цякла ў маршаў смуге як праз пальцы / перацякаючы з фронту ў вершы / вершы за мяне бой вершаць» (пераклад А. Лойкі) [9, с. 215].

⁹«сена пахне сном / мелодыяй малітоўніка ў ім прыхаванай / што туліцца да мяне як да раны / аберагае перад злом» (пераклад А. Лойкі) [9, с. 212].

Вобразы-сімвалы «тутэйшай» зямлі (неба, азёры, рэкі, лясы) – крыніца натхнення і яскравых успамінаў для паэта (верш «Coda»):

*fale chodzą cichutko
z drugiego brzegu od bagien
prowadzi wesolą łódkę
łopoczący żagiel <...>*

*taki w pamięci pejzaż się otwiera
choć dzień nie jeden go pokrył
jezioro na litwie nazywało się wiero
ten rybak bogdan modryj¹⁰ [8, s. 78].*

Многія матывы і вобразы ў паэзіі Ю. Чаховіча народжаны аўтарскім сузіраннем беларускіх вясковых краявідаў, якія з’яўляюцца для паэта крыніцай гармоніі, прыгажосці і захаплення, бо тут *chaty wzdłuż horyzontu białe, korabiowe, / strzechy, na kalenicy napuszczone wróble; tęcze złote i srebrne, rzeki, mgły, ogrody; z pustej hali nieba opada pył niebieski*. Ю. Чаховіч асабліваю ўвагу скіроўваў на сцвярджэнне прыроджанай высакароднасці жыхароў вёскі, апісанне знешняй і ўнутранай прыгажосці мясцовых дзяўчат. Так, у вершы «Круглая зямля ў аблоках» (*Krągła ziemia w obłokach*) паэт называе беларускіх сялян «багамі раллі» (*brązowolice ról pachnących bogi*), якія плугі «працавіта і рупліва сунуць» (*praco-wicie i solennie suną*).

Ю. Чаховіч змог убачыць і адчуць, наколькі моцна звязана з зямлёй-карміцелькай жыццё кожнага беларускага селяніна, цяжкая штодзённая праца якога суадносіцца з вядомай апакрыфічнай легендай пра тое, як Бог даў Адаму пасля выгнання з раю плуг, каб той у поце твару здабываў сабе хлеб. Паэт стварае верш-гімн у гонар аратага з плугам у руках – ключ, што адчыняе брамы лепшага жыцця, сімвал еднасці з продкамі, якія спрадвеку потам і крывёю апрацоўвалі свой надзел:

*Plugu, jasny mój plugu!..
– ciche niebo nad strugą,
– ciche ręce u skroni,
– cichy dom w miodnej woni...*

*Plugu, bracie jeseni!..
– już po kośbie, po żniwach,
– puch matowy na śliwach
– ołtarz z polnych kamieni...*

<...>

*Plugu, lustro skowrończe!..
któż nam wrota otworzy,
kto otworzy nam wrota,
kiedy taka tęsknota...*

*Plugu, plugu na smugu,
dziś wieczorem nad strugą,
o zachodzie, o zorzy
ona wrota otworzy...¹¹ [8, s. 15].*

У адпаведнасці з канцэпцыяй польскай авангарднай паэзіі перыяду 1920–30-х гг. у творчасці Ю. Чаховіча прысутнічае апісанне Вільні, якая на працягу доўгага часу была культурным цэнтрам розных народаў і дзе мастацкае слова гучала аднолькава самабытна на кожнай мове. «Міжваенная Вільня – асаблівы горад, у якім перасякаліся палітычныя інтарэсы, перапляталіся альбо напластоўваліся культуры розных народаў, своеасаблівы межамі акружаны востраў, супярэчлівы характар якога выявіў

¹⁰ «хвалі ходзяць ціхутка / з другога берагу ад багнаў / напраўляе вясёлую лодку / лапатлівы ветразь // <...> такі ў памяці адкрываецца пейзаж / хоць не адзін дзень яго пакрыў / возера ў літве мела назву вера, / а той рыбак багдан модры».

¹¹ «Плузе, ясны мой плузе!.. / ціхае неба над ручаём / ціхія рукі ля скроні / ціхі дом у мядовым водары... // Плузе, брат восені!.. / ужо скончылася касавіца, скончылася жніво / матавы пух на слівах / алтар з палявых камянёў... <...> Плузе, жаўрукова лустэрка!.. / хто ж нам вароты расчыніць, / хто расчыніць нам вароты, / калі такая туга... // Плузе, плузе на смуге, / сёння вечарам над ручаём, / пры захадзе, пры зары / яна брамы адчыніць...».

Чэслаў Мілаш: «Як быццам Польшча, як быццам не Польшча, як быццам Літва, як быццам не Літва, як быццам правінцыя, як быццам сталіца, хоць перш за ўсё правінцыя». Сапраўды, у геапалітычным сэнсе Вільня ў той час была правінцыяй, але з пункта гледжання духоўнасці, творчасці правінцыяй яна ніколі не была» [11, с. 323]. Прысутнасць у творчасці Ю. Чаховіча Вільні як топаса і вобраза далучыла паэта да шматвекавой літаратурнай традыцыі, якую ён узбагаціў індывідуальна-аўтарскім успрыманням гэтага старажытнага горада, яго непаўторнай атмасферы, архітэктуры, урбаністычных пейзажаў, напрыклад, у вершы «Вільня» (*Wilno*):

*Noc – to koło
w ciszy niebieskiej welnie.
Wilno kościelne
śpi, białe, jak gołąb.*

*Wilnia się łuszczy
Puszcze o brzeg.*

*Litwa! Ziemia puszczy!
Jak dobrze...¹² [8, s. 78].*

Ю. Чаховіч не абмінуў беларускую праблематыку і ў эпічных творах, многія фрагменты якіх нагадваюць вершаваную прозу. Напрыклад, сваё жыццё ў Слабодцы аўтар адлюстравуе ў «Аповесці аб папяровай кароне» (*Opowieść o papierowej koronie*, 1923). Гэты твор пабудаваны як спалучэнне некалькіх наратыўных пластоў: фантастычнага (снабачанні) і рэалістычнага. Галоўны герой аповесці Генрык прыязджае ў вёску, каб паправіць духоўнае і фізічнае здароўе: *У прыгожай, ціхай Слабодцы здароўе вярталася да Генрыка. Была вясна, ён запрасіў да сябе сяброў, каб разам любаваліся лісцем, што пакрысе з'яўлялася на дрэвах: маленькімі, ліпкімі лісткамі таполі, бярозы ці дуба* [12, s. 108].

На ўлонні беларускай прыроды, каля возера ці ў лесе, героі «Аповесці аб папяровай кароне» вядуць размовы пра мастацтва, сэнс быцця, каханне, сяброўства, рэлігію, мясцовыя традыцыі. Галоўны герой твора неаднаразова падкрэслівае, што ў гэтым краі хрысціянства і язычніцкія вераванні працягваюць арганічна суіснаваць: *Замест таго каб верыць у Купалу, сёння верым у святога Яна. Замест Лады, Нії, Дзедзеліі маем тых, якія ахоўваюць нас у дзень смерці і кажуць палі засяваць і палі дабраслаўляюць... Будзь патрыёткай, ідзі ў люд і пашырай праўду. Кожная зямля ўласнымі кветкамі павінна квітнець. <...> Давайце дазволім простаму людзю верыць у язычніцкага Хрыста, бо гэта яднае веру з жыццём. І створым гэту адзіную веру на ўсім абшары нашых зямель* [12, s. 107]. Падобныя разважанні блізкія і аўтару, які некалькі гадоў пражыў у беларускай вёсцы і назіраў, як фальклор з'яўляўся тут неад'емнай часткай быцця мясцовага насельніцтва, шмат у чым прадвызначыўшы яго традыцыі. Фальклорна-міфалагічныя ўяўленні беларускага народа, як вядома, з цягам часу траплялі пад уплыў хрысціянскай традыцыі. У выніку наіўна-рэалістычнае светаадчуванне змянялася пад уздзеяннем рэлігіі: крытэрыем прыгожага выступала ўсё тое, што суадносілася з нормамі хрысціянскай маралі.

У апавяданні «Вада нябёсаў і зямлі» (*Wody niebios i ziemi*) Ю. Чаховіч разважае пра прыгажосць і адметнасць беларускай песні, нават уключае яе фрагмент у тэкст свайго твора: *Калі ён сядзеў вечарамі каля акна з напаяўзплюшчанымі вачыма, песня здалёку трывожыла яму думкі. Скрыпелі гушчалкі, і з усіх канцоў Слабодкі ляцела гэтая беларуская песенька, вясёлая па змесце, але сумная, у працяглай, сапраўды восеньскай мелодыі:*

*Kagda ja była ta-a-a-a-ła,
Mienia tama kałycha-a-a-a-ła!
Kagda stała podраста-a-a-a-ci,
Stali chłopcy kałycha-a-a-a-ci! [12, s. 110].*

У аўтабіяграфічным апавяданні «Літары» (*Litery*) Ю. Чаховіч успамінае свае ваенныя дарогі, калі лёс закінуў яго, юнака, у вір баёў на беларуска-польскім памежжы: *Быў і я з кагорты тых маладзенькіх жаўнераў, якіх забралі з-пад салодкай матчынай апекі і якія раптам апынуліся ў ваеннай віхуры, чужыя самі сабе. Я быў адным з іх і разумеў гэта добра. Мундзір, як прыкмета часу, ахоўваў мяне ад усяго, што я пакінуў у роднай хаце. Мундзір быў вялікі для мяне. Ён павінен быў стаць адзеннем жаўнера Рэчы Паспалітай, а тым часам прыкрываў цела сямнаццацігадовага хлопца, у якога было мала бадзёрасці духу, а яшчэ менш – загартуюкі на цяжкія маршы* [12, s. 204].

¹²Ноч – гэта кола / у цішы нябеснай воўне. / Касцёльная Вільня / спіць, белая, як голуб. // Вілія, нібы лускою, / плёскае ў бераг. // Літва! Край пушчаў! / Як добра...

Згодна з сюжэтам апаўядання, рускі казак, які ваяваў на баку Чырвонай арміі, за папіросы падарыў галоўнаму герою Біблію ў перакладзе Якуба Вуека. З гэтага часу кніга стала неадлучным спадарожнікам маладога жаўнера ў ваенных паходах: *Мой запас быў не такі ўжо і малы: майм спадарожнікам была Біблія. Аднойчы вечарам на літоўска-беларускім фронце мы спыніліся ў лесе. Было гэта пасля бітвы, калі вялікая грамада юнакоў у абарваных шынялях грэлася каля вогнішча* [12, s. 205]. Біблія стала для героя, як ён сам вызначыў, *абаронай перад рэчаіснасцю, поўнай абстрэлаў і выбухаў* [12, s. 206].

Паказальна, што аўтар словамі галоўнага героя выказваецца супраць вайны, якая скіравана таксама супраць чалавека і чалавечнасці: *Час сцірае ўспаміны. Але я штораз усё выразней бачу: быў дрэнным жаўнерам. Мяне больш суцяшалі ў паходах падарунак казака, нават абрываў газеты, нават васілёк на шэрай пожні, чым перамогі, у якіх я ўдзельнічаў* [12, s. 210].

Ю. Чаховіч у запісах з часоў савецка-польскай ваеннай кампаніі «Людзі, коні, дождж... Успаміны з 1920-х гг.» (*Ludzie, konie, deszcz... Wspomnienie z 1920 r.*) прыгадвае сваіх ваенных сяброў – Кныша, Віцька, Драбнякоўскага, Ныся, графа Заслаўскага, капрала Сташкоўскага і інш., многія з якіх былі родам з беларускіх зямель, але вымушаны былі ваяваць па розных бакі. Польскі аўтар не малое батальных сцэн, бо яго больш цікавіць экзістэнцыя звычайных людзей на вайне: у кожнага свая ваенная гісторыя, але лёс і гістарычны час аб'ядналі іх на полі бітвы.

Падчас ваеннай кампаніі атрад, у якім служыў Ю. Чаховіч, спыніўся на адпачынак у беларускай вёсцы. Вось якім чынам ён перадае свае ўражанні ад знаёмства з вёскай і рэакцыю мясцовых жыхароў на візіт польскіх жаўнераў праз галоўнага героя: *Высока ў начным небе плылі хмары. У ваколіцы выў сабака. Спыніліся мы ўчацвярых на ганку беларускай хаты, вагаючыся: уваходзіць ці не? Мы прагнулі начлегу ў цяпле, бо ў папярэднюю ноч нам было холадна пад адкрытым небам, а ва ўсіх хатах і гумнах вёскі, на лавах і печках покатам ляжала наша жаўнерская брація, стомленая доўгім маршам. Адначасова са скрыгатам нізкіх дзвярэй павеяла на нас подыхам смерці, чадам свечак і малітвамі кабет. Схуднелыя, з упалымі вачыма, яны сядзелі ўздоўж сцен ці стаялі на каленях пасярод хаты каля лавы, на якой ляжаў нябожчык. Калі мы засталіся начаваць у хаце, старая кабета прамовіла па-беларуску: «Каб іх воўкі! От ерацікі лабатыя»* [12, s. 250–251]. Гэта апісанне праз бытавую дэталі і моўную рэакцыю падкрэслівае гуманістычную пазіцыю аўтара ўспамінаў, узмацняе іх антываенны пафас.

Заклучэнне

Такім чынам, паэзія Ю. Чаховіча, разгледжаная праз прызму беларускасці, утрымлівае цікавы матэрыял: па-першае, польскі пісьменнік зафіксаваў канкрэтыку прымежнага жыцця беларускай вёскі ў міжваеннай Польшчы; па-другое, многія яго вершы ўзніклі як творчая рэакцыя на ўбачаныя аўтарам рэаліі, традыцыі і побыт жыхароў беларускай вёскі Слабодкі; па-трэцяе, вершаваная спадчына паэта засведчыла самабытнасць і трываласць духоўных асноў жыцця беларускага народа. Празайчныя творы Ю. Чаховіча, адлюстраваныя яго беларускі побыт і творчыя памкненні, сталі важным сродкам самавыяўлення пісьменніка, засведчылі сацыяльна-псіхалагічны партрэт прадстаўнікоў беларускага народа ў ваенны і мірны час.

Бібліяграфічныя спасылкі

1. Kuryan I. Jeździłam łodzią po Słobódce. *Scriptores*. 2009;37:74–104.
2. Całbecki M. *Józef Czechowicz i inni mitotwórcy. Studia i szkice z literatury dwudziestolecia międzywojennego*. Kosznik M, editor. Gdańsk: Wydawnictwo Uniwersytetu Gdańskiego; 2020. 218 s.
3. Całbecki M. *Miasta Józefa Czechowicza: topografia wyobraźni*. Lublin: Wydawnictwo Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej; 2004. 245 s.
4. Próchniak P, Kopciński Ja, editors. *Czytanie Czechowicza*. Lublin: Wydawnictwo Katolickiego Uniwersytetu Lubelskiego; 2003. 246 s.
5. Kołodziejczyk E. *Czechowicz – najwyżej piękno. Światopogląd poetycki wobec modernizmu literackiego*. Kraków: Towarzystwo Autorów i Wydawców Prac Naukowych «Universitas»; 2006. 392 s.
6. Czechowicz Ju. *Nuta człowieka*. Warszawa: Księgarnia F. Hoesicka; 1939. 46 s.
7. Лойка А. *Роўнакутны трохвугольнік, або Ад Палямона да Максіма Танка*. Мінск: БДУ; 2003. 214 с.
8. Czechowicz Ju. *Wiersze i poematy*. In: Czechowicz Ju. *Pisma zebrane. Tom 1*. Lublin: Wydawnictwo Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej; 2012. 394 s.
9. Лойка А. *Напярэймы: ад Буга да Варты. Анталогія польскай паэзіі XX стагоддзя. Том 1*. Мінск: Энцыклапедыкс; 2003. 386 с.
10. Matuszewski R. *Literatura polska lat 1918–1939*. Warszawa: Wydawnictwo Szkolne Pedagogiczne; 1985. 343 s.
11. Лапінскене А. Беларуская літаратура ў літоўскім друку міжваеннай Вільні. У: Запрудскі С, Фядута А, Шыбека З, рэдактары. *Беларусь і беларусы ў прасторы і часе*. Мінск: Лімарыус; 2007. с. 323–327.
12. Czechowicz J. *Koń rydzy*. Lublin: Wydawnictwo Lubelskie; 1990. 478 s.

References

1. Kuryan I. Jeździłam łodzią po Słobódce. *Scriptores*. 2009;37:74–104.
2. Całbecki M. *Józef Czechowicz i inni mitotwórcy. Studia i szkice z literatury dwudziestolecia międzywojennego*. Kosznik M, editor. Gdańsk: Wydawnictwo Uniwersytetu Gdańskiego; 2020. 218 s.
3. Całbecki M. *Miasta Józefa Czechowicza: topografia wyobraźni*. Lublin: Wydawnictwo Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej; 2004. 245 s.
4. Próchniak P, Kopciński Ja, editors. *Czytanie Czechowicza*. Lublin: Wydawnictwo Katolickiego Uniwersytetu Lubelskiego; 2003. 246 s.
5. Kołodziejczyk E. *Czechowicz – najwyżej piękno. Światopogląd poetycki wobec modernizmu literackiego*. Kraków: Towarzystwo Autorów i Wydawców Prac Naukowych «Universitas»; 2006. 392 s.
6. Czechowicz Ju. *Nuta człowiecza*. Warszawa: Księgarnia F. Hoesicka; 1939. 46 s.
7. Lojka A. *Równakutny trohvugol'nik, abo Ad Paljamona da Maksima Tanka* [Smooth triangle, or from Palyamon to Maxim Tank]. Minsk: Belarusian State University; 2003. 214 p. Belarusian.
8. Czechowicz Ju. Wiersze i poematy. In: Czechowicz Ju. *Pisma zebrane. Tom I*. Lublin: Wydawnictwo Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej; 2012. 394 s.
9. Lojka A. *Napiarejmy: ad Buga da Warty. Antologia polskaj paezji XX stagoddzia. Tom I* [Towards from Bug to Warta. Anthology of 20th century Polish poetry. Volume 1]. Minsk: Jencyklapedyks; 2003. 386 p. Belarusian.
10. Matuszewski R. *Literatura polska lat 1918–1939*. Warszawa: Wydawnictwo Szkolne Pedagogiczne; 1985. 343 s.
11. Lapinskene A. [Belarusian literature in the Lithuanian press of the interwar Vilna]. In: Zaprudski S, Fiaduta A, Szybieka Z, editors. *Belarus' i belarusy w prastory i chase* [Belarus and Belarusians in space and time]. Minsk: Limarius; 2007. p. 323–327. Belarusian.
12. Czechowicz J. *Koń rydzy*. Lublin: Wydawnictwo Lubelskie; 1990. 478 s.

Артыкул паступіў у рэдкалегію 05.11.2020.
Received by editorial board 05.11.2020.

СПЕЦИФИКА НАРАЦИИ В ДИСКУРСЕ СВЕТЛАНЫ АЛЕКСИЕВИЧ: PRO ET CONTRA

О. Н. ГУБСКАЯ¹⁾

¹⁾Белорусский государственный экономический университет,
пр. Партизанский, 26, 220070, г. Минск, Беларусь

Рассматривается вопрос жанрового определения произведений Светланы Алексиевич. Представлен обзор исследований по данной проблеме. Демонстрируются взгляды как белорусских, так и зарубежных ученых, которые единогласно отрицают принадлежность произведений С. Алексиевич исключительно к документалистике. При этом подчеркивается отсутствие у современных литературоведов четкой позиции в вопросе определения жанра произведений писателя. Гибридный жанр, метажанр – термины, которые на сегодня являются оперативными в отношении указанной выше проблемы. Показано, что присутствие элементов художественности в дискурсе С. Алексиевич – очевидная особенность ее способа наррации. С учетом идеи о метахудожественности факта в контексте литературного произведения исследуется специфика наррации в дискурсе С. Алексиевич. Изучается роль факта в авторском тексте. С использованием семиотической методологии проводится нарратологический анализ структуры текстов писателя. Сделан вывод, что конечный продукт творчества С. Алексиевич – сумма контекстов, связывающих реальный факт прошлого (историческое событие), этот же факт в переосмысленном виде (нарративное событие) и трансформированное через призму сознания автора новое содержание данных явлений. Доказывается, что произведения С. Алексиевич – это тексты в тексте, что придает им особую нарративную специфику. Становится очевидной двойная обработка факта: сначала непосредственно в сознании рассказчика – участника реальных исторических событий, затем – в сознании конкретного автора, интерпретирующего нарративное событие в наррацию и собственный дискурс. В результате формируется система кодов, которыми пользуется писатель для придания своим текстам нового культурного смысла. Цель статьи – продемонстрировать открытие нового культурного смысла в произведениях, которые составили пятикнижие С. Алексиевич «Голоса утопии».

Ключевые слова: факт; нарративное событие; историческое событие; система семиотических знаков; культурная память; метажанр.

СПЕЦИФИКА НАРАЦІЇ Ў ДЫСКУРСЕ СВЯТЛАНЫ АЛЕКСІЕВІЧ: PRO ET CONTRA

В. М. ГУБСКАЯ^{1*}

^{1*}Беларускі дзяржаўны эканамічны ўніверсітэт, пр. Партызанскі, 26, 220070, г. Мінск, Беларусь

Разглядаецца пытанне жанравага вызначэння твораў Святланы Алексіевіч. Прапанаваны агляд даследаванняў па дадзенай праблеме. Дэманструюцца погляды як беларускіх, так і замежных навукоўцаў, якія аднагалосна адмаўляюць прыналежнасць твораў С. Алексіевіч выключна да дакументалістыкі. Пры гэтым падкрэсліваецца адсутнасць у сучасных літаратуразнаўцаў дакладнай пазіцыі адносна вызначэння жанру твораў пісьменніцы. Гібрыдны жанр, метажанр – тэрміны, якія на сёння з’яўляюцца аператыўнымі ў дачыненні да ўказанай вы-

Образец цитирования:

Губская ВМ. Специфика наррации в дискурсе Светланы Алексиевич: *pro et contra*. *Журнал Белорусского государственного университета. Филология*. 2021;1:14–24.

For citation:

Gubskaya ON. The specifics of narrative in the discourse of Svetlana Alexievich: *pro et contra*. *Journal of the Belarusian State University. Philology*. 2021;1:14–24. Belarusian.

Автор:

Ольга Николаевна Губская – кандидат филологических наук, доцент; заведующий кафедрой белорусского и русского языков.

Author:

Olga N. Gubskaya, PhD (philology), docent; head of the department of Belarusian and Russian languages.
o_gubskaya@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0002-8066-4207>

шэй праблемы. Паказана, што прысутнасць элементаў мастацкасці ў дыскурсе С. Алексіевіч – відавочная асаблівасць яе спосабу нарацыі. З улікам ідэі аб метамастацкасці факта ў кантэксце літаратурнага твора даследуецца спецыфіка нарацыі ў дыскурсе С. Алексіевіч. Вывучаецца роля факта ў аўтарскім тэксце. З выкарыстаннем семіятычнай метадалогіі праводзіцца нараталагічны аналіз структуры тэкстаў пісьменніцы. Зроблена выснова, што канчатковы прадукт творчасці С. Алексіевіч – сукупнасць кантэкстаў, якія злучаюць рэальны факт мінулага (гістарычная падзея), гэты ж факт у пераасэнсаваным выглядзе (наратыўная падзея) і трансфармаваны праз прызму свядомасці аўтара новы змест дадзеных з’яў. Даказваецца, што творы С. Алексіевіч – тэксты ў тэксце, што надае ім асаблівую наратыўную спецыфіку. Становіцца відавочнай падвойная апрацоўка факта: спачатку непасрэдна ў свядомасці апавядальніка – удзельніка рэальных гістарычных падзей, затым – у свядомасці канкрэтнага аўтара, які інтэрпрэтуе наратыўную падзею ў нарацыю і ўласны дыкурс. У выніку фарміруецца сістэма кодаў, якімі карыстаецца пісьменніца для надання сваім тэкстам новага культурнага сэнсу. Мэта артыкула – прадэманстраваць адкрыццё новага культурнага сэнсу ў творах, што склалі пяцікніжку С. Алексіевіч «Галасы ўтопіі».

Ключавыя словы: факт; наратыўная падзея; гістарычная падзея; сістэма семіятычных знакаў; культурная памяць; метажанр.

THE SPECIFICS OF NARRATIVE IN THE DISCOURSE OF SVETLANA ALEXIEVICH: *PRO ET CONTRA*

O. N. GUBSKAYA^a

^aBelarus State Economic University, 26 Partyzanski Avenue, Minsk 220070, Belarus

The article deals with the issues of genre definition of Svetlana Alexievich's works. An overview of the research position on the above issue is proposed. The author demonstrates the views of both Belarusian and foreign scientists, who unanimously declare the absence of pure documentaries in the creation of S. Alexievich. At the same time, it is emphasized that modern literary critics do not have a clear position for determining the genre of the writer's works. Hybrid genre and meta-genre are terms which are currently operational with the regard to the abovementioned problem. It is proved that the presence of elements of artistry in the writer's discourse is an obvious feature of her way of narration. Taking into account the idea of meta-artistic fact in the context of a literary work, the specificity of narration in the discourse of S. Alexievich is investigated. The role of fact in the author's text of the writer is analyzed. Using the semiotic methodology, a narratological analysis of the structure of its texts is carried out. As a result of this analysis, it is concluded that the final product of the writer is the sum of contexts that connect a real fact of the past (a historical event), the same fact in a reinterpreted form (a narrative event) and the new content of these phenomena transformed through the prism of the author's consciousness. It is proved that the works of Svetlana Alexievich are texts in the text, which gives them a special narrative specificity. A double treatment of the fact becomes obvious: first directly in the mind of the narrator – a participant in real historical events, then in the mind of a specific author who interprets the narrative event into narration and his own discourse. As a result, a system of codes is formed, which the writer uses to give her texts a new cultural meaning. The purpose of this article is to demonstrate the discovery of a new cultural meaning in the works that made up S. Alexievich's pentateuch «Voices of Utopia».

Keywords: fact; narrative event; historical event; system of semiotic signs; cultural memory; meta genre.

Уводзіны

Творчасць Святланы Алексіевіч – знакавая з’ява ў гісторыі беларускай літаратуры, якая выклікае дыскусіі, палеміку, дыялог як у асяроддзі чытацкай аўдыторыі, так і ў навуковай супольнасці. Агульны інтарэс звычайна прыцягвае праблема жанравага вызначэння твораў пісьменніцы, іх аднясення да публіцыстыкі, дакументалістыкі або дакументальна-мастацкай хронікі XX ст. Даследаванні на дадзеную тэму найбольш шырока прадстаўлены ў працах такіх беларускіх навукоўцаў, як В. Дзесюкевіч [1], Н. Лысова [2], Л. Сінькова [3; 4], Н. Сівакова [5], З. Трацяк [6], а таксама замежных аўтараў: Л. Анінскага [7], К. Гурскай [8], В. Крылова [9], Сону Сайні [10], З. Куца [11], Сіхо Маэда [12], А. Месцерагі [13].

Пачынаючы гаворку пра ролю факта як жанравызначальнага элемента, перш за ўсё неабходна звярнуцца да эксперыментальнай энцыклапедыі А. Месцерагі, дзе дакладна адзначаецца: «Дакумент у яго “самастойным эстэтычным значэнні” і рэалізм як метада ў мастацтве XX ст. раптам нечакана знаходзяць адзін аднаго ў адзіным унутраным заданні, становяцца нейкім агульным полем творчага ператварэння рэчаіснасці»¹ [13, с. 67]. Даследчыца акцэнтуюе ўвагу на вельмі значным моманце

¹Тут і далей пераклад наш. – В. Г.

ў развіцці літаратуры XX–XXI стст. – з’яўленні ў ёй аўтараў, якія не лічаць сябе пісьменнікамі ў класічным разуменні гэтага паняцця. Фіксацыя дадзенай з’явы ў літаратуры накіроўвае вектар увагі на спецыфічнасць існавання і карэляцыі факта ў літаратурным дыскурсе. «Факт, які загаварыў сам па сабе, нечакана пашырыў прастору мастацкасці, бо атрымалася, што кніга можа быць напісана добра прынцыпова не пісьменнікам, а пісьменнік можа стварыць шэдэўр не толькі на падставе вымыслу. У гэтым сэнсе сам тэрмін “мастацкасць” сёння ўяўляецца залішнім. Рознае мастацтва, у тым ліку і славеснае, мастацкае па вызначэнні. Калі ж “мастацкасць” ужываецца ў значэнні “найвышэйшай якасці”, то такое ўжыванне тэрміна павінна спецыяльна агаворвацца», – піша А. Месцергазі [13, с. 71]. У сваіх разважаннях на тэму ролі факта ў літаратуры аўтар прыходзіць да канстатацыі важнай для дадзенага даследавання з’явы – метамастацкасці дакументальнага пачатку: «Акрамя асаблівай унутранай арганізацыі вобраза, які нараджаецца дакументальным сведчаннем, тут маецца яшчэ адзін немалазначны момант: дакументальны пачатак здольны заваёўваць галоўную пазіцыю ў літаратуры дзякуючы той метамастацкасці, якую ён заўсёды нясе ў сабе» [13, с. 74]. Для ўдакладнення сутнасці паняцця «метамастацкасць» варта звярнуцца да працы М. Гея, дзе сярод іншага аўтар заўважае: «Метамастацкасць і ёсць якраз тое, што азначае гранічнасць як рацыяналізму, логікі, канчатковай фармалізацыі думкі, так і традыцыйнага разумення “вобразнага” аднаўлення жыцця. У пэўнай ступені метамастацкасць – гэта самаажыццяўленне сэнсу “без меж” сепаратных падыходаў. Яна – гарант бязмежнасці спасціжэння сэнсабыцця звышнавуковымі і гіперэстэтычнымі шляхамі» [14, с. 134]. Дзякуючы прыманню ідэі метамастацкасці факта А. Месцергазі прыходзіць да лагічнай высновы адносна фактаграфізму С. Алексіевіч: «Яе кнігі, складзеныя з дакументальных сведчанняў, безумоўна, – мастацкія творы. Аўтарская пазіцыя, аўтарскі голас, які гучыць нароўні з галасамі герояў і нясе “сваю” праўду, арганізуе твор у мастацкае цэлае, вельмі далёкае ад літаратуры “чалавечага дакумента”. Мабыць, таму ў кнігі С. А. Алексіевіч цяжкі, драматычны лёс» [13, с. 96].

Тэма судакранання факта і мастацкасці ў творах С. Алексіевіч – адна з найбольш папулярных не толькі ў беларускім навуковым асяроддзі, але і сярод літаратуразнаўцаў свету. Так, індыйскі вучоны Сону Сайні вызначае працы пісьменніцы як дакументальна-мастацкую прозу, аднак выкарыстоўвае пры гэтым паняцце гібрыднасці, падкрэсліваючы такім чынам зменлівасць жанравага вызначэння ў залежнасці ад спосабу нарацыі: «Падчас сацыяльных крызісаў і канфліктаў у грамадстве, такіх як Кастрычніцкая рэвалюцыя, Першая і Другая сусветныя войны, Афганская вайна, чарнобыльская катастрофа, перыяд перабудовы і г. д., у літаратурным працэсе адзначаецца зварот да мастацка-дакументальнай прозы. Можна казаць пра тое, што патрэба даведацца больш пра сапраўдную рэальнасць пасля такіх трагічных з’яў спрыяе развіццю мастацка-дакументальнай літаратуры, якая з’яўляецца індикатарам сацыяльных змен, з аднаго боку, а з другога – цалкам відавочна, што ў апошні час змяняецца само паняцце “літаратура”, яна становіцца *non-fiction*. Галоўнае ў гэтай літаратуры – падзея, і гібрыдны (умоўны) жанр залежыць ад таго, як менавіта апісваецца падзея ў розных тыпах нявыдуманых апавяданняў» [10, с. 21–22].

Японскі філолаг Сіхо Маэда выказвае нечаканае меркаванне, сутнасць якога заключаецца ў тым, што праз сілу факта С. Алексіевіч стварыла свой уласны міф пра жанчыну на вайне: «Мэтай С. Алексіевіч з’яўляецца дэканструкцыя афіцыйнай памяці вайны, тыповых вобразаў франтавічак, герояў савецкай прапаганды. Аўтар паспяхова вярнула звычайныя дзявочыя твары жанчынам, якія былі на вайне. У выніку трагізм вайны перамяшчаны на пярэдні план. Яе тэкст не толькі раскрывае задушаную “праўду”, а функцыянуе як “траўматычнае” адносна ўсякіх міфалагізаваных малюнкаў вайны. <...> Усвядоміўшы высокі запыт на праўду пра жанчын на вайне, у кожным новым выданні С. Алексіевіч дадавала новыя наратывы. <...> Творы С. Алексіевіч функцыянавалі як адкрытая прастора, збіраючы кавалачкі задушанай памяці. У гэтым сэнсе роля С. Алексіевіч – збіранне сведчанняў – сімвалічная. Твор складаецца з розных наратываў, незлічоных фрагментаў прыватнай памяці. Пры гэтым яна адмаўляецца пераказваць гісторыю ў стылі вялікага наратыву (*master narrative*)» [12, с. 195–196]. Такое меркаванне не толькі сведчыць пра мастацкасць літаратурных твораў пісьменніка, але і паказвае расчытаную выбранае наратываў, індывідуальны аўтарскі падыход да фактаў. У межах гэтага выказвання патрэбна адзначыць пазіцыю самой С. Алексіевіч: «Я збіраю падрабязнасці, пачуцці не толькі з асобнага чалавечага жыцця, але і з паветра часу, яго прасторы, яго галасоў. Я не выдумваю, не дадумваю, а арганізоўваю матэрыял у самой рэчаіснасці. Дакумент – гэта і тыя, хто мне распавядае, дакумент – гэта і я як чалавек са сваім светапоглядам, адчуваннем»². Становіцца відавочным, што аўтар не імкнецца да фарміравання метанаратыву. Для С. Алексіевіч факт – сродак стварэння рэчаіснасці, праз якую да чытача даводзіцца дыялектыка яе жыцця, уласныя, хоць на першы погляд і апасродкаваныя, пошукі адказу на пытанні пра

²Усманова А. Что же такое наша память? Беседа со Светланой Алексиевич [Электронный ресурс]. URL: https://library.by/portalus/modules/belliterature/readme.php?subaction=showfull&id=1400069926&archive=&start_from=ucat=& (дата обращения: 23.12.2020).

прыроду добра і зла, адвагі і баязлівасці, прагі нажывы і пачуцця годнасці. Па сутнасці, пісьменніца фарміруе асабісты наратыў, сабраны з фрагментаў чужых аповедаў.

Вельмі дакладна перадае сутнасць фактаграфіі С. Алексіевіч Л. Анінскі: «Дакумент – велізарнай сілы мастацкае сведчанне. “Факшн” дзейнічае мацней, чым “фікшн”, калі ўжываць прынятую на Захадзе тэрміналогію. Бо ні адзін “факт” не існуе сам па сабе, а толькі як выяўленне агульнай карціны; скрануты з месца (нават проста крануты запісам), ён зрушвае лавіну думак, пачуццяў, аналогій. У айчыннай традыцыі мастацкая апора на дакумент ведае такія шэдэўры, як “Валакаламская шаша” Аляксандра Бека. Аповесці Святланы Алексіевіч усе запар пабудаваны на дакументах, на споведзі відавочцаў. Яны запісаны як быццам бы толькі “сумленным журналісцкім пяром”. Але нездарма ж кожная аповесць беларускай пісьменніцы становілася падзеяй і ў літаратуры, і ў грамадскім жыцці...» [7, с. 8].

Беларускі літаратуразнавец Л. Сінькова бачыць вытокі імкнення С. Алексіевіч да апрацоўкі факта больш глыбока, у гістарычнай перспектыве, звязваючы працу пісьменніцы з літаратурнай дзейнасцю А. Адамовіча: «У творчасці Алеся Адамовіча дакумент упершыню пачаў сістэмна выкарыстоўвацца ў функцыі мастацкага вобраза. Гэта быў шлях ад камбінаванага дакументальнага з мастацкім да таго, што называюць жанрам галасоў, новым эпасам, канчаткова сфарміраваным у кнігах Святланы Алексіевіч» [4, с. 13]. Відавочна, што даследчыца падкрэслівае злучэнне дакументальнага і мастацкага пачаткаў у творах С. Алексіевіч, адпрэчваючы чысты дакументалізм творчасці пісьменніцы.

Даследчыца В. Дзясюкевіч адзначае метафарычнае мысленне С. Алексіевіч, чым таксама акцэнтуюе ўвагу на мастацкай апрацоўцы рэчаіснасці: «Мысленне ў метафарах застаецца адным з самых прадуктыўных для аўтара спосабаў асэнсавання мінулай эпохі ў аналізаваным тэксце, прычым метафары ўзнікаюць як у дыскурсе аўтара, так і ў маналогах герояў» [1, с. 36]. Больш за тое, даследчыца схіляецца да высновы, што жанр, у якім працуе і які пастаянна ўдасканальвае С. Алексіевіч, яшчэ не мае дакладнага вызначэння. Аднак С. Раманава называе «спецыфіку сюжэтна-кампазіцыйнага афармлення цыкла С. Алексіевіч “Галасы Утопіі” метажанрам», які праяўляецца перш за ўсё «ў стварэнні ўсеабыдмай, мантажнай кампазіцыі твораў, заснаваных на поліфаніі» [15, с. 32].

З. Трацяк уводзіць творчасць С. Алексіевіч у кантэкст «папярэдняй айчыннай і замежнай літаратурных традыцый у адлюстраванні чалавека на вайне або чалавека, траўміраванага вайной» [6, с. 36]. Для характарыстыкі спосабу падачы інфармацыі ў творах літаратара даследчыца фарміруе эксклюзіўнае паняцце «навала-кантынуум»: «С. Алексіевіч увасобіла ў канцэптуальны дакументальна-мастацкі тэкст успаміны мноства людзей, праз талент і інтэлект пісьменніцы апавядальнікі з “Галасоў утопіі” абрынулі на чытача лавіну эмоцый і фактаў, з якіх склаўся мазайчы малюнак навалы-кантынуума, якая характарызавала быццё на працягу XX ст.» [6, с. 36].

Такім чынам, відавочна, што жанравая спецыфіка твораў С. Алексіевіч не ўспрымаецца даследчыкамі выключна як дакументалістыка ці прафесійная журналістыка. Своеасаблівы спосаб апрацоўкі факта пісьменніца фарміруе новую інфармацыйную прастору, у якой на фоне галасоў удзельнікаў рэальных падзей вельмі дакладна адчуваецца голас самога аўтара. Як адзначае Л. Сінькова, «між усім у беларускай літаратуры найвыразна вылучыўся і сцвярджаецца яшчэ адзін, спецыяльны дакументальна-мастацкі дыскурс. У ім змяняецца сама аўтарская стратэгія (як пошук актуальнай, новай формы дзеля спраўджвання самых актуальных мастацкіх выказванняў)» [3, с. 41]. Мэта дадзенага артыкула якраз і заключаецца ў расчытванні аўтарскай стратэгіі, раскрыцці спецыфікі нарацыі мастацкага дыскурсу С. Алексіевіч, а значыць, і ў магчымасці адкрыцця «новага культурнага сэнсу» ў агульнавядомых творах пісьменніцы.

Вынікі і іх абмеркаванне

Найперш важна даведацца, як трактуе ўласную творчую канцэпцыю сама пісьменніца – гэта будзе прамы шлях да вызначэння жанру і дасць дастаткова аб’ектыўны вынік. С. Алексіевіч як аўтар досыць падрабязна, хоць і метафарычна, раскрывае сутнасць сваёй мастацкай задачы: «Я спрабую вялікую гісторыю згарнуць да памераў чалавека, каб паспрабаваць хоць нешта зразумець. Знайсці словы. Але на гэтай, здавалася б, ужо невялікай і зручнай дзеля агляду тэрыторыі – прасторы адной чалавечай душы – усё робіцца яшчэ больш незразумелым і менш прадказальным, чым у вялікай гісторыі» [16, с. 173]; «Я не апісваю ўласна ідэю, а метафарычную трагедыю чалавечага жыцця, якое апынулася ў гэтых жорнах. І нікога не суджу» [17, с. 464]; «Я не гатовая разважаць як палітык ці эканаміст. Я проста хацела арганізаваць увесь гэты хаос. Грамадства распалася, атамізавалася, мноства розных ідэй працуе на гэтай прасторы. Мая задача была выбраць розныя кірункі гэтых жыццёвых энергетычных плыняў і нека аформіць іх літаратурна, зрабіць гэта мастацтвам (тут і далей курсіў наш. – В. Г.)» [17, с. 466]. Варта згадаць і самае вобразнае выказванне С. Алексіевіч пра асабліваць сваёй манеры пісьма: «Я доўга шукала свой жанр – каб пісаць так, як чуе маё вуха» [17, с. 468].

Канцэпцыя метафарычных каментарыяў пісьменніцы, безумоўна, зразумелая, аднак яе тлумачэнне патрабуе судакранання з навуковым інструментарыем і адсылае да прыёмаў семіятычнай метадалогіі.

Звернемся да дасягненняў навуковай школы Ю. Лотмана, яго работ па семіётыцы, дзе феномены літаратуры, гісторыі і культуры прадстаўлены як адкрытая знакавая сістэма, якая пастаянна папаўняецца новымі сэнсамі. Адпаведна, не існуе гістарычнай падзеі, якую можна трактаваць адназначна, канчаткова і беспаваротна, няма літаратурнага твора, накіраванага на аб’ектыўнае ўспрыманне. Больш за тое, не бывае і адназначна «лжывай» ці «няправільнай» інтэрпрэтацыі. Любая трактоўка – гэта факт злучэння ўласнага досведу з культурнай падзеяй часу – літаратурным тэкстам. І калі меркаванне аўтара разыходзіцца з меркаваннем рэцыпіента, значыць апошні здолеў адкрыць, расчытаць, вызначыць новы культурны сэнс дадзенага тэксту.

Ю. Лотман адзначае, што «тэкст – гэта не толькі генератар новых сэнсаў, але і кандэнсатар культурнай памяці. Тэкст валодае асаблівасцю захоўваць памяць пра свае папярэднія кантэксты. <...> Сума кантэкстаў, у якіх дадзены тэкст набывае асэнсаванасць і якія пэўным чынам быццам бы інкарпараваны ў ім, можа быць названа памяццю тэксту. Гэта створаная тэкстам вакол сябе сэнсавая прастора ўступае ў пэўныя суадносіны з культурнай памяццю (традыцыяй), адкладзенай у свядомасці аўдыторыі, у выніку чаго тэкст зноў набывае *семіятычнае жыццё*» [18, с. 29].

Творы С. Алексіевіч уяўляюць сабой тэксты ў тэксце, што надае ім асаблівую наратыўную спецыфіку: першы тэкст – пачатковы рух ад рэспандэнта да рэцыпіента – трансліруе культурную памяць апавядальніка, а выніковы, апрацаваны «другасны» тэкст, які трансліруецца праз аўтара, – гэта трансфармацыя пачутага рэцыпіентам з улікам уласнай культурнай памяці. Такім чынам, выніковы тэкст твораў літаратара (нарацыя) – сукупнасць кантэкстаў, якія злучаюць рэальны факт мінулага (гістарычная падзея), гэты ж факт у пераасэнсаваным выглядзе (успаміны ўдзельнікаў вайны – наратыўная падзея) і трансфармацыю гэтых з’яў (спалучэнне гістарычнай і наратыўнай падзей) праз прызму свядомасці аўтара. Становіцца відавочным, што факт праходзіць падвойную апрацоўку: спачатку непасрэдна ў свядомасці апавядальніка – удзельніка рэальных гістарычных падзей, а затым у свядомасці канкрэтнага аўтара, які інтэрпрэтуе наратыўную падзею ў нарацыю. Чытач жа са сваім жыццёвым досведам і культурнай памяццю, кантактуючы з наратарам, стварае ўласную *сістэму семіятычных знакаў наратыўнай падзеі*. Адпаведна, і «памяць тэксту», і яго «семіятычнае жыццё» акумуляуюць знакі двох эпох (перыядаў): рэальнага часу, у якім здзяйснялася падзея, і часу, калі адбываўся «ўспамін пра падзею».

Важна разумець, што ў тэксце твора патрэбна бачыць інфармацыю не толькі пра рэальную гістарычную падзею, але і пра падзею наратыўную. Напрыклад, у творах «У вайны не жаночы твар», «Апошнія сведкі» прачытваюцца не толькі звесткі аб Вялікай Айчыннай вайне. Наратыўная падзея твора значна шырэйшая – гэта прадукт пераасэнсавання гістарычнай падзеі, якая насамрэч адбывалася, з улікам падзей пасляваеннай рэчаіснасці. Гэта значыць, што і яго «семіятычнае жыццё» шырэйшае: яно змяшчае ў сабе, акрамя знакаў ваеннага дыскурсу, яшчэ і знакі савецкага, аўтарытэтнага дыскурсу, пра які падрабязна (сугучна з канцэпцыяй С. Алексіевіч «ўспрымаць свет праз мноства галасоў») піша А. Юрчак.

Вучоны сцвярджае, што ў аснове светаўспрымання былога савецкага чалавека ляжыць «неверагодна спрошчаная, бінарная мадэль улады, згодна з якой улада можа функцыянаваць толькі двума спосабамі – або перакананнем, або прымусам. Гэта спрошчаная мадэль улады дамінуе і ў даследаваннях сацыялізму, якія з’явіліся ў былым Савецкім Саюзе пасля яго распаду. У іх амаль заўсёды савецкая культура дзеліцца паводле прынцыпу бінарных апазіцый на афіцыйную і «неафіцыйную», канфармісцкую і «нонканфармісцкую», «афіцыйз» і «андэграўнд»» [19, с. 40]. Прычыну такога погляду на савецкую рэчаіснасць А. Юрчак тлумачыць «асаблівым стаўленнем даследчыка да савецкай сістэмы як да аб’екта аналізу», а менавіта знаходжаннем за межамі прасторава-часавых рамак апісанага гістарычнага перыяду, якое вучоны называе «вонкавым размяшчэннем». Якраз па гэтай прычыне, на яго думку, «даследаванні савецкай рэальнасці ажыццяўляюцца і распаўсюджваюцца ў кантэкстах, дзе палітычны, маральны і культурны сэнс паняцця “савецкі суб’ект” набывае загадзя негатыўнае адценне, а паняцце “супраціў”, наадварот, загадзя рамантызуецца. Тое, што многія гістарычныя даследаванні ў постсавецкі перыяд праводзяцца менавіта пад гэтым вуглом, безумоўна, адбываецца і на іх высновах» [19, с. 42]. Такім чынам, А. Юрчак не падтрымлівае экстрапаляцыю бінарнай светапогляднай мадэлі на даследчую практыку і высноў навукоўцаў, якія аналізуюць сацыялізм і пры гэтым выкарыстоўваюць выключна бінарныя апазіцыі для разгляду пытанняў культуры.

Варта згадаць, што даследаванне А. Юрчака стала даступным рускамоўнай супольнасці ў 2014 г., практычна ў той жа час, калі С. Алексіевіч здабыла сусветнае прызнанне, атрымаўшы Нобелеўскую прэмію. Гэты грандыёзны поспех прыйшоў да пісьменніцы менавіта дзякуючы таму, што ў яе кнігах бінарны свет персанажаў-апавядальнікаў апынуўся ў растуленым, прынцыпова небінарным кругаглядзе аўтара-апавядальніка. У адным са сваіх выступаў С. Алексіевіч казала: «З пункта гледжання мастацтва і кат,

і ахвяра аднолькава цікавыя. У нас заходзьце ў любы дом – і вы знойдзеце ахвяру. Наадварот, для мяне было праблемай выцягнуць чалавека з гэтай культуры ахвяры і ката, каб ён пачаў рэфлексавать. Таму што культура ахвяры і ката ў нас такая татальная, што вырвацца з яе – гэта самае цяжкае. Мне трэба не жаданне паплакацца, а хаця б спроба рэфлексіі, чаму нашы пакуты не канвертуюцца ў свабоду. Які сэнс проста ў пакутах?»³. Такім чынам, канцэпцыя даследавання сацыялістычнай сістэмы А. Юрчака, згодна з якой ён не засноўвае апісанне савецкай рэальнасці на супрацьпастаўленнях тыпу *афіцыйная/неафіцыйная культура, таталітарная/свабодная мова, публічная хлусня / прыхаваная праўда*, дапаможа разгледзець у творах пісьменніцы схаваны савецкі ідэалагічны дыкурс, які адлюстроўвае шырокі дыяпазон яе культурнай памяці. Здольнасць сумяшчаць два тыпы дыскурсаў у адзіную канцэпцыю – асабліваць творчай манеры С. Алексіевіч.

У даследаванні далей будуць выкарыстоўвацца паняцці, прапанаваныя А. Юрчаком для апісання дыскурсіўнага поля ранняга і позняга сацыялізму: *ідэалагічны дыкурс, аўтарытэтнае слова (дыкурс), канстатуючае выказванне, перфарматыўнае выказванне, перфарматыўны зрух*.

Пад ідэалагічным дыкурсам трэба разумець дыкурс, у якім роля пануючай фігуры належала Сталіну: «...толькі ён меў доступ да знешняга канона ідэалагічнай ісціны, асабіста ацэньваючы розныя ідэалагічныя і іншыя публічныя выказванні на прадмет іх адпаведнасці гэтаму канону і асабіста робячы ў іх адпаведныя рэдактарскія заўвагі і выпраўленні. Яго ацэнкі і тлумачэнні часта публікаваліся, цыркулюючы па краіне ў выглядзе метадыкурсу, які даў магчымасць усім асабіста дакрануцца да канона аб'ектыўнай ісціны» [19, с. 51]. Дыктат рэчаіснасці (сіла ідэалагічнага дыскурсу) прасочваецца ў гісторыі практычна кожнага персанажа кніг С. Алексіевіч праз аднолькавы аўтарскі прыём – уключэнне ў аповед своеасаблівага інтэртэксту ў выглядзе палітычных лозунгаў перадваеннага і ваеннага часу, якія выконваюць функцыю канстатуючых выказванняў⁴. Звернемся да твора «У вайны не жаночы твар»: «З дзяцінства, са школы мы чулі: “Дзяўчаты – за руль трактара!”, “Дзяўчаты – за штурвал самалёта!”» [16, с. 61]; «Калі вучылася яшчэ ў сёмым класе, да нас прыляцеў самалёт. Гэта ў тых гады, уяўляецца, у трыццаць шостым. Неверагодна ўразіла. І тады ж прагучаў заклік: “Дзяўчаты і юнакі – на самалёт!” Я, як камсамолка, натуральна, усюды была сярод першых. Адрозна запісалася ў аэра-клуб» [16, с. 60]; «А тут рэпрадуктар зайграў: “Паўстань, краіна дружная...”. Упершыню тады я пачула гэтую песню. “Вось акрыяю, думаю – і адрозна пайду на фронт”» [16, с. 75]; «Нас выхавалі, што Радзіма і мы – гэта адно і тое» [16, с. 85].

Відавочна, што дадзеная інтэртэкстуальнасць не толькі вяртае чытача ў гістарычны час, але і падкрэслівае характар перадваеннага часу: разнастайнасць магчымасцей для кожнага, дынамічнае развіццё грамадства, а самае галоўнае – дамінанту лозунгавай формы зносін, калі нехта ў форме загаднай мадальнасці звяртаецца да людзей, ва ўтоена дыктатарскай форме кіруе імі. Дадзены факт рэальнасці, імпліцытна прадстаўлены С. Алексіевіч, досыць яскрава характарызуе не толькі перадваенны час, але і аўтарскае ўспрыманне рэчаіснасці і пісьменніцкія ўстаноўкі. І ў гэтых устаноўках відавочна працывае перфарматыўная сіла канстатуючага выказвання.

Сведкі ваенных падзей распаўсюджаюць пра эпоху Сталіна, цытуючы яго, і гэта з'яўляецца не выпадковасцю, а асаблівасцю ўспрымання чалавекам новай посткультывай рэчаіснасці: «Паколькі бясспрэчнае веданне канона аб'ектыўнай ісціны было даступным толькі пануючай постаці аўтарытэтнага дыскурсу, са знікненнем гэтай фігуры знікла і дакладнае ўяўленне пра тое, што сабой уяўляе гэты канон. Гэта значыць, знікла аб'ектыўная, незалежная, знешняя мадэль мовы, на якую можна было раўняцца пры напісанні тэкстаў. <...> Адзінай надзейнай стратэгіяй, якая дае гэтым людзям упэўненасць, што тэксты не вылучаюцца стылістычнай недакладнасцю, была стратэгія пастаяннага цытавання і капіравання тэкстаў і выказванняў, якія былі зроблены да іх іншымі аўтарамі» [19, с. 75]. Такім чынам, у аповедах удзельнікаў ваенных падзей з твораў С. Алексіевіч мы сутыкаемся з ідэалагічным дыкурсам, які ў аўтарскай нарацыі трансфармуецца ў аўтарытэтны. Больш за тое, ён яшчэ і падаецца з устаноўкай на крытыку, падрыў аўтарытэту, а значыць, у некаторай ступені набывае перфарматыўную сілу – «здольнасць ствараць новыя факты і змяняць рэальнасць» [19, с. 66].

Бясспрэчна, што існаванне адназначнага аўтарытэтнага ідэалагічнага дыскурсу перапынілася пасля смерці Сталіна. Як адзначае А. Юрчак, «знік не проста канкрэтны суб'ект, які займаў знешнюю пазіцыю ў адносінах да ідэалагічнага дыскурсу, але і наогул сама магчымасць займаць такую пазіцыю

³ Алексіевіч С. А. Я займаюся гісторыяй чужых [Электронны рэсурс]. URL: <https://press-club.by/kanspekty/svetlana-aleksievich-ya-zanimayus-istoriey-chuzhych> (дата абарачення: 23.12.2020).

⁴ Канстатуючыя выказванні сцвярджаюць, апісваюць ці канстатуюць ужо існуючыя факты. Катэгорыя выказванняў, якія не канстатуюць гэтыя факты, а ствараюць новы, гэта значыць не адлюстроўваюць сацыяльную рэальнасць, а нешта ў ёй змяняюць, называюцца перфарматыўнымі выказваннямі. Выказванне з'яўляецца перфарматыўным незалежна ад унутранага намеру таго, хто гаворыць, дзякуючы прынятым сацыяльным канвенцыям, у кантэксце якіх яно вымаўляецца.

ў адносінах да ідэалагічнага дыскурсу... знік і метадыкурс, які раней ажыццяўляў публічную ацэнку ідэалагічных выказванняў і рэпрэзентацый на прадмет іх адпаведнасці або неадпаведнасці аб'ектыўнай праўдзе» [19, с. 52].

Такім чынам, ідэалагічны дыкурс знікае, аднак з'яўляюцца пытанні пра тое, ці гатова грамадства да такога рэзкага гістарычнага павароту, ці лёгка выйсці са стану рэгламентаванага, выразна прапісанага парадку быцця. Безумоўна, на змену ідэалагічнаму дыскурсу, на думку А. Юрчака, прыходзіць *аўтарытэтнае слова* (*аўтарытэтны дыкурс*), якое арганізавана «вакол нейкай знешняй неаспрэчнай ідэі – абсалюту або догмы (рэлігійнай, палітычнай, навуковай) і таму валодае адмысловымі ўласцівасцямі. <...> Усе іншыя віды дыскурсу з'яўляюцца другаснымі ў адносінах да яго – яны могуць існаваць толькі пры ўмове, што ёсць гэты аўтарытэтны дыкурс. <...> Таму ўлада аўтарытэтнага дыскурсу над аўдыторыяй заключаецца не ў тым, што яна з ім абавязкова згаджаецца, а ў тым, што яна ўспрымае яго як адзіна магчымы» [19, с. 54].

Прамая прысутнасць аўтарытэтнага дыскурсу ў творах С. Алексіевіч назіраецца як у кнігах пра Вялікую Айчынную вайну, так і ў хроніках, якія апавядаюць пра падзеі пасляваеннай пары, напрыклад «Цынкавыя хлопчыкі», «Чарнобыльская малітва», «Час сэканд-хэнд». Гэты тып дыскурсу праяўляецца ў рэпліках герояў: «Наша племя ўжо вымірае. Маманты! Мы – з пакалення, якое верыла, што ёсць у жыцці нешта большае, чым чалавечае жыццё. Радзіма ёсць і вялікая ідэя. Ну і Сталін. Навошта хлусіць. З песні, як кажуць, слова не выкінеш» [16, с. 105]; «Мама сказала: “Схавай свой піянерскі гальштук”. Удзень я гальштук хавала, а ноччу, калі клалася спаць, завязвала. Мама баялася: а раптам немцы прыйдуць ноччу? Угаворвала мяне. Плакала. Я чакала, калі мама засне, стане ціха ў пакоі і на вуліцы. Тады даставала з шафы чырвоны гальштук, даставала савецкія кніжкі. А мая сяброўка спала ў будзёнаўцы» [20, с. 32]. Прысутнасць аўтарытэтнага дыскурсу адчуваецца і ў фрагментах тэксту, якія перадаюць атмасферу падзеі, і ў панарамных замалёўках. Напрыклад, у трэцяй кнізе дакументальна-мастацкай хронікі «Цынкавыя хлопчыкі» аўтар фіксуе наступныя панарамныя фрагменты: «У самалёце мне дасталася месца каля прывязанага ланцугамі бронетранспарцёра. <...> Паблізу хтосьці спаў на бюсце Маркса (партрэтаў і бюстаў сацыялістычных правадыроў навалілі без упаковок), везлі не толькі зброю, але і ўсё неабходнае для савецкіх рытуалаў» [21, с. 18]; «Праязджалі па сонных вулачках Кабула міма знаёмых плакатаў у цэнтры горада: “Светлая будучыня – камунізм”, “Кабул – горад свету”, “Народ і партыя адзіныя”. Нашы плакаты, надрукаваныя ў нашых друкарнях. Наш Ленін стаіць тут з паднятай рукой» [21, с. 22].

Варта адзначыць, што прысутнасць аўтарытэтнага дыскурсу ў дадзеным фрагменце асабліва востра могуць адчуваць чытачы постсавецкага часу. Гэта сведчыць пра тое, што кантэкст гістарычнай эпохі спрыяе генерыраванню яшчэ аднаго новага сэнсу пры чытанні твора. Ю. Лотман пісаў: «Тэкст, які прапусцілі скрозь код традыцыі, – гэта тэкст, які прапусцілі скрозь нейкія іншыя тэксты, што выконваюць ролю інтэрпрэтацый. Але паколькі мастацкі тэкст не можа ў прынцыпе адназначна інтэрпрэтавацца, то тут некаторая множнасць тлумачэнняў прапускаецца скрозь іншую множнасць, што прыводзіць да новага скачка магчымых інтэрпрэтацый і новага прырашчэння сэнсаў. <...> *Генерыраванне новых сэнсаў – дамінуючы аспект той працы, якую выконвае мастацкі тэкст у сістэме культуры*» [18, с. 115–116].

Такім чынам, тэксты С. Алексіевіч, якія яна прапускае праз код традыцыі непрымання рэжыму СССР, генерыруюць новыя сэнсы. У гэтых сэнсах гучанне аўтарытэтнага слова з'яўляецца не столькі закулісна фонавым, колькі фонаўтваральным, што спрыяе спараджэнню яшчэ аднаго сэнсу. Становіцца заўважным: функцыя аўтарытэтнага дыскурсу дэфармаваная, прадстаўленая не як канстатуючае выказванне, а як выказванне перфарматыўнае, з перфарматыўнай сілай, гэта значыць са здольнасцю ствараць новыя факты і змяняць рэальнасць унутры тэксту. Так, мы чытаем не толькі пра трагедыю вайны ў Афганістане, але і пра сістэму, якая да гэтага прывяла, не проста аналізуем падзеі Вялікай Айчыннай вайны, а знаходзім вытокі трагедыі душы чалавека.

Дадзеныя новыя сэнсы становяцца прыкметнымі і зразумелымі чытачу дзякуючы аўтарскай сістэме семіятычных знакаў. Які ж механізм узнікнення гэтай складанай сістэмы знакаў у творы выразна ваеннай тэматыкі? Ю. Лотман лічыў, што «да працэсу стварэння мастацкага знака (тэксту) дадаецца яшчэ адно звязно: спачатку павінна быць выкрыта знакава-ўмоўная прырода, якая ляжыць у аснове ўсякага семіятычнага факта, – тэкст, успрыняты наіўнай свядомасцю як безумоўны, павінен быць усвядомлены ў яго знакавай умоўнасці. Практычна гэта азначае, што неславеснаму тэксту на гэтым этапе прыпісваюцца рысы славеснага. І толькі на наступным этапе адбываецца другасная іканізацыя тэксту, што адпавядае таму моманту ў паэзіі, калі славеснаму тэксту прыпісваюцца рысы неславеснага (іканічнага)» [18, с. 90].

Такім чынам, можна выказаць меркаванне, што тэксты твораў С. Алексіевіч праходзяць двайную іканізацыю: спачатку ў свядомасці канкрэтнага аўтара – пісьменнік запісвае на дыктафон гісторыі рэальных удзельнікаў падзей, надае ім «знакавую форму», затым у свядомасці чытача – з дапамогай сродкаў наратара. Калі ж разглядаць працэс іканізацыі ў падрабязнай паслядоўнасці, то варта паказаць, што першапачаткова факт фарміруецца ў свядомасці апавядальніка: менавіта рэспандэнт афармляе свае ўспаміны пра вайну ў знак, вобраз, сюжэт, сімвал. Затым пісьменнік, у дадзеным выпадку С. Алексіевіч, прапускаючы гэты факт праз прызму сваёй культурнай памяці, надзяляе яго рысамі пісьмовай славеснасці, і толькі потым атрыманая наратыўная гісторыя трапляе да чытача, праходзячы іканізацыю ў яго свядомасці. Такім чынам, да чытача тэкст прыходзіць «другасна іканізаваным», а чытач стварае ўжо сваю персанальную іканізацыю, кіруючыся ўласнай культурнай памяццю.

Як адзначае Ю. Лотман, «чытач уносіць у тэкст сваю асобу, сваю культурную памяць, коды і асацыяцыі. А яны ніколі не ідэнтычныя аўтарскім» [18, с. 131]. Відавочная ілюстрацыя таму – гісторыя «Адна я вярнулася да мамы» з кнігі «У вайны не жаночы твар», у якой апавядальніца, нягледзячы на тое, што падзялілася шчырымі гісторыямі з пісьменніцай, не здолела ўспрыняць іх на паперы, адрасаванай шырокай аўдыторыі. Вось як пра гэта піша С. Алексіевіч: «Праз некалькі тыдняў з Масквы прыходзіць важная заказная бандэроль. Распакоўваю: газетныя выразкі, артыкулы, афіцыйныя справаздачы пра ваенна-патрыятычную працу, якую праводзіць у маскоўскіх школах ветэран вайны Ніна Якаўлеўна Вішнеўская. Тут і мой матэрыял, толькі ад яго мала што засталася – увесь абкрэмзаны: выкінутыя самыя смешныя старонкі пра кухараў, якія ў катлах мыюцца, і нават бяскрыўднае: “Дзядзечка, а дзядзечка, мне дзядзечка загадаў вам перадаць вось гэта...” А на старонках з гісторыяй пра лейтэнанта Мішу Т. стаялі “абураныя” пыталнікі і зацемкі на палях: “Я для свайго сына – гераіня. Багіня! Што ён падумае пра мяне пасля такога!”» [16, с. 122]. Відавочна, культурная памяць гераіні апаведу і яе асацыяцыі, звязаныя з вобразам жанчыны на вайне, не адпавядаюць аўтарскім. Для Н. Я. Вішнеўскай гэта вобраз самаадданай гераіні, салдата, які прынёс вялікую перамогу вялікаму народу. Сіла аўтарытэтнага дыскурсу, прадиктаванага сталінскай эпохай, яшчэ жывая ў свядомасці гэтага ўдзельніка вайны. Падобная дэманстрацыя сутыкнення меркаванняў пра вобраз жанчыны на вайне створана аўтарам абсалютна свядома, што не толькі дэманструе асаблівае, адрозненні культурнай памяці, але і канстатуе прысутнасць аўтарытэтнага дыскурсу ў асацыятыўным шэрагу паняцця «жаночая вайна».

Так адбылося таму, што спачатку канкрэтны аўтар, а затым наратар фарміруюць сваю сяміятычную сістэму знакаў, якія ілюструюць Вялікую Айчынную вайну. Ю. Лотман пісаў пра творчасць Ф. М. Дастаеўскага: «...у працэсе стварэння тэксту пісьменнік адначасова з вялікай колькасцю патэнцыйна дадзеных яму матэрыялаў (традыцыя, асацыяцыі, папярэдняя ўласная творчасць, тэксты навакольнага жыцця і інш.) стварае пэўны канал, праз які прапускае новыя тэксты, якія ўзнікаюць у яго творчым уяўленні, праводзячы іх праз парогі трансфармацый і павялічваючы іх сэнсавую нагрузку за кошт нечаканых камбінацый, перакладаў, счাপленняў і г. д. Калі ў выніку гэтага складаецца структурна арганізаванае дынамічнае цэлае, мы гаворым пра з’яўленне тэксту твора» [18, с. 127]. Гэту думку можна ў поўнай меры аднесці і да твораў С. Алексіевіч, якія яна сама вызначае як дакументальна-мастацкую літаратуру. Так, вяртаючыся да тэмы Вялікай Айчыннай вайны, адзначым, што пры апісанні «жаночай вайны» ў тэкстах дамінуюць так званыя атрыбуты жанчыны – прыгожы абутак, туфлі на абцасах, доўгія валасы, сукенкі, цукеркі. Яе гераіні распавядалі: «На кірмашы прадала кірзавыя боты і купіла туфлікі» [16, с. 143]; «Добра памятаецца, што адступаем, усё чорнае, задымленае (але магазін адкрыты – цуд), і мне чамусьці заманіла купіць туфлі. Такія зграбныя туфлікі... І парфуму яшчэ купіла» [16, с. 87]. Гэты сімвал жаночасці пераходзіць і ў дзіцячыя ўспаміны пра вайну: «Сястры Ірме было сем гадоў, яна несла прымус і мамчыны туфлі, страшна баялася страціць гэтыя туфлі. Туфлі былі новыя, бледна-ружовага колеру, з гранёнымі абцасамі. Мама іх узяла нечакана, а магчыма таму, што гэта была яе самая прыгожая рэч. І з ключом, і з туфлямі мы хутка вярнуліся назад у горад, дзе ўсё згарэла» [20, с. 38]; «...у Гомельскім дзіцячым доме, куды мяне і яшчэ некалькіх партызанскіх дзяцей пераправілі на самалёце, як толькі горад вызвалілі, хтосьці перадаў мне ад таты грошы, вялікую чырвоную паперку. Мы пайшлі з хлопчыкамі на кірмаш і на ўсе гэтыя грошы купілі цукерак» [20, с. 125]; «Хацелася яркую стужачку ў валасы, каляровыя алоўкі хацелася. І партфель хацелася. Хацелася цукерак, а цукеркі ў нас былі толькі на Новы год – ледзяшы. Далі нам удосталь чорнага хлеба, мы смакталі яго, як цукеркі, такім ён здаваўся смачным» [20, с. 153].

Для параўнання варта згадаць кнігу-дакумент А. Адамовіча, напісаную ў суаўтарстве з Я. Брылём і У. Калеснікам, «Я з вогненнай вёскі...». Дамінанта атрыбутаў жаночасці адсутнічае, што наводзіць на думку пра гендарны падыход да вызначэння канцэпцыі твора, выбару мастацкіх сродкаў. У прадмове аўтары тлумачаць: «Сваю задачу мы бачылі ў тым, каб зберагчы, утрымаць, як “плазму”, невыносную тэмпературу чалавечага болю, недаўмення, гневу, якія не толькі ў словах, але і ў голасе, у вачах,

на твары; утрымаць усё тое, што, як паветра, акружае чалавека, які расказваў нам, а цяпер, са старонак кнігі, звяртаецца да чытача – да вас звяртаецца» [22, с. 5]. Асаблівым элементам кнігі з’яўляецца пласцінка з запісамі гісторый-сведчанняў ацалелых жыхароў сотняў беларускіх вёсак, спаленых фашыстамі. Нават калі б і не было пласцінкі, гэта кніга ўсё роўна адлюстроўвала б менавіта гісторыю беларускіх пакут, таму што аўтары свядома дэманструюць дыялектныя асаблівасці маўлення, падкрэсліваючы індывідуальнасць, самабытнасць удзельніка «гісторый пакут». Аднак разам з тым гэта пакуты агульначалавечыя, бо такімі ж ахвярамі былі жыхары чэшскага пасёлка Лідзіцэ, французскай вёскі Арадур-Сюр-Глан, мноства іншых месцаў. Для пісьменніка кожная гісторыя – асобны свет, усялякая пакута асаблівая, вартая персанальнай афарбоўкі. А. Адамовіч спецыяльна для чытача апісвае маўленчыя якасці апавядальніка: «Распавядае Барбарка, шасцідзесяцігадовая Барбара Адамаўна Слесарчук. Гаворыць з дзіўнай і страшнаватай усмешкай – быццам страшную казку, незвычайна далёкую, перажытую вельмі даўно. Гаворыць часам амаль зусім як казачніца – нараспеў, з паўтарамі, што не здаюцца лішнімі, і па-мясцовому – на трох ці чатырох мовах адначасова: беларуска-ўкраінска-рускі-польскай» [22, с. 7]. Пасля такой экспазіцыі ва ўяўленні ўзнікае не безаблічная ахвяра фашызму, а асаблівая Барбарка, якая жыла ў сваім незвычайным свеце, не скажоным савецкай сістэмай, нягледзячы на сусветную трагедыю вайны ўтрымала асаблівасці культурнага памежжа. Паўстае пытанне, ці з’яўляецца гэта недахопам або вартасцю літаратурнага твора. З аднаго боку, калі карыстацца сучаснымі каштоўнасцямі арыенцірамі і тэрмінамі, то ўвядзенне ў дыскурс персанажа дыялектных асаблівасцей абцяжарвае разуменне тэксту і такім чынам звужае кола мэтавай аўдыторыі, з другога – у падобным выкананні тэкст набывае найвышэйшую каштоўнасць – становіцца сімвалам нацыянальнай беларускай культуры незалежна ад мовы, на якой ён напісаны.

Прычына падобнай розніцы ў падачы матэрыялу заключаецца ў змене функцыянальнай ролі дакумента ў мастацкай цэласнасці: калі для А. Адамовіча факт быў важны разам з яго нацыянальным складнікам, то С. Алексіевіч разглядае гісторыю інтэрнацыянальнага грамадства. Аўтары ў нейкай ступені выступаюць у сваіх творах як гісторыкі, толькі працуюць яны не з дакументамі, якія патрабуюць расшыфроўкі, а з галасамі сведкаў гістарычных падзей, якія неабходна правільна інтэрпрэтаваць. Як адзначае Ю. Лотман, «гісторыку трэба будзе перш за ўсё выступіць у ролі дэшыфроўшчыка. Факт для яго – не зыходная кропка, а вынік працоўных намаганняў. Ён сам стварае факты, імкнучыся атрымаць з тэксту пазатэкставую рэальнасць, з аповеду пра падзею – падзею» [18, с. 344]. Гэты ж працэс адбываецца і ў творчасці С. Алексіевіч: з аповеду пра падзею яна вылучае падзею, а дакладней, тое, што лічыць падзеяй, і стварае з яе літаратурны факт, іканізаваны ў сутуччы з уласнай культурнай памяццю і канцэптуальнымі ўстаноўкамі твора. Менавіта таму «асабісты факт» Афганскай вайны, зафіксаваны ў творы «Цынкавыя хлопчыкі», выклікаў незадаволенасць і прывёў да судовага працэсу, а ветэран вайны Н. Я. Вішнеўская ставіла «абураныя пыталнікі і зацемкі на палях» [16, с. 122].

Заклучэнне

Такім чынам, у артыкуле была разгледжана сістэма кодаў, якімі карыстаецца пісьменнік пры стварэнні сваіх тэкстаў. У выніку аналізу наратыўнай структуры твораў С. Алексіевіч сфармулявана наступная выснова: тэкст пісьменніка – сукупнасць кантэкстаў, якія злучаюць рэальны факт мінулага (гістарычная падзея), гэты ж факт у пераасэнсаваным выглядзе (успаміны ўдзельнікаў вайны ў пасляваенны час, наратыўная падзея) і трансфармацыю дадзеных з’яў – гістарычнай і наратыўнай падзей – праз прызму свядомасці аўтара. Становіцца відавочным, што факт праходзіць падвойную апрацоўку: спачатку непасрэдна ў свядомасці апавядальніка – удзельніка рэальных гістарычных падзей, затым – у свядомасці канкрэтнага аўтара, які інтэрпрэтуе наратыўную падзею ў нарацыю і ўласны дыскурс.

«Семіятычнае жыццё» тэкстаў С. Алексіевіч акумулюе знакі дзвюх эпох: рэальнага часу, у якім здзяйснялася падзея, і перыяду, калі адбываўся «ўспамін пра падзею». Сістэма семіятычных знакаў твораў пра вайну таксама ўключае знакі дзвюх эпох – ваеннага і савецкага (спачатку ідэалагічнага, а затым аўтарытэтнага) дыскурсаў. З улікам таго, што тэксты С. Алексіевіч прапушчаны праз код традыцыі непрымання рэжыму СССР, гучанне ў яе творах аўтарытэтнага слова з’яўляецца не столькі закулісна фонавым, колькі фонаўтваральным, што спрыяе спараджэнню дадатковага сэнсу. Становіцца заўважным, што функцыя аўтарытэтнага дыскурсу дэфармаваная, прадстаўленая не як канстатуючая, а як перфарматыўная выказванне, якое валодае перфарматыўнай сілай, гэта значыць здольнасцю ствараць новыя факты і змяняць рэальнасць унутры тэксту. Гэтыя новыя сэнсы робяцца прыкметнымі і зразумелымі чытачу дзякуючы цэласнасці аўтарскага дыскурсу.

Бібліографічні спасылкі

1. Десюкевич ОИ. Концептуальная публицистика Светланы Алексиевич: кристаллизация жанра. *Медиалингвистика*. 2017;17(2):31–40.
2. Лысова НБ. Документальная утопия: аксюмаран або «Цёмнае святло». Нататкі пра творчасць Святланы Алексіевіч у кантэксце літаратурна-мастацкага працэсу. *Вестник Полоцкого государственного университета. Серия А. Гуманитарные науки*. 2016;10:89–94.
3. Сінькова Л. «Непрыдуманая літаратура»: факт і мастацкі вымысел у літаратурным творы. У: Бутырчык ГМ, рэдактар. *Славянскія літаратуры ў кантэксце сусветнай: да 750-годдзя з дня нараджэння Дантэ Аліг'еры і 85-годдзя Уладзіміра Караткевіча. Матэрыялы XII Міжнароднай навуковай канферэнцыі; 22–24 кастрычніка 2015 г.; Мінск, Беларусь. Частка 1*. Мінск: Беларускае дзяржаўнае ўніверсітэт; 2016. с. 40–47.
4. Сінькова ЛД. *Беларуская «звышлітаратура»*. Мінск: Кнігазбор; 2019. 224 с.
5. Сивакова НА. Специфика эволюции документальной литературы в XX веке. *Вестник Мазырскага дзяржаўнага педагагічнага ўніверсітэта імя І. П. Шамякіна. Філалагічныя навукі*. 2014;3:139–143.
6. Трацяк ЗІ. Спецыфічнае асэнсаванне паняцця «вайна» ў дакументальна-мастацкім цыкле С. Алексіевіч «Галасы ўтопіі». *Часопіс Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта. Філалогія*. 2019;3:31–39.
7. Аннинский ЛА. Оглянуться в слезах: Божье и человечье в апокалипсисах Светланы Алексиевич. *Книжное обозрение*. 1998;21:8–9.
8. Гурска К. Творчество Светланы Алексиевич в контексте развития художественно-документальной прозы (повесть «Цинковые мальчики»). *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика*. 2017;2(22); 291–301. DOI: 10.22363/2312-9220-2017-22-2-291-301.
9. Крылов ВН. «Документ должен жить по законам искусства» (история «домашнего» социализма в книге Светланы Алексиевич «Время second-hand»). *Филология и культура*. 2014;3(37):250–253.
10. Сону Сайни. «Чернобыльская молитва: хроника будущего» С. Алексиевич. Проблема жанра. *Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение*. 2013;2(10):17–22.
11. Куца З. Художественно-документальная проза Светланы Алексиевич на примере книги «Цинковые мальчики». *Люблинские исследования в области современных языков и литературы*. 2018;42(2):20–34.
12. Сихо Маэда. Нарратив и репрезентация женщины на войне. Миф о войне и публицистика С. Алексиевич «У войны не женское лицо». В: Гречко В, Су Кван Ким, Сусуму Нонака, редакторы. *Дальний Восток, близкая Россия. Эволюция русской культуры – взгляд из Восточной Азии*. Белград: Логос; 2015. с. 184–198.
13. Местергази ЕГ. *Литература нон-фикшн. Экспериментальная энциклопедия*. Москва: Совпадение; 2007. 327 с.
14. Гей НК. Метахудожественность литературы. В: Касаткина ТА, редактор. *Теория литературы. Том 1*. Москва: Институт мировой литературы имени А. М. Горького Российской академии наук; 2005. 335 с.
15. Романова СВ. Своеобразие художественно-документального метажанра в современной русскоязычной прозе Беларуси. *Журнал Белорусского государственного университета. Филология*. 2020;1:24–36.
16. Алексіевіч СА. *У вайны не жаночы твар*. Акудовіч В, перакладчык. Мінск: Логвінаў; 2018. 366 с.
17. Алексіевіч СА. *Час сэканд-хэнд*. Дубавец С, перакладчык. Мінск: Логвінаў; 2018. 490 с. (Цыкл «Галасы утопіі»).
18. Лотман Ю. *Внутри мыслящих миров*. Санкт-Петербург: Азбука; 2018. 448 с. («Азбука-классика. Non-Fiction»).
19. Юрчак А. *Это было навсегда, пока не кончилось. Последнее советское поколение*. Москва: Новое литературное обозрение; 2019. 604 с.
20. Алексіевіч СА. *Апошнія сведкі*. Пятровіч Б, перакладчык. Мінск: Логвінаў; 2018. 312 с.
21. Алексіевіч СА. *Цынкавыя хлопчыкі*. Хадановіч А, перакладчык. Мінск: Логвінаў; 2018. 350 с.
22. Адамовіч А, Брыль Я, Калеснік У. *Я з вогненнай вёскі...* Мінск: Мастацкая літаратура; 1975. 448 с.

References

1. Desjuevich OI. Conceptual journalism of Svetlana Alexievich: genre's crystallization. *Media Linguistics*. 2017;17(2):31–40. Russian.
2. Lysova NB. The documentary utopia: oxymoron or «Dark light». Notice works Svetlana Alexievich in the context of the literary and artistic process. *Vestnik Polotskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya A. Gumanitarnye nauki*. 2016;10:89–94. Belarusian.
3. Sin'kova L. [«True literature»: fact and fiction in a literary work]. In: Butyrchik GM, editor. *Slavjanskija litaratury w kantjeksce susvetnaj: da 750-goddzja z dnja naradzhennja Dantje Alig'ery i 85-goddzja Uladzimira Karatkevicha. Matjeryjaly XII Mizhnarodnaj navukovaj kanferjencyi; 22–24 kастrychnika 2015 g.; Minsk, Belarus'.* Chastka 1 [Slavic literature in the global context: to the 750th anniversary of Dante Alighieri and the 85th anniversary of Uladzimir Karatkevich. Proceedings of the 12th International scientific conference; 2015 October 22–24; Minsk, Belarus. Part 1]. Minsk: Belarusian State University; 2016. p. 40–47. Belarusian.
4. Sinkova LD. *Belaruskaja «zvyshlitaratura»* [Belarusian «superliterature»]. Minsk: Knigazbor; 2019. 224 p. Belarusian.
5. Sivakova NA. [The specifics of the evolution of non-fiction in the twentieth century]. *Vesnik Mazyrskaga dzjarzhawnaga pedagagichnaga wniversitjeta imja I. P. Shamjakina. Filalagichnyja navuki*. 2014;3:139–143. Russian.
6. Tratsiak ZI. Specific understanding of the concept of war in the documentary-fictional cycle «Voices of utopia» by S. Alexievich. *Journal of the Belarusian State University. Philology*. 2019;3:31–39. Belarusian.
7. Anninskij LA. [Look back in tears: God and man in the apocalypses of Svetlana Alexievich]. *Knizhnoe obozrenie*. 1998;21:8–9. Russian.
8. Górska K. The work of Svetlana Alexievich in the context of the history of documentary fictional prose («Boys of zinc»). *Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov. Seriya: Literaturovedenie. Zhurnalistika*. 2017;2(22):291–301. DOI: 10.22363/2312-9220-2017-22-2-291-301. Russian.
9. Krylov VN. «The document must live in harmony with the laws of art» (the history of «domestic» socialism in «Second-hand time» by Svetlana Aleksievich). *Filologiya i kul'tura*. 2014;3(37):250–253. Russian.

10. Sonu Sajni. [«Chernobyl prayer: chronicle of the future» S. Alexievich. The problem of genre]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Kul'turologiya i iskusstvovedenie*. 2013;2(10):17–22. Russian.
11. Kuca Z. [Artistic and documentary prose by Svetlana Alexievich on the example of the book «Zinc boys»]. *Lyublinskie issledovaniya v oblasti sovremennykh yazykov i literatury*. 2018;42(2):20–34. Russian.
12. Siho Majeda. [Narrative and representation of women in war. The myth of war and journalism S. Alexievich war does not have a woman's face]. In: Grechko V, Su Kvan Kim, Susumu Nonaka, editors. *Dal'nii Vostok, blizkaya Rossiya. Evolyutsiya russkoi kul'tury – vzglyad iz Vostochnoi Azii* [The Far East: the evolution of Russia culture – a view from East Asia]. Belgrad: Logos; 2015. p. 184–198. Russian.
13. Mestergazi EG. *Literatura non-fikshn. Jeksperimental'naja jenciklopedija* [Non-fiction literature. Experimental encyclopedia]. Moscow: Sovpadenie; 2007. 327 p. Russian.
14. Gej NK. [Metartistic literature]. In: Kasatkina TA, editor. *Teoriya literatury. Tom 1* [Meta-fiction of literature. Theory of literature. Volume 1]. Moscow: A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences; 2005. 335 p. Russian.
15. Romanova SV. Originality of art-documentary meta-genre in modern Russian-language prose of Belarus. *Journal of the Belarusian State University. Philology*. 2020;1:24–36. Russian.
16. Aleksievich SA. *U vajny ne zhanochy tvar* [War's unwomanly face]. Akudovich V, translator. Minsk: Lohvinau; 2018. 366 p. Belarusian.
17. Aleksievich SA. *Chas sjekand-hjend* [Second-hand time]. Dubavec S, translator. Minsk: Lohvinau; 2018. 490 p. Belarusian.
18. Lotman Ju. *Vnutri mysljashhih mirov* [Inside the thinking worlds]. Saint Petersburg: Azbuka; 2018. 448 p. (Azbuka-klassika. Non-fiction). Russian.
19. Jurchak A. *Eto bylo navsegda, poka ne konchilos'*. *Poslednee sovetskoe pokolenie* [It was forever, until it was over. The last Soviet generation]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie; 2019. 604 p. Russian.
20. Aleksievich SA. *Aposhnija svedki* [Last witness]. Pjatrovich B, translator. Minsk: Lohvinau; 2018. 312 p. Belarusian.
21. Aleksievich SA. *Cynkavyja hlopchyki* [Zinc boys]. Hadanovich A, translator. Minsk: Lohvinau; 2018. 350 p. Belarusian.
22. Adamovich A, Bryl' Ja, Kalesnik U. *Ja z vognennaj vjoski...* [I'm from the fire village...]. Minsk: Mastackaja litaratura; 1975. 448 p. Belarusian.

Артыкул паступіў у рэдкалегію 24.12.2020.
Received by editorial board 24.12.2020.

УДК 811.16.128.4(476)+81'366

ЧАСТОТНЫЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ В БЕЛОРУССКОМ, РУССКОМ И СЛОВЕНСКОМ ЯЗЫКАХ: СЕМАНТИКО-ТЕМАТИЧЕСКИЕ ЧЕРТЫ¹

Н. Б. МЕЧКОВСКАЯ¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Исследование заимствований в составе первой тысячи слов в частотных словарях и/или корпусах белорусского, русского и словенского языков показало, что количественные межъязыковые различия в соотношении заимствований и исконных слов обусловлены временем создания словарей, а также жанрово-стилистическим составом их источников и поэтому не отражают реальное соотношение заимствованной и исконной лексики в отдельном языке. Однако семантико-тематическое и прагматическое своеобразие частотных заимствований по трем языкам демонстрирует, что относительный объем заимствований в языке и речи уменьшается в направлении от белорусского языка к русскому и далее к словенскому. Распространенность заимствований в конкретном языке тем больше, чем менее специфичны и тематически обусловлены в нем заимствованные слова. Белорусские и русские заимствования в тематическом и частично в прагматическом аспектах не отделены от исконной лексики или не так сильно отделены, как заимствования в словенском языке.

Ключевые слова: частотные словари; национальные корпуса; частотные лексические заимствования; континуант лексемы-прототипа; язык-реципиент; семантика частотных заимствований.

¹⁾У аснову артыкула пакладзены пленарны даклад аўтара, прачытаны на IX Міжнароднай навуковай канферэнцыі «Мова – літаратура – культура» (памяці прафесара А. Я. Міхневіча), якая праходзіла 15–16 кастрычніка 2020 г. на філалагічным факультэце БДУ.

Образец цитирования:

Мячкоўская НБ. Частотныя запазычаны ў беларускай, рускай і славенскай мовах: семантыка-тэматычныя рысы. *Часопіс Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта. Філалогія*. 2021;1:25–35.

For citation:

Mechkovskaya NB. Frequent borrowings in the Belarusian, Russian and Slovenian languages: semantic and thematic features. *Journal of the Belarusian State University. Philology*. 2021;1:25–35. Belarusian.

Автор:

Нина Борисовна Мечковская – доктор филологических наук, профессор; профессор кафедры теоретического и славянского языкознания филологического факультета.

Author:

Nina B. Mechkovskaya, doctor of science (philology), full professor; professor at the department of theoretical and Slavic linguistics, faculty of philology.
nina.mechkovskaya@gmail.com

Благодарность. Автор выражает искреннюю признательность за исследовательскую солидарность и возможность доступа к электронной версии Списка тысячи самых частых словенских слов в корпусе *Gigafida 2.0* профессору Люблинского университета доктору Андрею Желе и доктору Андрею Пердыхе, научному сотруднику Института словенского языка имени Франа Рамовша Словенской академии наук и искусств.

НАЙЧАСЦЕЙШЫЯ ЗАПАЗЫЧАННІ Ў БЕЛАРУСКАЙ, РУСКАЙ І СЛАВЕНСКАЙ МОВАХ: СЕМАНТЫКА-ТЭМАТЫЧНЫЯ РЫСЫ

Н. Б. МЯЧКОЎСКАЯ^{1*}

^{1*}Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, пр. Незалежнасці, 4, 220030, г. Мінск, Беларусь

Даследаванне запазычанняў у складзе першай тысячы слоў у частотных слоўніках і/або ў карпусах беларускай, рускай і славенскай моў паказала, што колькасныя міжмоўныя адрозненні ў суадносінах запазычанняў і спрадвечных слоў абумоўлены часам стварэння слоўнікаў, а таксама жанрава-стылістычным складам іх крыніц і таму не адлюстроўваюць рэальных суадносін запазычанай і спрадвечнай лексікі ў асобнай мове. Аднак семантыка-тэматычныя і прагматычныя асаблівасці частотных запазычанняў па трох мовах дэманструюць, што адносны аб'ём запазычанняў у мове і маўленні памяншаецца ў кірунку ад беларускай мовы да рускай і далей – да славенскай. Распаўсюджанасць запазычанняў у канкрэтнай мове тым большая, чым менш спецыфічныя і тэматычна абумоўленыя ў ёй запазычаныя словы. Беларускія і рускія запазычанні ў тэматычным і часткова ў прагматычным аспектах не аддзелены ад спрадвечнай лексікі або не так моцна аддзелены, як запазычанні ў славенскай мове.

Ключавыя словы: частотныя слоўнікі; нацыянальныя карпусы; частотныя лексічныя запазычанні; кантынуант лексем-пратапыта; мова-рэцыпіент; семантыка частотных запазычанняў.

Падзяка. Аўтар выказвае шчырую падзяку за даследчую салідарнасць і магчымасць доступу да электроннай версіі Спіса тысячы самых частых словенскіх слоў у корпусе *Gigafida 2.0* прафесару Люблінскага ўніверсітэта доктору Андрэі Жэле і доктору Андрэю Пердыху, навуковаму супрацоўніку Інстытута славенскай мовы імя Франа Рамовша Славенскай акадэміі навук і мастацтваў.

FREQUENT BORROWINGS IN THE BELARUSIAN, RUSSIAN AND SLOVENIAN LANGUAGES: SEMANTIC AND THEMATIC FEATURES

N. B. MECHKOVSKEYA^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

The study of borrowings in the first thousand words in frequency dictionaries and/or corpora of the Belarusian, Russian and Slovenian languages showed that quantitative differences between languages in the ratio of borrowings and primordial words are due to the time of creation of dictionaries and the genre-stylistic features of their sources and therefore do not reflect the real ratio borrowings and original vocabulary in a separate language. However, the semantic-thematic and pragmatic features of frequency borrowings in three languages show that the relative volume of borrowings in language and speech decreases in the direction from the Belarusian language to Russian and further to Slovenian. The prevalence of borrowings in a language is the greater, the less specific and thematically are conditioned in it the borrowings. Belarusian and Russian borrowings in thematic and partly pragmatic aspects are not separated from the native vocabulary or are not as strongly separated as borrowings in the Slovenian language.

Keywords: frequency dictionaries; national corpora; frequency lexical borrowings; the continuant of the prototype lexeme; recipient language; semantics of frequency borrowings.

Acknowledgements. The author expresses her sincere gratitude for the research solidarity to Dr. Andreja Zhele, professor at the University of Ljubljana, and Dr. Andrej Perdich, researcher at the Institute of Slovenian Language Fran Ramovsz of the Slovenian Academy of Sciences and Arts, thanks to which she had access to the electronic version of the List of Thousands of Frequently Used Slovenian Words *Gigafida 2.0*.

1. Лексічныя запазычанні з пункта гледжання сацыялінгвістыкі і супастаўляльнага мовазнаўства

1.1. Запозычаныя словы як найбольш масавыя праявы міжмоўных кантактаў. Прыток запозычанняў – адзін са складнікаў абнаўлення мовы. Адносны аб'ём (ці ўдзельная вага) запозычанняў у канкрэтнай мове з'яўляецца кумулятыўнай велічынёй, якая расце на працягу ўсёй гісторыі міжмоўных кантактаў. Запозычанні існуюць у кожнай мове, але ў слоўніках запасах моў удзельная вага запозычанняў розная, што звязана з сацыялінгвістычнымі фактарамі, як аб'ектыўнымі, так і суб'ектыўнымі. Да аб'ектыўных фактараў, што ўплываюць на працэсы запозычання, належаць геаграфічнае становішча краіны або супольнасці, інтэнсіўнасць і характар кантактаў яе жыхароў з іншымі народамі. Да суб'ектыўных фактараў адносяцца агульнае стаўленне грамадства да міжнародных кантактаў і пераймання новых і малазнаёмых ідэй і практык, культурна-гістарычныя асаблівасці зносін з асобнымі народамі, блізкімі і няблізкімі па веравызнанні і культуры, роднаснымі і аддаленымі па паходжанні і мове. Істотнымі з'яўляюцца таксама нацыянальныя традыцыі адукацыі і выхавання. У розныя перыяды грамадскай і моўнай гісторыі інтэнсіўнасць запозычанняў неаднолькавая. Але на працягу апошніх двух тысячгагоддзяў назіраецца выразны трэнд на пашырэнне прытоку запозычанняў у мовах свету.

1.2. Пурызм і лібералізм у адносінах да лексічных запозычанняў. У гісторыі славянскіх літаратурных моў пік спрэчак аб прымальнасці запозычанняў прыпадае на гады ранняй кадыфікацыі або крутых сацыяльных змен.

У рускай традыцыі ў XVIII – пачатку XX ст. заходнееўрапейскія запозычанні звычайна ўваходзілі ў мову «зверху» – праз маўленне культурных эліт, для якіх заходнееўрапейскія мовы былі не роднымі, але і не чужымі – мовамі «свайго круга», зусім не вузкага, і свайго далягляду. Эмацыянальна-этычны камертон у адносінах да *иноплемных слов* зададзены А. С. Пушкіным. Ён пагаджаўся, што патрэбных слоў *на русском нет*, і лёгка *винился*, што не ведае, *как перевести* не толькі *панталоны, фрак, жилет*, але і назву прэстыжнага стылю паводзін – *comme il faut*. Аднак Пушкін тут жартуе і гарэзіць. Ён зусім не засмучаецца ад таго, што *этих слов на русском нет*: у яго мове яны ёсць, ён імі гуляе тут жа, у раманах «Яўгеній Анегін», і яны застаюцца ў рускай мове на доўга. *Иноплемные слова* для Пушкіна не перашкода ў зносінах і не праблема вернасці свайму *племени*. Ён адкрыты ўсяму свету. Для паэта і *патриот*, і *космополит* – занадта абстрактныя, дактрынёрскія ярлыкі (*маски*), калі гаворка ідзе пра чалавека – Анегіна, які толькі што вярнуўся з далёкіх краёў: *Чем ныне явится? / Мельмотом, космополитом, патриотом, / Гарольдом, квакером, ханжой, / Иль маской щегольнет иной, / Иль просто будет добрый малый, / Как вы да я, как целый свет?* У тэрмінах гісторыі літаратурных моў патрыятызм – гэта пурызм, пазіцыя актыўная, маркіраваная, сур'ёзная (як у адмірала Шышкова), на словах кансерватыўная, хаця на практыцы схільная да «народных» замен «чужых слоў». У адрозненне ад пурызму, лібералізм і моўны касмапалітызм (як адна з праяў лібералізму) цяглімыя да інакавасці, у мове яна бачаць невычэрпную і непадуладную людзям стыхію, цэняць разнастайнасць і нечаканасці, часта насмешлівыя.

Аднак у іншых арэалах бывала інакш: запозычанні ішлі не з маўленчага узусу культурных эліт, а з вясковых дыялектаў, памежных з іншай мовай. Такое размеркаванне нямецкіх запозычанняў характэрнае, у прыватнасці, для славенскай і чэшскай моў, у некаторай ступені для польскай. У гэтых мовах нямецкія запозычанні траплялі перш за ўсё праз маўленне сялян і рамеснікаў, якія пераймалі лексіку сваіх нямецкіх суседзяў. Пры гэтым у польскім арэале такія запозычанні звычайна засвойваліся і літаратурнай мовай. Інакш было ў чэхав і славенцаў, якія стагоддзямі жылі ва ўмовах этнамоўнай самаабароны і супраціву асіміляцыі, перш за ўсё нямецка-аўстрыйскай, а таксама італьянскай. Пурыстычна настроеная чэшская і славенская інтэлігенцыя імкнулася пазбягаць слоў нямецкага паходжання, замяняючы іх калькамі ці запозычаннямі са славянскіх моў (рускай, харвацкай). У выніку шматлікія нямецкія запозычанні захаваліся ў чэшскіх і славенскіх дыялектах, але не ўвайшлі ў літаратурныя мовы або былі з іх выцеснены.

1.3. Стаўленне да запозычанняў у славістыцы. Калі да суджэнняў аб мовах не падмешваецца палітыка, то непахіснасць пурыстаў слабее, а талерантнасць лібералаў пашыраецца на моўны густ больш шырокіх колаў носьбітаў мовы. Былая вастрэня спрэчак застаецца ў мінулым. Тым не менш адрозненні ў ацэнках запозычанняў захоўваюцца. Вось некалькі фактаў.

У прадмове да 14-моўнага выдання «Словарь славянской лингвистической терминологии» (Прага, 1977–1979) укладальнікі (сярод іх былі і беларускія моваведы – М. В. Бірыла, А. Я. Міхневіч, М. Р. Суднік) адзначаюць, што ў сітуацыях выбару паміж сінанімічнымі інтэрнацыянальным і хатнім тэрмінамі перавагу, як правіла, яны аддавалі міжнароднаму адпаведніку: «Мэтанакіравана падтрымлівалася ўстаноўка на інтэрнацыяналізацыю навуковай лінгвістычнай тэрміналогіі»² [1, s. XXIV] (гл. таксама [1, s. XVIII, XXIII]). У той жа час славенскі акадэмік Ё. Тапарышыч у «Энцыклапедыі славенскай

²Тут і далей пераклад наш. – Н. М.

мовы» ў артыкулах «Mednarodna kulturna beseda», «Mednarodno izrazje», наадварот, раіў не толькі выбіраць хатні адпаведнік, але пры нагодзе і ствараць яго. Больш за тое, Ё. Тапарышыч захоўвае народнае прадужатае стаўленне да чужых «вучоных» слоў: «У грамадскіх навуках запазычанні, у параўнанні з хатнімі тэрмінамі, аказваюцца менш канкрэтнымі па значэнні, затое іх ахвотна ўжываюць як сродак зацягнення зместу і надання вучонасці» [2, с. 101].

Іншы погляд на запазычаныя словы прадстаўлены ў энцыклапедыі «Беларуская мова» (1994). Член-карэспандэнт АН Беларусі А. М. Булыка – найбуйнейшы даследчык запазычанняў у беларускай мове – бачыў у іх карысны вынік кантактаў народаў: «Запазычання прыходзяць разам з новымі рэаліямі, з’явамі і паняццямі, пад уплывам моды і ў сувязі з неабходнасцю выдзеліць адценні значэнняў і інш., а таксама мець, побач з уласнымі словамі, сродкі міжнароднай тэрміналогіі. <...> [Запазычання] садзейнічаюць узбагачэнню і ўдасканаленню лексічнай сістэмы мовы» [3, с. 215].

У 1997 г. у Інстытуце славяназнаўства і балканістыкі РАН выйшла калектыўная манаграфія «Тенденцыя інтэрнацыяналізацыі ў сучасных славянскіх літаратурных мовах» [4], у якой інтэрнацыяналізацыя трактуецца як прагрэсіўны і перспектывны напрамак развіцця моў. Але праз два гады ў Браціславе быў выдадзены міжнародны зборнік, назва якога гучыць запэўнівальна, а аўтары шэрагу змешчаных у ім артыкулаў узважваюць аргументы за і супраць інтэрнацыяналізацыі моў [5].

Яшчэ сустракаюцца меркаванні, што запазычання сведчаць аб несамастойнасці ці інтэлектуальнай беднасці народа, у якога быццам не хапае ўласных слоў. Між тым шматлікасць запазычанняў – прыкмета не слабасці мовы, а яе адкрытасці, успрымальнасці культуры народа да чужога новага. Так, паводле даных шматтомнай энцыклапедыі Інстытута мовазнаўства РАН «Языки мира», у англійскай мове доля запазычанняў з розных моў дасягае 70 % [6, с. 79]. Па ацэнцы Д. Крыстала, французскія і лацінскія запазычання ў англійскай лексіцы складаюць 40–50 %, у асноўным гэта абазначэнні паняццяў культуры і навукі [7, р. 46].

1.4. Непайзната ведаў пра колькасць запазычанняў і іх ролю ў славянскіх мовах. На пытанне аб месцы запазычанняў у лексіцы славянскіх моў яшчэ не дадзена прымальнага адказаў. У славістычным томе энцыклапедыі «Языки мира» (2005), у раздзелах аб асобных мовах, прадугледжаны спецыяльны падраздзел «Крыніцы, аб’ём і роля лексічных запазычанняў» [8], дзе прыводзяцца звесткі аб мовах – крыніцах запазычанняў, храналогія і тэматычнай аднесенасці іншамовных слоў, аднак ні ў адным раздзеле няма колькасных даных ці хаця б прыблізных характарыстык аб’ёму запазычанняў. Складанасць пытання аб аб’ёме запазычанняў тлумачыцца тым, што пераважная большасць запазычанняў – а гэта сотні тысяч слоў у кожнай мове – адносяцца да інтэрнацыянальных тэрмінаў, якія знаходзяцца за межамі самых вялікіх слоўнікаў (0,5–0,7 млн слоў) літаратурных моў. Гэта маса спецыяльных абазначэнняў належыць да далёкай перыферыі лексікі і слаба звязана з агульнанароднай мовай. Іншая справа, калі ставіцца пытанне аб удзельнай вазе тых запазычанняў, якія сталі агульнапрынятымі, увайшлі ў агульныя слоўнікі, няхай і з паметай кшталту *спец.* (спецыяльнае) ці *антрап.* (антрапалогія). Наколькі прышлыя словы ўкараніліся ў глебе мовы-рэцыпіента? Наколькі такія словы з’яўляюцца частотнымі? Колькі і якія з іх увайшлі ў школьныя падручнікі?

Па ацэнцы М. М. Шанскага, у рускай лексіцы спрадвечныя словы складаюць 90 %, адпаведна, запазычанняў каля 10 % [9, с. 69]. У слоўніку «Новые слова и значения» [10] запазычання, паводле падлікаў Н. З. Кацяловай, склалі 6,8 % агульнай колькасці неалагізмаў [11] (падрабязна аб ацэнках колькасці неалагізмаў розных відаў у гэтым слоўніку гл. [12, с. 213, 228–231]). На мяжы XX–XXI стст. у прытоку новых слоў у рускую мову запазычання склалі, па даных Н. М. Сініцынай, 13,8 %, у нямецкую мову – 37,4 % [13].

Аднак для меркаванняў аб месцы запазычанняў у той ці іншай мове важна бачыць не толькі іх абсалютную колькасць у розных слоўніках, але і суадносіны запазычанняў са спрадвечнымі словамі ў некаторым цэлым – у агульным слоўніку (хоць бы школьным), у тэматычным слоўніку, у той ці іншай падсістэме пазначэнняў або ў выбарцы тэкстаў. Пры гэтым ва ўсіх выпадках істотны аб’ём слоўніка або колькасць словаўжыванняў у тэксце.

Слова, у тым ліку запазычанае, паводзіць сябе па-рознаму ў слоўніку і маўленні. У алфавітным слоўніку розныя словы як бы раўнапраўныя: кожнае знаходзіцца на сваім вызначаным алфавітам месцы. Між тым у тэкстах (у маўленні) словы рэзка адрозніваюцца адно ад аднаго па сваёй частотнасці: невялікая колькасць слоў ужываецца пастаянна, а пераважная большасць – рэдка, але ў рознай ступені.

Найўнасць частотных слоўнікаў дазваляе звярнуцца да тых запазычанняў, якія з прычыны сваёй частотнасці з’яўляюцца заведама невыпадковымі, і паглядзець на іх лексічны склад і рысы. Ніжэй прадстаўлены вопыт супастаўлення такіх запазычанняў у трох славянскіх мовах – беларускай, рускай і славенскай. Даследаваліся запазычання, якія ў нацыянальных частотных слоўніках і/або карпусах увайшлі ў першую тысячу самых частых лексем.

2. Крыніцы звестак аб частотнасці запазычанняў

2.1. «Частотны слоўнік беларускай мовы» (1976–2006). Працу над частотным слоўнікам ініцыяваў і арганізаваў загадчык кафедры тэарэтычнага і славянскага мовазнаўства ў БДУ прафесар А. Я. Супрун. Першыя пяць выпускаў слоўніка друкаваліся ва ўніверсітэцкім выдавецтве на працягу 16 гадоў (Мажэйка, Супрун 1976; Мажаўка, Супрун 1979; Мажаўка, Супрун 1982; Мажаўка, Супрун 1989; Мажаўка, Супрун 1992). У іх прадстаўлена лексіка пяці жанрава-стылістычных разнавіднасцей маўлення (табл. 1). Праўда, у беларускім праекце ёсць адно спрэчнае рашэнне: трэці выпуск пабудаваны на аснове фальклорных тэкстаў (па акадэмічных выданнях фальклору), прычым у такім жа аб'ёме, у якім планаваліся выбаркі для чацвёртага і пятага выпускаў слоўніка. Вядома, распрацоўшчыкі аказалі неацэнную паслугу фалькларыстам, аднак выніковая карціна беларускай лексікі не магла не зазнаць фальклорнага ўплыву. Гэта зрушыла яе ў напрамку калаквіяльнасці і архаічнасці і ўзмацніла вясковыя рысы.

У 2006 г. у мінскім выдавецтве «Зоркі гор» выйшла кніга, якая аб'яднала пяць выпускаў слоўніка пад адной вокладкай (Мажаўка 2006), прычым гэта было не механічнае аб'яднанне: выбарка слоўніка павялічылася на 301 тыс. словаўжыванняў і, зразумела, змяніліся частотныя і алфавітна-частотныя спісы слоў.

Табліца 1

Колькасныя характарыстыкі лексікі ў шасці выпусках беларускага частотнага слоўніка і колькасць запазычанняў у першай тысячы слоў

Table 1

Quantitative characteristics of vocabulary in six issues of the Belarusian frequency dictionary and the number of borrowings in the first thousand of the frequent words

Назва выпуску, год выдання	Колькасць		
	словаўжыванняў, тыс.	розных слоў	запазычанняў у першай тысячы слоў
Мастацкая проза (1976)	290	21 754	64
Публіцыстыка (1979)	310	18 319	259
Вусная народная творчасць (1982)	300	21 000	26
Гутарковая мова (1989)	300	20 351	69
Паэзія (1992)	300	24 629	60
Частотны слоўнік беларускай мовы (2006)	1801	64 536	107

Звяртае на сябе ўвагу, з аднаго боку, вялікая колькасць запазычанняў (больш за чвэрць) у першай тысячы лексем у выпуску «Публіцыстыка», а з другога – тое, як мала запазычанняў у фальклорнай лексіцы: у 10 разоў менш, чым у газетна-часопісным слоўніку.

2.2. Частотныя слоўнікі рускай мовы Л. М. Засорынай (1977), В. М. Ляшэўскай і С. А. Шарова (2015). «Частотный словарь русского языка» Л. М. Засорынай (Засорина 1977) і беларускі частотны слоўнік блізкія ў тым важным вымярэнні, што абодва складзены выключна па друкаваных крыніцах і адлюстроўваюць лексіку савецкага грамадства, што выразна адбіваецца як на лексічным складзе частых запазычанняў, так і на высокіх рангах саветызмаў. У гэтым абодва слоўнікі савецкага часу супрацьстаяць «Частотному словарю современного русского языка» В. М. Ляшэўскай і С. А. Шарова (Ляшевская, Шаров 2015), а таксама Спісу тысячы самых частых славенскіх слоў у корпусе *Gigafida 2.0*.

2.3. Спіс тысячы самых частых славенскіх слоў (Seznam 1.000 najpogostejših lem v korpusu Gigafida 2.0). Спіс *SlovenSeznam* уяўляе сабой прамежкавы вынік буйнога нацыянальнага праекта Славенскай акадэміі навук і мастацтваў – новай граматыкі сучаснай стандартнай (літаратурнай) славенскай мовы. Для стварэння граматыкі было прызнана неабходным вылучыць са Славенскага нацыянальнага корпуса спіс аб'ёмам у 150 тыс. першых па частаце слоў. Рээстр першых 1084 слоў, цалкам вывераны стваральнікамі, – гэта пачатак генеральнага спіса.

Частотны слоўнік В. М. Ляшэўскай і С. А. Шарова і Спіс тысячы самых частых славенскіх слоў блізкія паміж сабой па шэрагу рыс: 1) гэта лексічныя здымкі дзвюх моў постсацыялістычных супольнасцей XXI ст.; 2) абодва рээстры створаны на аснове нацыянальных карпусоў, аб'ём якіх у дзясяткі разоў перавышае тэкставую базу дакорпусных частотных слоўнікаў; 3) абодва рээстры ў пэўнай меры адлюстроўваюць прысутнасць у корпусе дакументаванага вуснага маўлення (хоць, як вядома,

у стварэнні і папаўненні карпусоў запіс вуснага маўлення застаецца найбольш працаёмкім працэсам і вусныя падкарпусы, як правіла, меншыя за астатнія).

Відавочная неаднастайнасць даследаваных крыніц і лінгвістычныя наступствы гэтай неаднастайнасці дазваляюць лепш зразумець адрозненні ў складзе запазычанняў у тысячы самых частотных слоў трох моў.

3. Ідэнтыфікацыя запазычанняў

Запазычаны (неспрадвечны) характар лексем у складзе самых частых слоў доследных моў правяраўся або вызначаўся па этымалагічных і гісторыка-этымалагічных слоўніках. У спісы іншамовных слоў не былі ўключаны праславянскія запазычання (словы, засвоеныя славянскімі мовамі да V–VI стст.), такія як *віно* (па характарыстыцы Фасмера, «старажытны міжземнаморскі тэрмін»), *кніга*, *князь*, *карабель*, *купіць*, *хлеб*, паколькі іх чужамоўнасць даўно не адчуваецца, а таксама пазнейшыя, але дапісьмовыя агульнаславянскія запазычання (*каляда*, *кароль*). Да таго ж даўнія запазычання не дыферэнцыруюць або нязначна дыферэнцыруюць роднасныя мовы.

Афіксальныя вытворныя ад асноў запазычаных слоў разглядаюцца як запазычання. Трэба зазначыць, што ва ўсходнеславянскай лексікалогіі такія падыход не з'яўляецца агульнапрынятым. Так, у шмат разоў перавыдадзеных падручніках па лексікалогіі М. М. Шанскага напісана, што «под исконно русским словом понимается всякое слово, возникшее в русском языке или унаследованное из более древнего языка-источника, независимо от того, из каких этимологических частей (исконно русских или заимствованных) оно состоит» [9, с. 70]. Аднак у даследчай літаратуры дэрываты ад запазычаных асноў звычайна адносяць не да спрадвечнай, а да запазычанай лексікі [14–16] і «разглядаюць як вынік самастойнага акту запазычання» [15, с. 96].

4. Што абумоўлівае адрозненні разгледжаных крыніц па колькасці запазычанняў: асаблівасці моў ці асаблівасці слоўнікаў?

4.1. Колькасць запазычаных лексем у першай па частаце тысячы слоў (паводле чатырох даследаваных крыніц). У табл. 2 з прычыны недахопу друкаванай плошчы паказаны толькі пачаткі спісаў запазычанняў – першыя 12 слоў. Лічбы ў апошнім радку табліцы дэманструюць колькасць запазычаных лексем у першай тысячы найчасцейшых слоў у даследаваных крыніцах.

Табліца 2

Найчасцейшыя запазычання па чатырох крыніцах, ранжыраваныя па змяншэнні частот

Table 2

Most frequent borrowings by four sources ranked in descending order of frequency

Ранг	Крыніцы частотных спісаў			
	Мажэйка 2006	Засорина 1977	Ляшевская, Шаров 2015	SlovenSeznam
1	181. Товарыш	92. Товарищ	146. Система	95. Evropski
2	209. Школа	178. Американский	178. Деньги	96. Evro
3	210. Шлях	198. Армия	187. Машина	107. Ura
4	220. Машына	209. Партия	197. Проблема	111. Milijon
5	237. Грошы	213. Машина	235. Результат	141. Program
6	239. Раён	229. Комната	247. Компания	167. Šola
7	248. Форма	254. Форма	258. Группа	175. Sistem
8	259. Рэспубліка	271. Газета	260. Процесс	179. Ameriški
9	280. Партыя	277. Класс	282. Форма	188. Film
10	283. План	280. Солдат	285. Минута	190. Denar
11	298. Арганізацыя	287. План	315. Школа	192. Sezona
12	304. Сацыялістычны	288. Революция	323. Организация	193. Projekt
Усяго запазычанняў у першай тысячы слоў				
–	107	133	112	126

Па колькасці запазычанняў, якія ўвайшлі ў першую тысячу самых частых слоў, усе чатыры спісы дастаткова блізкія паміж сабой (у параўнанні з тым, як часам адрозніваюцца па колькасці запазычанняў-словаўжыванняў эквівалентныя тэксты – у некалькі разоў³). Разам з тым адрозненні ў колькасці запазычанняў паміж чатырма спісамі – гэта зусім не дробныя ваганні, што называецца, «у межах статыстычнай хібнасці». Сярэдняе квадратычнае адхіленне паміж колькасцю запазычанняў у першай тысячы самых частых слоў складае 9,8, што сведчыць пра статыстычную значнасць выяўленых адрозненняў, бо пры выпадковых (статыстычна нязначных) ваганнях адпаведны паказчык складае 5 і менш адзінак⁴.

4.2. Узростанне з цягам часу ўдзельнай вагі запазычанняў. Большасць тэкстаў, на якіх пабудаваны беларускі частотны слоўнік (Мажэйка 2006), адносяцца да 1970–80-х гг., пры гэтым фальклорныя і значная частка паэтычных тэкстаў ствараліся ў яшчэ больш ранні час. Між тым пры іншых роўных умовах у пазнейшых тэкстах працэнт запазычаных слоў (і словаўжыванняў) вышэйшы, чым у больш ранніх. У якасці лічбавага пацвярджэння гэтага тэзіса ў табл. 3 прыведзены даныя (па рабоце [17]) пра колькасць інтэрнацыяналізмаў у перакладах двух міжнародных дакументаў глабальнага адрасавання, часавая адлегласць паміж якімі складае 55 гадоў, – Усеагульнай дэкларацыі правоў чалавека (1948) і Канвенцыі аб ахове нематэрыяльнай культурнай спадчыны (2003). Пераклады дакументаў такой значнасці выконваюцца звычайна з усёй даступнай дакладнасцю, што дазваляе бачыць у іх эквівалентныя тэксты.

Табліца 3

Колькасныя паказчыкі ўжывання інтэрнацыяналізмаў у эквівалентных перакладах
двух міжнародных дакументаў на некаторыя славянскія мовы

Table 3

Quantitative data on the usability of internationalisms in equivalent translations
of two international documents into some Slavic languages

Дакумент	Беларуская мова		Польская мова		Руская мова		Чэшская мова		Славенская мова	
	Колькасць	%	Колькасць	%	Колькасць	%	Колькасць	%	Колькасць	%
Усеагульная дэкларацыя правоў чалавека (1948)	142	8,8	116	7,1	114	7,0	50	3,3	45	2,9
Канвенцыя аб ахове нематэрыяльнай культурнай спадчыны (2003)	880	21,7	782	20,2	752	19,3	401	10,8	372	9,9

Як бачна, у перакладах 2003 г. інтэрнацыяналізмы ўжываюцца ў 2–3 разы шырэй, чым у перакладах тэксту 1948 г. Часткова гэта звязана з тым, што дэкларацыя напісана ў змешаным заканадаўча-публіцыстычным стылі, у той час як канвенцыя носіць больш адмысловы юрыдычны характар. Тым не менш фактар часу ў большай насычанасці канвенцыі інтэрнацыяналізмамі падаецца значным.

4.3. Большая насычанасць запазычаннямі пісьмовых тэкстаў (у параўнанні з вусным маўленнем). Частотны слоўнік рускай мовы 1977 г. (Засорина 1977), на першы погляд, не падуладны «фактару часу»: ён убачыў свет больш чым на 30 гадоў раней за слоўнікі, заснаваныя на нацыянальных карпусах, але ў яго першай тысячы самых частых слоў запазычанняў больш, чым у пазнейшых рускім і славенскім корпусных спісах. Тут, аднак, варта ўлічыць другі важны фактар: гэты слоўнік заснаваны выключна на пісьмовых крыніцах, у якіх запазычанняў заўсёды больш, чым у вусным маўленні. Да таго ж мова першай паловы XX ст. і сярэдзіны XX ст., нават мова прозы і драматургіі, на якую абапіраецца частотны слоўнік рускай мовы, была больш аддаленай ад жывога маўлення, чым у канцы XX ст., з больш моцнай роляй вучоных і кніжных элементаў у тэкстах рускай літаратуры, што павялічвала прысутнасць у іх і запазычанняў. У адрозненне ад дадзенага слоўніка, у крыніцах XXI ст. (і ў рускім, і ў славенскім

³Параўн. ніжэй, у табл. 3, колькасць інтэрнацыяналізмаў у перакладах двух дакументаў на беларускую і польскую мовы, з аднаго боку, а з другога – на славенскую і чэшскую.

⁴Сярэдняе квадратычнае адхіленне вылічваецца як корань квадрата з сумы квадратаў рознасцей паміж «ітай частатой» (кожнай з атрыманых частот) і сярэдняй частатой, падзеленай на колькасць гэтых рознасцей (гл.: Носенко И. А. Начала статистики для лингвистов. М.: Высш. школа, 1981. С. 40).

карпусах) уключаецца фактар, які дзейнічае ў процілеглым кірунку: прысутнасць запісаў вуснага маўлення зніжае прадстаўленасць запазычанняў у той выніковай лексічнай карціне, якую дае частотны слоўнік.

4.4. Моцная народная плынь у крыніцах частотнага слоўніка беларускай мовы. Што тычыцца нешматлікасці запазычанняў у беларускім выніковым спісе, то, акрамя часу стварэння тэкстаў, пакладзеных у яго аснову, у тым ліку фальклорнага падкорпуса, варта ўлічыць таксама тэматычную і стылістычную самабытнасць беларускай літаратуры: вясковая тэма займае ў ёй больш значнае месца, чым у рускай. А. Макмілін, адзначаючы большую цвярозасць і рэалістычнасць беларускай вясковай прозы (у адрозненне ад твораў рускіх пісьменнікаў-«деревенщиков»), тлумачыў гэтыя рысы даўняй і кроўнай сувяззю беларускіх творцаў з сялянскім жыццём: «Гэта жыццё было арганічнай часткай беларускай літаратуры з самага яе пачатку» [18, р. 151]. Зразумела, што вясковая тэма зусім не стымуляе ўжыванне запазычанняў.

Затое ў беларускай перыёдыцы першая па частаце тысяча слоў складаецца з запазычанняў больш чым на чвэрць. З усіх функцыянальных разнавіднасцей мовы газетна-часопіснае маўленне і ў савецкі час знаходзілася бліжэй за ўсіх да гутарковай мовы і жывых зносін. Лексічна яно было самым стракатым, раскаваным, мабільным і пераймальным, гэта значыць адкрытым новаму. Максімальна высокая вага запазычанняў у перыёдыцы сведчыць аб прапарцыянальна важкай прысутнасці запазычанай лексікі ў паўсядзённым беларускім маўленні.

Такім чынам, адрозненні паміж чатырма частотнымі спісамі слоў у колькасці запазычанняў абумоўлены часам стварэння слоўніка і жанрава-стылістычным складам яго крыніц.

5. Семантыка-тэматычныя рысы найчасцейшых запазычанняў у трох славянскіх мовах

5.1. Размытасць семантычных кластараў і тэматычная разнастайнасць частотных рускіх запазычанняў у спісе частотнага слоўніка сучаснай рускай мовы 2015 г. У запазычаннях, якія ўваходзяць у першую тысячу спіса 2015 г., цяжка вылучыць групы тэматычна блізкіх слоў. У значнай меры гэта тая лексіка, якую называюць агульнанавуковай, аднак яна прысутнічае не толькі ў тэкстах розных навук, але таксама і ў афіцыйных і дзелавых тэкстах. Амаль палову дадзенага спіса (51 слова, 45 %) складаюць кніжныя мнагазначныя словы з размытай або множнай тэматычнай прыналежнасцю. Вось гэты спіс: *система, проблема, результат, группа, процесс, форма, момент, ситуация, роль, орган, программа, информация, центр, интерес, материал, план, проект, объект, период, структура, номер, тема, принцип, метод, тип, характер, район, класс, факт, телефон, позиция, регион, процент, анализ, бумага, вариант, модель, операция, база, текст, пункт, линия, комплекс, контроль, сфера, фонд, элемент, нормальный, масса, практика*.

5.2. Больш штодзённы і прагматычна памяркоўны характар беларускага спіса частотных запазычанняў. У беларускім спісе прыкметна больш, чым у рускім і асабліва ў славянскім спісе, стылістычна нейтральных і тэматычна немаркіраваных (атэматычных) слоў штодзённага ўжытку. Каб убачыць гэтыя адметнасці, варта звярнуць увагу на звычайныя беларускія словы іншамоўнага паходжання (са спіса найчасцейшых), якім у рускай мове адпавядаюць спрадвечныя словы: *шлях* (дорога, путь), *шмат* (много), *шукаць* (искать), *раптам* (вдруг), *крок* (шаг), *хутчэй* (быстрей), *пэўны* (определенный, некоторый), *напэўна* (вероятно), *пэўна* (наверное), *лёс* (судьба), *мусіць* (должен, обязан), *глеба* (почва), *рэч* (вещь, дело)⁵. Між тым у беларускай мове запазычанням з рускага спіса адпавядаюць таксама запазычанні, у тым ліку і за межамі першай тысячы частых беларускіх слоў: *капітан, кацёр, кабінет, матрос, ідэя, сур'ёзны, тэатр, роля, кватэра, сіэна* і інш. Толькі аднаму запазычанню з рускага частотнага спіса – слову *интерес* – у беларускім адпавядае спрадвечнае слова *цікавасць*, але лацінскі кантынuant *інтарэс* таксама ёсць у беларускай мове, але з метанімічна ссунутай семантыкай ‘увага; патрэба, карысць’. Мяркуючы па ўсім, беларуская мова здаўна лёгка прымала запазычанні, таму ў друкаваных СМІ і ў штодзённым беларускім маўленні ўдзельная вага запазычаных слоў вышэйшая, чым у рускай.

5.3. Макрасемы запазычанняў у складзе першай тысячы славянскіх частых слоў: эканоміка і інстытуты, вымярэнне, міжнародныя адносіны. Калі ў беларускім і абодвух рускіх спісах запазычанняў не атрымліваецца вылучыць лексіка-тэматычныя групы хаця б па 8–10 слоў, то ў славянскім спісе наяўнасць кластараў досыць відавочная. Славянскія частотныя запазычанні ствараюць уражанне лексікі, якую выпісалі з тэматычна блізкіх небытавых тэкстаў. Гэтыя словы групуюцца вакол наступных макрасем: 1) сацыяльныя ўстановы, надасабовыя аб'яднанні, сацыяльна-палітычная

⁵Тут і далей пералічэнні слоў з частотных спісаў прыводзяцца з захаваннем чарговасці слоў у крыніцах.

дзеінасьць: *ekipa, ministrstvo, minister, političen, klub, director, center, organizacija, komisija, politika, liga, policist, agencija, policija, socialen, medij, reprezentanca, kultura, festival, turističen, organ, konferenca, concert, partner, parlament, unija, republika, univerza, policijski, fakulteta, organizirati*; 2) фінансы, эканамічная актыўнасьць: *evro, denar, banka, tolar, finančen, dolar, račun, akcija, škoda, kriza, partner, proračun, poškodba, konkurenca, sindikat*; 3) час, тэрміны, адрэзкі часу, рух у часе: *ura, minuta, sezona, trenutek, sobota, final, trenutno, proces, sekunda*, а таксама 12 назваў месяцаў, якія паходзяць з лацінскай мовы⁶; 4) назвы лічбаў і адзінак вымярэння, акрамя часу: *milijon, miliarda; meter, kilometr*; 5) некалькі слоў, якія ўтвараюць асобную тэму «спорт».

У спіс *SlovenSeznam* увайшлі шэсьць кантынуантаў, утвораных ад неславянскіх назваў народаў, краін або кантынентаў (*evropski, ameriški, italijanski, francoski, britanski, avstrijski*), між тым у рускай корпуснай тысячы няма ніводнага падобнага прыметніка, хоць за яе межамі адпаведныя запазычанні, вядома, прысутнічаюць. У першай тысячы частотнага слоўніка рускай мовы 1997 г. (Засорина 1997) ёсць прыметнікі *американский, французский, английский*, але праз 30 гадоў у маштабах нацыянальнага корпуса іх частотны рэйтынг панізіўся.

І ў рускіх, і ў славенскім спісах частых запазычанняў ёсць стылістычна нейтральныя словы штодзённага маўлення, аднак у славенскім спісе іх значна менш, чым у рускім: параўн. славен. *ura, šola, denar, pokal, škoda, telefon, fant, študent, avto, šolski, miza* і рус. *деньги, машина, школа, комната, квартира, рынок* (у штодзённым маўленні гэта 'месца рознічнага гандлю пад адкрытым небам або ў гандлёвых шэрагах, базар'), *газета, номер, факт, телефон, бумага, вариант, пара, магазин, база, линия, продукт* (асабліва *продукты*), *доктор* (для рускага маўлення гэта перш за ўсё 'врач'), *курс* (он на 3-м курсе), *нормальный, карман* і інш.

Запазычанні названых тэматычных груп уносяць у славенскае маўленне небытавыя надперсанальныя сэнсы (сацыяльна-эканамічная дзейнасьць, колькасная пэўнасьць у часе, фінансах, міжнародныя адносіны). Прыкметная колькасць тых уяўленняў і рэалій, якія абазначаюцца запазычаннямі, успрымаюцца ў славенскім грамадстве як адносна новыя і перспектыўныя або актуальныя з'явы жыцця. Таму і адпаведныя запазычанні падаюцца новымі і «вучонымі» словамі, блізкімі да тэрмінаў, больш дакладнымі і пэўнымі, чым бытавая лексіка штодзённага маўлення.

Заклучэнне

Вываўленыя колькасныя міжмоўныя адрозненні ў суадносінах найбольш пашыраных запазычанняў і спрадвечных слоў абумоўлены часам стварэння частотных слоўнікаў і жанрава-стылістычным складам іх крыніц і таму не адлюстроўваюць рэальных суадносін запазычанняў і спрадвечнай лексікі ў асобнай мове. Аднак семантыка-тэматычныя і прагматычныя асаблівасці частотных запазычанняў па трох мовах даюць падставы сцвярджаць, што адносны аб'ём запазычанняў у мове і маўленні памяншаецца ў кірунку ад беларускай мовы да рускай і далей да славенскай. Адзначаная змяншальная прагрэсія ў дачыненні да колькасці запазычанняў у трох мовах карэлюе з данымі аб удзельнай вазе інтэрнацыянальных словаўжыванняў у эквівалентных славянскіх перакладах двух міжнародных дакументаў.

Распаўсюджанасць запазычанняў у канкрэтнай мове тым большая, чым менш спецыфічнымі і тэматычна абумоўленымі з'яўляюцца ў ёй запазычанні. У аспекце дыяхраніі аб'ём запазычанняў тым большы, чым яны шырэй распаўсюджаны і прымальныя для грамадства. Пурыстычная асцярожнасць у прыняцці новых запазычанняў, традыцыйная для нацыянальнай славенскай інтэлігенцыі, надае тым іншамоўным словам, якія прыходзяць у сучасную славенскую літаратурную мову, характар слоў спецыяльных, блізкіх да тэрміналогіі, міжнародна значных і таму сапраўды неабходных грамадству. Рускія і асабліва беларускія запазычанні больш шматлікія, але і больш звычайныя з прычыны даўняй укаранёнасці ва ўсходнеславянскіх мовах. У тэматычным і часткова прагматычным аспектах беларускія і рускія кантынуанты чужых каранёў і слоў не адасоблены ад спрадвечнай лексікі або не так моцна адасоблены, як запазычанні ў славенскай мове.

Скарачэнні

Засорина 1977 – Частотный словарь русского языка : ок. 40 тыс. слов / под ред. Л. Н. Засориной. М. : Рус. яз., 1977. 936 с.; **Ляшевская, Шаров 2015** – *Ляшевская О. Н., Шаров С. А.* Частотный словарь современного русского языка: на материалах Национального корпуса русского языка. 2-е изд., испр. и доп. М. : Словари.ру, 2015. XXI, 1087 с.; **Мажэйка 2006** – *Мажэйка Н. С.* Частотны слоўнік беларускай мовы. Мінск : Зоркі гор, 2006. 657 с.; **Мажэйка, Супрун 1976** – *Мажэйка Н. С., Супрун А. Я.* Частотны слоўнік беларускай мовы. Мастоцкая проза. Мінск : Выд-ва БДУ, 1976. 232 с.; **Мажэйка, Супрун 1979** – *Мажэйка Н. С.,*

⁶Назвы месяцаў у рускай мове – гэта таксама лацінізмы, аднак ні адзін з іх не трапіў у лік тысячы частых слоў. Ці значыць гэта, што часавая пэўнасьць запатрабавана ў рускім маўленні менш, чым у славенскім?

Супрун А. Я. Частотны слоўнік беларускай мовы. Публіцыстыка. Мінск : Выд-ва БДУ, 1979. 216 с.; **Мажэйка, Супрун 1982** – *Мажэйка Н. С., Супрун А. Я.* Частотны слоўнік беларускай мовы. Вусная народная творчасць. Мінск : Выд-ва БДУ, 1982. 304 с.; **Мажэйка, Супрун 1989** – *Мажэйка Н. С., Супрун А. Я.* Частотны слоўнік беларускай мовы. Гутарковая мова. Мінск : Выд-ва БДУ, 1989. 176 с.; **Мажэйка, Супрун 1992** – *Мажэйка Н. С., Супрун А. Я.* Частотны слоўнік беларускай мовы. Паэзія. Мінск : Выд-ва БДУ, 1992. 172 с.; **SlovenSeznam** – Seznam 1.000 najpogostejših lem v korpusu Gigafida 2.0.

Бібліяграфічныя спасылкі

1. Jedlička A, editor. *Slovník slovanské lingvistické terminologie* = *Словарь славянской лингвистической терминологии* = *Dictionary of Slavonic linguistic terminology*. Hamburg: H. Buske; 1977. 554 s.
2. Toporišič J. *Enciklopedija slovenskega jezika*. Ljubljana: Cankarjeva založba; 1992. 384 p. DOI: 10.4312/linguistica.34.2.152-153.
3. Булыка АМ. Запозычэнні. У: Сачанка БІ, Анічэнка УВ, Брыль ІА, Гілевіч НС, Жураўскі АІ, Кароткая ТМ і інш., рэдактары. *Беларуская мова. Эцыклапедыя*. Мінск: Беларуская эцыклапедыя імя Пётруся Броўкі; 1994. с. 215–217.
4. Смирнов ЛН, редактор. *Тенденция интернационализации в современных славянских литературных языках*. Москва: Институт славяноведения и балканистики РАН; 1997. 261 с.
5. Bosák J, editor. *Internacionalizácia v súčasných slovanských jazykoch: za a proti*. Bratislava: Veda; 1999. 166 s.
6. Ярцева В, Солнцев В, Толстой Н. *Языки мира. Германские языки. Кельтские языки*. Москва: Academia; 2000. 472 с.
7. Crystal D. *The Cambridge encyclopedia of the English language*. Cambridge: Cambridge University Press; 1995. vii, 489 p.
8. Молдован АМ, редактор. *Языки мира. Славянские языки. Том 10*. Москва: Академия; 2005. 641 с.
9. Шанский НМ. *Лексикология современного русского языка*. Москва: Просвещение; 1964. 316 с.
10. Котелова НЗ, Сорокин ЮС, редакторы. *Новые слова и значения*. Москва: Советская энциклопедия; 1971. 544 с.
11. Котелова НЗ. Первый опыт лексикографического описания русских неологизмов. В: Котелова НЗ, редактор. *Новые слова и словари новых слов*. Ленинград: Наука; 1978. с. 5–26.
12. Мечковская НБ. *История языка и история коммуникации от клинописи до Интернета: курс лекций по общему языкознанию*. Москва: Флинта; 2009. 582 с. Совместно с издательством «Наука».
13. Сينيцына НН. *Новая лексика и фразеология в русском и немецком языках на рубеже XX–XXI вв.: источники, семантико-прагматическое своеобразие и языковые механизмы номинации (по лексикографическим данным)* [диссертация]. Минск: БГУ; 2015. 199 с.
14. Сорокин ЮС. *Развитие словарного состава русского литературного языка в 30–90-е годы XIX в.* Москва: Наука; 1965. 565 с.
15. Биржакова ЕЭ, Войнова ЛА, Кутина ЛЛ. *Очерки по исторической лексикологии русского языка XVIII в. Языковые контакты и заимствования*. Ленинград: Наука; 1972. 471 с.
16. Аристова ВМ. *Англо-русские языковые контакты (англизмы в русском языке)*. Министерство высшего и среднего специального образования РСФСР. Ленинград: Издательство ЛГУ; 1978. 152 с.
17. Мечковская НБ. Пуризм vs либерализм в лингвистической идеологии и языковой практике. В: Ivič MK, Žele A, editors. *Pogled v jezik in iz jezika: adi Vidovič Muha ob jubileju*. Maribor: Univerzitetna založba Univerze; 2020. s. 213–230.
18. McMillin A. *Belarusian literature in the 1950s and 1960s: release and renewal*. Köln: Böhlau; 1999. 315 p.

References

1. Jedlička A, editor. *Dictionary of Slavonic linguistic terminology*. Hamburg: H. Buske; 1977. 554 p.
2. Toporišič J. *Enciklopedija slovenskega jezika*. Ljubljana: Cankarjeva založba; 1992. 384 s. DOI: 10.4312/linguistica.34.2.152-153.
3. Bulyka AM. [Borrowings]. In: Sachanka BI, Anichjenka UV, Bryl' IA, Gilevich NS, Zhurawski AI, Karotkaja TM, et al., editors. *Belaruskaja mova: jencyklapedyja* [Belarusian language: encyclopedia]. Minsk: Belaruskaja jencyklapedyja imja Petrusja Browki; 1994. p. 215–217. Belarusian.
4. Smirnov LN, editor. *Tendentsiya internatsionalizatsii v sovremennykh slavyanskikh literaturnykh yazykakh* [Internationalization trend in modern Slavic literary languages]. Moscow: Institute of Slavic and Balkan Studies, Russian Academy of Science; 1997. 261 p. Russian.
5. Bosák J, editor. *Internacionalizácia v súčasných slovanských jazykoch: za a proti*. Bratislava: Veda; 1999. 166 s.
6. Yartseva V, Solntsev V, Tolstoi N. *Yazyki mira. Germanskie yazyki. Kel'tskie yazyki* [Languages of the world. Germanic languages. Celtic languages]. Moscow: Academia; 2000. 472 p. Russian.
7. Crystal D. *The Cambridge encyclopedia of the English language*. Cambridge: Cambridge University Press; 1995. vii, 489 p.
8. Moldovan AM. *Yazyki mira. Slavyanskije yazyki. Tom 10* [Languages of the world. Slavic languages. Volume 10]. Moscow: Akademiya; 2005. 641 p. Russian.
9. Shanskii NM. *Leksikologiya sovremennogo russkogo yazyka* [Lexicology of the modern Russian language]. Moscow: Prosveshchenie; 1964. 316 p. Russian.
10. Kotelova NZ, Sorokin YuS, editors. *Novye slova i znacheniya* [New words and meanings]. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya; 1971. 544 p. Russian.
11. Kotelova NZ. [The first experience of lexicographic description of Russian neologisms]. In: Kotelova NZ, editor. *Novye slova i slovari novykh slov* [New words and dictionaries of new words]. Leningrad: Nauka; 1978. p. 5–26. Russian.
12. Mechkovskaya NB. *Istoriya yazyka i istoriya kommunikatsii ot klinopisi do Interneta: kurs lektzii po obshchemu yazykoznaniiyu* [The history of language and the history of communication from cuneiform to the Internet: a course of lectures in general linguistics]. Moscow: Flinta; 2009. 582 p. Co-published by the «Nauka». Russian.

13. Sinitsyna NN. *Novaya leksika i frazeologiya v russkom i nemetskom yazykakh na rubezhe XX–XXI vv.: istochniki, semantiko-pragmaticheskoe svoeobrazie i yazykovye mekhanizmy nominatsii (po leksikograficheskim dannym)* [New vocabulary and phraseology in Russian and German at the turn of 20th and 21st centuries: sources, semantic and pragmatic originality and linguistic mechanisms of nomination (according to the lexicographical data)] [dissertation abstract]. Minsk: Belarusian State University; 2015. 24 p. Russian.
14. Sorokin YuS. *Razvitie slovarnogo sostava russkogo literaturnogo yazyka v 30–90-ye gody XIX v.* [The development of the vocabulary of the Russian literary language in the 30–90s of the 19th century]. Moscow: Nauka; 1965. 565 p. Russian.
15. Birzhakova EE, Voinova LA, Kutina LL. *Ocherki po istoricheskoi leksikologii russkogo yazyka XVIII v. Yazykovye kontakty i zaimstvovaniya* [Essays on the historical lexicology of the Russian language in the 18th century. Language contacts and borrowings]. Leningrad: Nauka; 1972. 471 p. Russian.
16. Aristova VM. *Anglo-russkie yazykovye kontakty (anglizmy v russkom yazyke)* [English-Russian language contacts (anglisms in Russian)]. Leningrad: Publishing House of the Leningrad State University; 1978. 152 p. Russian.
17. Mečkovskaja NB. [Purism vs liberalism in linguistic ideology and language practice]. In: Ivič MK, Žele A, editors. *Pogled v jezik in iz jezika: adi Vidovič Muha ob jubileju*. Maribor: Univerzitetna založba Univerze; 2020. s. 213–230. Russian.
18. McMillin A. *Belarusian literature in the 1950s and 1960s: release and renewal*. Köln: Böhlau; 1999. 315 p.

Артыкул паступіў у рэдакцыю 12.11.2020.
Received by editorial board 12.11.2020.

УДК 811.161.1'373.611(043.3)

ОСОБЕННОСТИ СТРУКТУРЫ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ЦЕПЕЙ ИМЕН ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ С ЛАТИНСКОЙ КОРНЕВОЙ МОРФЕМОЙ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Е. В. СТРИГО¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Проведен анализ частеречной и словообразовательной структуры бинарных и полинарных словообразовательных цепей, входящих в состав словообразовательных гнезд с исходным словом – именем прилагательным с латинской корневой морфемой. Выявлены наиболее типичные для рассматриваемых деадъективных гнезд частеречные модели словообразовательных цепей. Установлено, что некоторые особенности организации словообразовательных цепей предопределяются частью речи и способом образования производного, находящегося на первой ступени деривации. Выяснено, что самые длинные и разнообразные по набору компонентов словообразовательные цепи формируются с участием отвлеченных имен существительных с суффиксом *-изм* и глаголов на первой ступени деривации. Сложные адъективные производные на первой ступени обычно приводят к образованию двухкомпонентных словообразовательных цепей, префиксальные – трехкомпонентных. Адвербиальные дериваты в основном образуют бинарные цепи. Определено, что для полинарных деадъективных цепей с именами существительными на первой ступени деривации наиболее характерны субстантивные и адъективные производные, для цепей с глаголами на первой ступени – производные существительные и глаголы; имена прилагательные на первой ступени регулярно мотивируют субстантивные и адвербиальные дериваты; наречия могут выступать мотивирующими только для адвербиальных производных.

Ключевые слова: бинарные словообразовательные цепи (цепочки); полинарные словообразовательные цепи (цепочки); производное слово (дериват); частеречная модель; словообразовательное значение.

АСАБЛІВАСЦІ СТРУКТУРЫ СЛОВАЎТВАРАЛЬНЫХ ЛАНЦУГОЎ ПРЫМЕТНІКАЎ З ЛАЦІНСКАЙ КАРАНЁВАЙ МАРФЕМАЙ У СУЧАСНАЙ РУСКАЙ МОВЕ

К. В. СТРЫГА^{1*}

^{1*}Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, пр. Незалежнасці, 4, 220030, г. Мінск, Беларусь

Праведзены аналіз часцінамоўнай і словаўтваральнай структуры бінарных і палінарных словаўтваральных ланцугоў, якія ўваходзяць у склад словаўтваральных гнёздаў з зыходным словам – прыметнікам з лацінскай каранёвай марфемай. Выяўлены найбольш тыповыя для разглядаемых дэад’ектыўных гнёздаў часцінамоўныя мадэлі словаўтваральных ланцугоў. Вызначана, што некаторыя асаблівасці арганізацыі словаўтваральных ланцугоў прадвызначаюцца часцінай мовы і спосабам утварэння вытворнага слова, якое знаходзіцца на першай ступені дэрывацыі. Высветлена, што самыя доўгія і разнастайныя па наборы кампанентаў словаўтваральныя ланцугі фарміруюцца з удзелам адцягненых назойнікаў з суфіксам *-изм* і дзеясловаў на першай ступені дэрывацыі. Складаныя ад’ектыўныя вытворныя на першай ступені звычайна ўтвараюць двухкампанентныя словаўтваральныя

Образец цитирования:

Стриго ЕВ. Особенности структуры словообразовательных цепей имен прилагательных с латинской корневой морфемой в современном русском языке. *Журнал Белорусского государственного университета. Филология.* 2021;1:36–45.

For citation:

Stryha KV. Features of the structure of word formation chains of adjectives with Latin root morpheme in modern Russian. *Journal of the Belarusian State University. Philology.* 2021;1: 36–45. Russian.

Автор:

Екатерина Викторовна Стриго – кандидат филологических наук; доцент кафедры классической филологии филологического факультета.

Author:

Katsiaryna V. Stryha, PhD (philology); associate professor at the department of classical philology, faculty of philology. str.katya@mail.ru

ланцугі, прэфіксальныя – трохкампанентныя. Адвербіяльныя дэрываты ў асноўным прыводзяць да ўтварэння бінарных ланцугоў. Вызначана, што для палінарных дэад’ектыўных ланцугоў з назоўнікамі на першай ступені дэрывацыі найбольш характэрныя субстантыўныя і ад’ектыўныя вытворныя, для ланцугоў з дзеясловамі на першай ступені – вытворныя назоўнікі і дзеясловы; прыметнікі на першай ступені рэгулярна матывуюць субстантыўныя і адвербіяльныя дэрываты; прыслоўі могуць выступаць матывавальнымі толькі для адвербіяльных вытворных.

Ключавыя словы: бінарныя словаўтваральныя ланцугі (ланцужкі); палінарныя словаўтваральныя ланцугі (ланцужкі); вытворнае слова (дэрыват); часцінамоўная мадэль; словаўтваральнае значэнне.

FEATURES OF THE STRUCTURE OF WORD FORMATION CHAINS OF ADJECTIVES WITH LATIN ROOT MORPHEME IN MODERN RUSSIAN

K. V. STRYHA^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

The analysis of the part of speech and word formation structure of binary and multicomponent word formation chains that are part of word formation nests with the original word – adjective name with the Latin root morpheme is carried out. The most typical models of part of speech of word formation chains for the considered deadjective nests are revealed. It is established that some features of the organization of word formation chains are predetermined by the part of speech and the method of formation of the derivative, which is at the first stage of derivation. It was found out that the longest and most diverse word formation chains are formed with the participation of abstract nouns with the suffix *-ism* and verbs at the first stage of derivation; complex adjectival derivative in the first stage typically lead to the formation of two-component derivational chains, prefixed to the formation of ternary chains, adverbial derivatives mainly form a binary chain. It is determined that the most characteristic of the multicomponent deadjective chains with nouns for the first stage of derivation are substantive and adjective derivatives, for the chains with verbs at the first stage – derived nouns and verbs; adjectives at the first stage regularly motivate substantive and adverbial derivatives; adverbs can be motivating only for adverbial derivatives.

Keywords: binary word formation chains; multicomponent word formation chains; derivative; model of part of speech; word formation meaning.

Введение

Описание словообразовательных цепей (СЦ) в составе словообразовательных гнезд (СГ) различных частей речи является одной из актуальных задач современной лингвистики. На необходимость всестороннего изучения СЦ, выявления их типов, установления особенностей СЦ с точки зрения их семантической структуры и формального строения указывал еще А. Н. Тихонов [1, с. 10]. Саму словообразовательную цепь ученый считал «важнейшей синтагматической единицей в структуре гнезда» и описывал ее как «ряд однокоренных слов, связанных между собой отношениями последовательной производности» [2, с. 41], так как «каждое предыдущее слово в СЦ является производящим для последующего и каждое последующее слово – производным предыдущего звена» [3, с. 119]. Е. А. Земская, как и большинство ученых (О. П. Ермакова, С. А. Тихонов, И. А. Ширшов и др.), разделяет подобное представление относительно сущности понятия СЦ и отмечает, что данная комплексная словообразовательная единица отчетливо выявляет ступенчатый характер русского словообразования и демонстрирует синтагматические отношения между однокоренными словами [4, с. 30]. Начальным звеном, или вершиной, словообразовательной цепи всегда выступает исходное слово СГ, которое может быть только производящим, последующие звенья СЦ, кроме конечного, выполняют функции производящего и производного одновременно, конечное звено СЦ представляет собой только производное слово [2, с. 47]. СЦ могут включать в свой состав различное количество однокоренных слов, относящихся к разным частям речи. При этом между звеньями СЦ наблюдаются сложные формально-семантические отношения, которые активно исследуются учеными-дериватологами. Так, В. В. Лопатин и И. С. Улуханов в результате своих наблюдений над семантической организацией СЦ приходят к выводу, что для производных не первой ступени деривации мотивирующими могут выступать не только ближайшие им слова цепочки, но и другие предшествующие слова [5, с. 133]. О. П. Ермакова, анализируя семантику СЦ, обращает внимание на то, что некоторые типы отыменных относительных прилагательных и отадъективных наречий, формально выводимые из предыдущего звена СЦ, семантически могут мотивироваться не только предыдущим, но и последующим звеном [6, с. 39–40]. И. А. Ширшов в рамках СЦ

занимается изучением полимотивированных образований, которые характеризуются одним лексическим значением, но варьирующейся словообразовательной структурой [7]. Формально ученый исследует СЦ по следующим признакам: «количество компонентов»¹, «лексико-грамматическая отнесенность исходного слова и конечного звена цепочки», «последовательное присоединение аффиксов или чересступенчатое», «одна мотивация у конечного (или неконечного) звена или более» [7, с. 92–93].

Особую значимость СЦ в качестве единицы описания словообразовательной системы русского языка отмечает С. А. Тихонов. Так, по длине СЦ можно установить глубину гнезда, по конечному звену – возможность или невозможность дальнейшего разветвления цепи на синтагматической оси СГ, а в процессе анализа звеньев всех СЦ одного гнезда – словообразовательный потенциал исходного слова [8, с. 54–55]. Кроме того, по мнению ученого, исследование особенностей организации СЦ различных лексико-семантических групп всех частей речи и описание частеречных типов СЦ необходимы для построения их типологии, которая в итоге будет способствовать созданию общей типологии СГ русского языка².

Таким образом, СЦ представляют собой важные структурные элементы СГ, в ходе анализа которых решаются многие проблемы современного словообразования. Цель настоящей работы – рассмотреть особенности формальной и семантической структуры СЦ, входящих в состав СГ с исходным словом – именем прилагательным с латинской корневой морфемой (*спонтанный* < лат. *spontaneus* ‘самопроизвольный’, *стерильный* < фр. *sterile* < лат. *sterilis* ‘бесплодный’)³. С формальной точки зрения данные деадъективные СЦ характеризуются по количеству компонентов (бинарные, состоящие из исходного слова гнезда и одного производного, и полинарные, включающие исходное слово и два и более производных [7, с. 92]), лексико-грамматической соотнесенности начального и конечного звеньев цепи (линейные, в которых начальное и конечное звенья принадлежат разным частям речи, и кольцевые, где начальное и конечное звенья относятся к одной части речи) [7, с. 92], лексико-грамматической соотнесенности всех звеньев цепи (гомогенные СЦ, все компоненты которых относятся к одной части речи, и гетерогенные СЦ, включающие в свой состав лексемы различных частей речи). Семантическая структура СЦ анализируется на частеречном и словообразовательном уровнях. На частеречном уровне СЦ одной длины, представляющие собой одинаковую последовательность производных определенных частей речи, объединяются в частеречные модели⁴. На словообразовательном уровне СЦ классифицируются по словообразовательным средствам, с помощью которых образуются дериваты в составе цепи, и по словообразовательным значениям (СЗ), которые эти дериваты выражают⁵.

Материалы и методы исследования

Латинизмы составляют значительный по объему и прагматически важный пласт словаря всего русского языка, поэтому всестороннее изучение данной лексики, в том числе и на уровне комплексных единиц словообразовательной системы, является актуальным.

В «Словообразовательном словаре русского языка» А. Н. Тихонова⁶ обнаружено 141 СГ с вершиной – именем прилагательным с корневой морфемой латинского происхождения. Более половины непроизводных латиноязычных прилагательных представляют собой частотные, стилистически нейтральные, общеупотребительные лексемы (*конкретный*, *официальный*, *популярный*, *примитивный*, *серьезный*). Остальные относятся к сфере терминологии и встречаются в основном в письменной речи (*абразивный* (тех.), *дискордантный* (биол.), *палатальный* (лингв.)). Заимствованные имена, гнезда которых были отобраны для анализа, уже давно проникли в русский язык и адаптировались в нем. Многие из этих имен активно включились в словообразовательные процессы русского языка, о чем свидетельствуют организованные ими гнезда, имеющие разветвленную структуру из нескольких словообразовательных цепей и парадигм. Настоящее исследование позволит выявить наиболее типичные частеречные модели СЦ, встречающиеся в интересующих нас деадъективных гнездах, и установить некоторые закономерности появления в них производных определенной части речи и СЗ.

В ходе анализа были использованы метод синхронного описания состава словообразовательных цепочек, мотивированных непроизводными адъективными лексемами с латинской корневой морфемой, и метод количественной обработки данных.

¹Компонентом считается любой член цепи, в том числе и исходное слово [7, с. 92].

²Тихонов С. А. Отглагольные словообразовательные цепочки в современном русском языке (на материале лексико-семантических групп глаголов созидания и разрушения): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. М., 1984. С. 3.

³Основным источником при выяснении этимологии непроизводных имен прилагательных послужил словарь Л. П. Крысина (*Крысин Л. П. Толковый словарь иноязычных слов. М.: Эксмо, 2008. 944 с.*).

⁴Тихонов С. А. Отглагольные словообразовательные цепочки в современном русском языке (на материале лексико-семантических групп глаголов созидания и разрушения): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. М., 1984. С. 6.

⁵Там же. С. 7.

⁶Тихонов А. Н. Словообразовательный словарь русского языка: в 2 т. 3-е изд., испр. и доп. М.: АСТ: Астрель, 2008. Т. 1. 860 с.; Т. 2. 941 с.

Результаты и их обсуждение

Производные в анализируемых деадъективных гнездах группируются на четырех ступенях деривации, т. е. в данных СГ присутствуют бинарные и полинарные СЦ, состоящие из трех – пяти компонентов. Общеизвестно, что структура и семантика СЦ во многом зависит от семантики ее вершины. Кроме того, что подтверждает и настоящее исследование, на организацию СЦ оказывает значительное влияние и часть речи производного, которое располагается на первой ступени деривации. Поэтому для дальнейшего анализа все СЦ были разделены на группы в соответствии с частеречной принадлежностью дериватов первой ступени словопроизводства: деадъективные СЦ с субстантивными производными на первой ступени деривации, деадъективные СЦ с глагольными производными на первой ступени деривации, деадъективные СЦ с адъективными производными на первой ступени деривации, деадъективные СЦ с адвербиальными производными на первой ступени деривации.

Общее количество бинарных и полинарных СЦ в анализируемых деадъективных СГ в соответствии с частеречной принадлежностью производного, находящегося на первой ступени деривации, приведено в табл. 1.

Таблица 1

Бинарные и полинарные СЦ с производными различных частей речи на первой ступени деривации

Table 1

Binary and multicomponent word formation chains with derivatives of various parts of speech at the first stage of derivation

Производное первой ступени деривации	Количество бинарных СЦ	Количество полинарных СЦ	Всего СЦ	
			Количество	Доля, %
Имя существительное	155	118	273	45
Имя прилагательное	62	62	124	20
Наречие	61	19	80	13
Глагол	7	130	137	22
Всего СЦ	Количество	285	329	614
	Доля, %	46	54	–
			–	100

Судя по предоставленным данным, общее количество полинарных СЦ в анализируемых гнездах немного превышает общее количество бинарных. Большинство бинарных СЦ организовано по частеречной модели $P \rightarrow C$ (более 54 %), где P – имя прилагательное, C – имя существительное. По моделям $P \rightarrow P$ и $P \rightarrow H$, где H – наречие, организуется примерно одинаковое количество СЦ (22 и 21 % соответственно), а модель $P \rightarrow G$, где G – глагол, для данных деадъективных СЦ не характерна (2 %).

Гомогенными, кольцевыми СЦ ($P \rightarrow P$) являются 22 % всех бинарных СЦ, остальные 78 % гетерогенные, линейные.

Деадъективные СЦ с субстантивными производными на первой ступени деривации. Частеречные модели данных деадъективных СЦ и их количество представлены в табл. 2 (всего 273).

Таблица 2

Частеречные модели деадъективных СЦ с субстантивными производными на первой ступени деривации

Table 2

Models of part of speech of deadjective word formation chains with substantive derivatives at the first stage of derivation

Тип СЦ	Модель	Количество СЦ	Всего	
			Количество	Доля, %
СЦ из двух звеньев	$P \rightarrow C$	155	155	57
СЦ из трех звеньев	$P \rightarrow C \rightarrow C$	43	64	23
	$P \rightarrow C \rightarrow P$	20		
	$P \rightarrow C \rightarrow H$	1		

Окончание табл. 2
Ending table 2

Тип СЦ	Модель	Количество СЦ	Всего	
			Количество	Доля, %
СЦ из четырех звеньев	$P \rightarrow C \rightarrow C \rightarrow P$	26	47	17
	$P \rightarrow C \rightarrow C \rightarrow C$	12		
	$P \rightarrow C \rightarrow P \rightarrow H$	4		
	$P \rightarrow C \rightarrow P \rightarrow C$	3		
	$P \rightarrow C \rightarrow P \rightarrow P$	2		
СЦ из пяти звеньев	$P \rightarrow C \rightarrow C \rightarrow C \rightarrow P$	4	7	3
	$P \rightarrow C \rightarrow C \rightarrow C \rightarrow C$	2		
	$P \rightarrow C \rightarrow C \rightarrow P \rightarrow H$	1		

Более половины СЦ, на первой ступени деривации которых находятся субстантивные лексемы, являются бинарными. Непроизводные имена прилагательные с латинской корневой морфемой активно организуют двухкомпонентные СЦ с участием суффиксальных субстантивов (128)⁷ (*каузальный* → *каузальн-ость*), иногда – сложных (22) (*сенситивный* → *сенсит-о-грамма*). Несколько имен существительных в данных СЦ образованы путем универбации (5) (*карболовый* → *карбол-к-а* [*карбол(овая кислота)-к-а*]). Абсолютное большинство суффиксальных образований в бинарных СЦ представляют собой отвлеченные имена существительные с суффиксом *-ость* (83). Среди других субстантивных производных, замыкающих данные СЦ, отмечены имена существительные с транспозиционным, реже – мутационным СЗ, образованные с помощью суффиксов *-изм* (13) (*ориентальный* → *ориентал-изм*), *-изациj-а* (5)⁸ (*вербальный* → *вербал-изациj-а*), *-ист* (3) (*вокальный* → *вокал-ист*), с нулевым суффиксом (11) (*официозный* → *официоз*), образованные путем субстантивации (5) (*релятивный* → *релятивн-ое* (сущ.)). В единичных случаях в таких СЦ наблюдаются субстантивные дериваты с суффиксами *-итет*, *-ств-*, *-ицин-*, *-еск-*, *-ат*, *-он*, *-ин*, *-ик*, *-ии* (*муниципальный* → *муниципал-итет*, *фамильярный* → *фамильяр-ств-о*, *примитивный* → *примитив-ицин-а*, *нейтральный* → *нейтр-он*, *стерильный* → *стерил-ин*, *салициловый* → *салицил-ат* и др.).

Наиболее востребованной частеречной моделью полинарных деадъективных СЦ является модель $P \rightarrow C \rightarrow C$. Большинство примеров данной модели обнаружены в СЦ, первая ступень деривации которых представлена суффиксальным именем существительным с транспозиционным СЗ, а вторая ступень деривации – префиксальным именем существительным с модификационным СЗ: $P \rightarrow C$ (*-ость*) → C (*не-*, *анти-*, *ир-*) (17) (*актуальный* → *актуальн-ость* → *не-актуальность* 1⁹). Другие разновидности данной частеречной модели встречаются реже:

- СЦ, в которых на первой ступени производное с мутационным или транспозиционным СЗ, а на второй ступени – производное с мутационным СЗ: $P \rightarrow C$ (*-изм*) → C (*-ист*) (8) (*универсальный* → *универсал-изм* → *универсал-ист*); $P \rightarrow C$ (*-Ø*) → C (*-ист*) (1) (*активный* → *актив* ¹⁰ → *актив-ист*);
- СЦ, в которых на первой ступени субстантивное производное с соединительным СЗ, на второй – производное с мутационным СЗ: $P \rightarrow C$ (сложное) → C (*-чик*, *-ист*, *-овк-*, *-оз*, *-ом-*, *-Ø*) (7) (*генеральный* → *ген/штаб* → *генштаб-ист*);
- СЦ, в которых на первой ступени производное с мутационным СЗ, на второй – производное с модификационным СЗ: $P \rightarrow C$ (*-ин*, *-он*) → C (*анти-*) (2) (*нейтральный* → *нейтр-он* → *анти-нейтрон*); $P \rightarrow C$ (*-ист*) → C (*-ик*, *-к-*) (2) (*специальный* → *специал-ист* → *специалист-к-а*, *реальный* → *реал-ист* → *реалист-ик*); $P \rightarrow C$ (*-ист*) → C (*не-*) (2) (*специальный* → *специал-ист* → *не-специалист*);
- СЦ, в которых на первой ступени производное с мутационным СЗ, на второй – производное с соединительным СЗ: $P \rightarrow C$ (*-ист*, *-Ø*) → C (сложное) (3) (*специальный* → *специал-ист* → *авиа/специалист*);
- СЦ, в которой на первой и вторых ступенях производные с соединительным СЗ: $P \rightarrow C$ (сложное) → C (сложное) (1) (*социальный* → *с/обес* [*с(о)циальное обес(печение)*] → *рай/собес*).

Наибольшую деривационную активность при организации многокомпонентных СЦ проявляют субстантивные производные первой ступени словопроизводства с суффиксом *-изм*. Данные дериваты

⁷Здесь и далее число в скобках обозначает количество СЦ.

⁸У производных с суффиксом *-изациj-а* наблюдается совмещение транспозиционного СЗ опредмеченного действия и мутационного ‘наделение признаком, названным мотивирующим словом’, свойственное глаголам [9, с. 169].

⁹Здесь и далее арабские цифры при дериватах указывают на наличие не единственной мотивации.

¹⁰Здесь и далее римские цифры обозначают омонимы.

обнаружены всего в 76 деадъективных СЦ, 63 из них – полинарные (20 СЦ состоят из трех компонентов, 38 СЦ – из четырех компонентов, 5 СЦ – из пяти компонентов). С участием имен существительных на *-изм* организуются цепи самых разных моделей, одной из наиболее частотных является $\Pi \rightarrow \text{С} (-изм) \rightarrow \text{С} (-ист) \rightarrow \Pi (-ическ-/-ск-)$ (22) (*компаративный* $\rightarrow$ *компаратив-изм* $\rightarrow$ *компаратив-ист* $\rightarrow$ *компаративист-ск-ий*). Появление сложных субстантивных производных на второй ступени деривации способствует еще большему усложнению структуры подобных СЦ: $\Pi \rightarrow \text{С} (-изм) \rightarrow \text{С} (\text{сложное}) \rightarrow \text{С} (-ист) \rightarrow \Pi (-ическ-/-ск-)$ (4) (*реальный* $\rightarrow$ *реал-изм* $\rightarrow$ *нео/реализм* $\rightarrow$ *неореал-ист* $\rightarrow$ *неореалист-ическ-ий* 2).

Достаточно регулярно субстантивные производные на *-изм* участвуют в формировании СЦ следующих моделей: $\Pi \rightarrow \text{С} (-изм) \rightarrow \Pi (-ическ-/-ск-)$ (12) (*плюральный* $\rightarrow$ *плюрал-изм* $\rightarrow$ *плюрал-ист/ическ-ий* 2); $\Pi \rightarrow \text{С} (-изм) \rightarrow \text{С} (-ист)$ (8) (*универсальный* $\rightarrow$ *универсал-изм* $\rightarrow$ *универсал-ист*); $\Pi \rightarrow \text{С} (-изм) \rightarrow \text{С} (-ист) \rightarrow \text{С} (-к-)$ (7) (*гуманный* $\rightarrow$ *гуман-изм* $\rightarrow$ *гуман-ист* $\rightarrow$ *гуманист-к-а*). Таким образом, особенно активны данные отвлеченные дериваты в отношении агентивных имен существительных и в отношении относительных имен прилагательных. При этом агентивные существительные практически всегда способствуют дальнейшему разветвлению СЦ, проявляя деривационную активность, тогда как производные имена прилагательные характеризуются низким словообразовательным потенциалом и часто замыкают СЦ. Изредка адъективные производные мотивируют адвербиальные дериваты ($\Pi \rightarrow \text{С} (-изм) \rightarrow \Pi (-ическ-, -ичн-) \rightarrow \text{Н} (-и, -о)$ (4): *...реал-ист/ическ-ий* 2 $\rightarrow$ *реалистическ-и*; $\Pi \rightarrow \text{С} (-изм) \rightarrow \text{С} (-ист) \rightarrow \Pi (-ск-) \rightarrow \text{Н} (-и)$ (1): *...релятивист-ск-ий* 1 $\rightarrow$ *релятивистск-и*), отвлеченные существительные ($\Pi \rightarrow \text{С} (-изм) \rightarrow \Pi (-ичн-) \rightarrow \text{С} (-ость)$ (3): *...сенсуал-ист/ичн-ый* $\rightarrow$ *сенсуалистичн-ость*), префиксальное имя прилагательное ($\Pi \rightarrow \text{С} (-изм) \rightarrow \Pi (-ическ-) \rightarrow \Pi (\text{псевдо-})$ (1): *...реал-ист/ическ-ий* 2 $\rightarrow$ *псевдо-реалистический*).

Таким образом, на второй – четвертой ступенях деривации в полинарных СЦ с субстантивными производными на первой ступени чаще всего встречаются производные имена существительные (отмечены в 77 % СЦ), реже – производные имена прилагательные (в 51 % СЦ), в единичных случаях – производные наречия (в 5 % СЦ). Глаголы в данных СЦ не обнаружены.

Все полинарные СЦ с субстантивными производными на первой ступени являются гетерогенными, линейные СЦ составляют 56 %, кольцевые – 44 %. Самыми частотными частеречными моделями полинарных кольцевых СЦ являются модели $\Pi \rightarrow \text{С} \rightarrow \text{С} \rightarrow \Pi$ и $\Pi \rightarrow \text{С} \rightarrow \Pi$.

Деадъективные СЦ с глагольными производными на первой ступени деривации. Частеречные модели данных деадъективных СЦ и их количество представлены в табл. 3 (всего 137).

Таблица 3

Частеречные модели деадъективных СЦ с глагольными производными на первой ступени деривации

Table 3

Models of part of speech of deadjective word formation chains with verbal derivatives at the first stage of derivation

Тип СЦ	Модель	Количество СЦ	Всего	
			Количество	Доля, %
СЦ из двух звеньев	$\Pi \rightarrow \Gamma$	7	7	5
СЦ из трех звеньев	$\Pi \rightarrow \Gamma \rightarrow \Gamma$	38	101	74
	$\Pi \rightarrow \Gamma \rightarrow \text{С}$	54		
	$\Pi \rightarrow \Gamma \rightarrow \Pi\text{-п}$	9		
СЦ из четырех звеньев	$\Pi \rightarrow \Gamma \rightarrow \Pi\text{-п} \rightarrow \Pi$	3	26	19
	$\Pi \rightarrow \Gamma \rightarrow \Gamma \rightarrow \Gamma$	3		
	$\Pi \rightarrow \Gamma \rightarrow \text{С} \rightarrow \text{С}$	6		
	$\Pi \rightarrow \Gamma \rightarrow \Gamma \rightarrow \text{С}$	4		
	$\Pi \rightarrow \Gamma \rightarrow \Gamma \rightarrow \Pi\text{-п}$	2		
	$\Pi \rightarrow \Gamma \rightarrow \text{С} \rightarrow \Pi$	6		
	$\Pi \rightarrow \Gamma \rightarrow \Pi\text{-п} \rightarrow \text{С}$	2		
СЦ из пяти звеньев	$\Pi \rightarrow \Gamma \rightarrow \text{С} \rightarrow \Pi \rightarrow \text{С}$	2	3	2
	$\Pi \rightarrow \Gamma \rightarrow \text{С} \rightarrow \Pi \rightarrow \Pi$	1		

Примечание. $\Pi\text{-п}$ – адъективированные причастные образования на *-нн*¹¹.

¹¹ В словаре А. Н. Тихонова (Тихонов А. Н. Словообразовательный словарь русского языка. М., 2008) они обозначены как *прич.* – *прилаг.*, т. е. причастия в значении прилагательных: *палатализовать* $\rightarrow$ *палатализова-нн-ый* (*прич.* – *прилаг.*).

Появление глагола в СЦ обычно активизирует процесс словопроизводства, что наблюдается и в данном материале: с участием глагольных производных на первой ступени деривации в интересующих нас словообразовательных гнездах организуются практически только полинарные СЦ. В составе немногочисленных бинарных СЦ было выявлено несколько глаголов, образованных с помощью суффиксов *-ича-* (4) (*солидн-ича-ть*) и *-ирова-* (1) (*толер-ирова-ть*), и глаголы, образованные префиксально-суффиксальным способом (2) (*по-серьезн-е-ть*, *по-солидн-е-ть*). Все остальные глаголы первой ступени деривации являются активными в словообразовательном отношении. При этом глаголы, образованные с помощью суффикса *-ича-*, возможны только в трехкомпонентных СЦ следующих моделей: П → Г (*-ича-*) → С (*-ниј-*) (2) (*серьезный* → *серьезн-ича-ть* → *серьезнича-ниј-е*); П → Г (*-ича-*) → Г (*рас-* + *-ся*) (1) (*фамильярный* → *фамильярн-ича-ть* → *рас-фамильярнича-ть-ся*); П → Г (*-ича-*) → Г (*за-*) (1) (*фамильярный* → *фамильярн-ича-ть* → *за-фамильярнича-ть*). Только в трехкомпонентных СЦ обнаружены также глагольные дериваты, образованные суффиксально-постфиксальным способом. Данные глагольные производные могут выступать мотивирующими для синтаксических дериватов (3) (П → Г (*-ирова-* / *-изирова-* + *-ся*) → С (*-ацѣ-а* / *-ниј-е*): *адвербиальный* → *адвербиал-изирова-ть-ся* → *адвербиализ-ацѣ-а*) и адъективированного причастия (1) (*адъективный* → *адъектив-ирова-ть-ся* → *адъективирова-нн-ый* (*прич. – прилаг.*)).

Наибольшую деривационную активность проявляют глаголы, образованные с помощью суффиксов *-изирова-* / *-изова-* / *-ирова-* (41). Чаще всего данные дериваты становятся мотивирующими для субстантивных производных с транспозиционным СЗ, образованных с помощью суффиксальных формантов *-ацѣ-а* (33) (*рациональный* → *рационал-изирова-ть* → *рационализ-ацѣ-а*) и *-ниј-е* (9) (*объективный* → *объектив-ирова-ть* → *объективирова-ниј-е*), реже – для субстантивных производных с мутационным СЗ, образованных с помощью суффикса *-атор* (7) (*рациональный* → *рационал-изирова-ть* → *рационализ-атор*). Обычно субстантивы на *-ацѣ-а* и *-атор* не проявляют никакой деривационной активности и замыкают СЦ. В редких случаях данные deverбальные имена выступают мотивирующими для относительных прилагательных (6) (П → Г → С (*-ацѣ-а*) → П (*-онн-*) (3), П → Г → С (*-атор*) → П (*-н-* / *-ск-*) (3): ...*актив-ацѣ-а* → *активаци-онн-ый*, ...*стабилиз-атор* 1 → *стабилизатор-н-ый*), существительных префиксальных (3) (П → Г → С (*-ацѣ-а*) → С (*де-*), (*ин-*): ...*лабиализ-ацѣ-а* 2 → *де-лабиализация*), суффиксальных (2) (П → Г → С (*-ацѣ-а*) → С (*-ств-*): ...*рационализ-атор* → *рационализатор-ств-о*) и сложных (1) (П → Г → С (*-ацѣ-а*) → С (сложное): ...*стерилиз-ацѣ-а* → *терм-о-стерилизация*). Синтаксические дериваты на *-ниј-е* не дают производных.

Достаточно активны глаголы с суффиксами *-изирова-* / *-изова-* / *-ирова-* и в отношении постфиксальных глагольных образований (*актуальный* → *актуал-изирова-ть* → *актуализировать-ся*) – это практически все производные второй ступени мотивированности в СЦ частеречной модели П → Г → Г, за исключением одной цепи с префиксальным глаголом на второй ступени (*локальный* → *локал-изова-ть* → *с-локализировать*). Постфиксальные глаголы не проявляют никакой активности в словообразовательном отношении, тогда как префиксальные глаголы второй ступени деривации могут выступать в качестве мотивирующих баз для постфиксальных глаголов (3) (...*дез-активировать* → *дезактивировать-ся*), субстантивных производных на *-ацѣ-а*, *-ниј-е* (3) (...*дез-активировать* → *дезактивирова-ниј-е*) и *-атор* (1) (...*дез-активировать* → *дезактив-атор*), адъективных образований на *-нн-* (2) (...*дез-активировать* → *дезактивирова-нн-ый*).

Адъективированные причастные образования на *-нн-* чаще всего пассивны в словообразовательном отношении, в редких случаях данные производные мотивируют субстантивные (2) (П → Г → П-п → С (*-ость*): ...*лабиализова-нн-ый* → *лабиализованн-ость*) и адъективные дериваты (3) (П → Г → П-п → П (*не-*), П → Г → П-п → П (сложное): ...*локализова-нн-ый* → *не-локализованный*, ...*специализирова-нн-ый* → *узк-о-специализированный*). В единичных случаях деривационную активность демонстрируют имена прилагательные третьей ступени словопроизводства при мотивации существительных и прилагательных с соединительным СЗ (3) (П → Г → С (*-атор*) → П (*-ск-*) → С (сложное): ...*рационализатор-ск-ий* → *рац/предложение*; П → Г → С (*-ацѣ-а*) → П (*-онн-*) → П (сложное): ...*активаци-онн-ый* → *ради-о-активационный*).

Таким образом, в полинарных СЦ с глаголами на первой ступени деривации наиболее частотны субстантивные производные (встречаются в 58 % СЦ), менее частотны – глагольные производные (в 36 % СЦ), реже всего выявляются адъективированные причастия (в 12 % СЦ) и имена прилагательные (в 9 % СЦ). Наречия в данных СЦ не обнаружены.

Все полинарные СЦ с глаголами на первой ступени являются гетерогенными, линейные СЦ составляют 84 %, кольцевые – 16 %. Как кольцевые СЦ в данном случае рассматривались и частеречные модели с причастиями в значении прилагательных. Самые частотные частеречные модели полинарных кольцевых СЦ: П → Г → П-п и П → Г → С → П.

Деадъективные СЦ с адъективными производными на первой ступени деривации. Частеречные модели данных деадъективных СЦ и их количество представлены в табл. 4 (всего 124).

Таблица 4

Частеречные модели деадъективных СЦ с адъективными производными на первой ступени деривации

Table 4

Models of part of speech of deadjective word formation chains with adjectival derivatives at the first stage of derivation

Тип СЦ	Модель	Количество СЦ	Всего	
			Количество	Доля, %
СЦ из двух звеньев	П → П	62	62	50
СЦ из трех звеньев	П → П → С	32	58	47
	П → П → Н	24		
	П → П → П	2		
СЦ из четырех звеньев	П → П → С → С	3	4	3
	П → П → Г → С	1		

Количество бинарных и полинарных СЦ с участием производных имен прилагательных на первой ступени деривации в рассматриваемых гнездах одинаково. В бинарных СЦ в основном встречаются адъективные дериваты с соединительным СЗ (53) (*специальный* → *узк-о-специальный*), иногда – аффиксальные адъективы с модификационным СЗ (9): восемь префиксальных производных (*социальный* → *анти-социальный*) и одно суффиксальное (*аккуратный* → *аккуратн-еньк-ий*).

В полинарных трехкомпонентных СЦ на первой ступени словопроизводства находятся префиксальные и (иногда) сложные имена прилагательные, которые выступают мотивирующими для отвлеченных существительных и наречий. При этом словообразовательный процесс реализуется по следующим моделям:

- П → П (им-, ир-, не-) → С (-ость, -изм, -щин-, -Ø) (27): *легальный* → **не-легальный** → *нелегальщин-а*; *интенсивный* → **не-интенсивный** → *неинтенсивн-ость* 2; *рациональный* → **ир-рациональный** → *иррационал-изм* (самая частотная модель – П → П (не-) → С (-ость));
- П → П (сложное) → С (-ость) (5): *фертильный* → **сам-о-фертильный** → *самофертильн-ость*;
- П → П (им-, ир-, не-, пре-, сверх-) → Н (-о) (20): *интенсивный* → **не-интенсивный** → *неинтенсивн-о* 2; *мобильный* П (*подвижный*) → **им-мобильный** → *иммобильн-о*; *рациональный* → **ир-рациональный** → *иррациональн-о* (самая частотная модель – П → П (не-) → Н (-о));
- П → П (сложное) → Н (-о) (4): *официальный* → **пол-у-официальный** → *полуофициальн-о*.

Гомогенные трехкомпонентные СЦ формируются только при участии адъективов со значением высшей степени проявления признака по модели П → П (-ейш-) → П (наи-) (*вульгарный* → *вульгарнейш-ий* → *наи-вульгарнейший*). Четырехкомпонентные СЦ включают в свой состав сложные имена прилагательные (на первой ступени деривации), отвлеченные имена существительные (на второй ступени) и сложные имена существительные (на третьей ступени) (*активный* → *ради-о-активный* → *радиоактивн-ость* → *гамма/радиоактивность*). Одна четырехкомпонентная СЦ включает в свой состав глагол (*мобильный* → *им-мобильный* → *иммобил-изова-ть* → *иммобилиз-ац-ия*).

Таким образом, вторая и третья ступени деривации в рассматриваемых полинарных СЦ представлены в основном производными именами существительными (отмечены в 57 % СЦ) и наречиями (в 38 % СЦ), а производные прилагательные (в 3 % СЦ) и глаголы (в 2 % СЦ) почти не встречаются.

Около 3 % всех полинарных СЦ с адъективными производными на первой ступени деривации являются кольцевыми, гомогенными (П → П → П), примерно 97 % – линейными, гетерогенными СЦ.

Деадъективные СЦ с адвербиальными производными на первой ступени деривации. С участием наречий организуются в основном бинарные СЦ (61 из 80 СЦ) (*вульгарный* → *вульгарн-о*). Частеречная модель деадъективных полинарных СЦ, на первой ступени деривации которых находится адвербиальное производное, одна: П → Н → Н. Такие СЦ состоят из суффиксального наречия на первой ступени деривации и префиксального наречия – на второй ступени (*аккуратный* → *аккуратн-о* → *не-аккуратно* 1). Все полинарные СЦ с наречиями на первой ступени являются гетерогенными, линейными.

Заключение

Настоящее исследование показало, что словообразовательные цепочки в рассматриваемых СГ с исходным словом – именем прилагательным с латинской корневой морфемой активнее всего формируются с участием имен существительных на первой ступени деривации, менее активно – с участием глаголов и имен прилагательных, реже всего – с участием наречий.

В состав бинарных СЦ преимущественно входят имена существительные (большинство таких СЦ образовано по модели $P \rightarrow C$ (*-ость*)), значительно реже – имена прилагательные (наиболее востребована модель $P \rightarrow P$ (сложное)) и наречия ($P \rightarrow H$ (*-о*)), а глаголы в двухкомпонентных СЦ практически не встречаются.

Более половины СЦ в анализируемых СГ являются полинарными. Первая ступень деривации в данных СЦ чаще всего представлена глагольными (40 %) и субстантивными (36 %) производными, реже – адъективными (22 %). Меньше всего полинарных СЦ обнаружено с адвербиальными производными на первой ступени деривации (7 %). Самые длинные, т. е. до пяти звеньев включительно, и разнообразные по набору компонентов СЦ формируются с участием отвлеченных имен существительных и глаголов с суффиксами *-изирова-/-изова-/-ирова-*, находящихся на первой ступени словопроизводства. При этом отвлеченные имена существительные с суффиксом *-ость* встречаются только в трехкомпонентных СЦ при мотивации префиксальных производных, тогда как субстантивы с суффиксом *-изм* активно организуют трех-, четырех- и пятикомпонентные СЦ различных частеречных моделей. С участием производных глаголов наиболее характерно образование трехкомпонентных СЦ с синтаксическими субстантивными дериватами на *-ациj-a* или постфиксальными глаголами на второй ступени словопроизводства. Максимальное количество звеньев в СЦ с именами прилагательными на первой ступени равно четырем (преобладают трехкомпонентные СЦ, в которых префиксальные адъективы первой ступени деривации выступают мотивирующими для субстантивных или адвербиальных производных с отвлеченным значением), с наречиями на первой ступени – трем (в данных СЦ на второй ступени возможны только префиксальные адвербиальные дериваты).

Во всех деадъективных полинарных СЦ, за исключением СЦ с производными наречиями на первой ступени деривации, отмечается большое число производных имен существительных. Кроме того, в полинарных СЦ с субстантивными производными на первой ступени частотны производные имена прилагательные, а производные наречия практически отсутствуют. В СЦ с глаголами на первой ступени регулярно образуются глаголы, менее регулярно – имена прилагательные, в СЦ с адъективными производными на первой ступени деривации активны адвербиальные образования, а производные глаголы и прилагательные единичны.

Практически все СЦ в анализируемых СГ являются гетерогенными (около 90 % всех СЦ), линейными (примерно 78 % всех СЦ).

Библиографические ссылки

1. Тихонов АН. Проблемы изучения комплексных единиц системы словообразования. В: Тихонов АН, редактор. *Актуальные проблемы русского словообразования*. Ташкент: Укитувчи; 1982. с. 3–13.
2. Тихонов АН. Основные понятия русского словообразования. В: Тихонов АН. *Словообразовательный словарь русского языка. Том 1*. 2-е издание. Москва: Русский язык; 1990. с. 18–51.
3. Тихонов АН. Словообразовательная мотивированность однокоренных слов. В: Лыков АГ, редактор. *Русская словообразовательная синтагматика и парадигматика*. Краснодар: Кубанский государственный университет; 1991. с. 110–121.
4. Земская ЕА. О комплексных единицах системы синхронного словообразования. В: Тихонов АН, редактор. *Актуальные проблемы русского словообразования. Тезисы докладов III Республиканской научной конференции; 21–23 сентября 1978 г.; г. Ташкент, Узбекистан*. Ташкент: Укитувчи; 1978. с. 29–35.
5. Шведова НЮ, Арутюнова НД, Бондарко АВ, Иванов ВВ, Лопатин ВВ, Улуханов ИС, Филин ФП, редакторы. *Русская грамматика. Том 1. Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология*. Москва: Наука; 1980. 789 с.
6. Ермакова ОП. Словообразовательная цепь в семантическом аспекте. В: Тихонов АН, редактор. *Актуальные проблемы русского словообразования*. Ташкент: Укитувчи; 1982. с. 39–41.
7. Ширшов ИА. Словообразовательная цепь и явление полимотивированности. В: Тихонов АН, редактор. *Актуальные проблемы русского словообразования*. Ташкент: Укитувчи; 1982. с. 91–95.
8. Тихонов СА. Словообразовательная цепочка как перспективная единица описания словообразовательной системы современного русского языка. В: Караулов ЮН, редактор. *Русистика глазами молодых: современный русский язык*. Москва: [б. и.]; 1987. с. 54–56.
9. Улуханов ИС. *Единицы словообразовательной системы русского языка и их лексическая реализация*. Москва: Институт русского языка и культуры имени В. В. Виноградова Российской академии наук; 1996. 221 с.

References

1. Tikhonov AN. [Problems of studying complex units of the word formation system]. In: Tikhonov AN, editor. *Aktual'nye problemy russkogo slovoobrazovaniya* [Actual problems of Russian word formation]. Tashkent: Ukituvchi; 1982. p. 3–13. Russian.
2. Tikhonov AN. [Basic concepts of Russian word formation]. In: Tikhonov AN. *Slovoobrazovatel'nyi slovar' russkogo yazyka. Tom 1* [Word forming dictionary of the Russian language. Volume 1]. 2nd edition. Moscow: Russkii yazyk; 1990. p. 18–51. Russian.
3. Tikhonov AN. [Word formation motivation of the same root words]. In: Lykov AG, editor. *Russkaya slovoobrazovatel'naya sintagmatika i paradigmatica* [Russian word formation syntagmatics and paradigmatics]. Krasnodar: Kuban State University; 1991. p. 110–121. Russian.
4. Zemskaya EA. [About complex units of the system of synchronous word formation]. In: Tikhonov AN, editor. *Aktual'nye problemy russkogo slovoobrazovaniya. Tezisy dokladov III Respublikanskoi nauchnoi konferentsii; 21–23 sentyabrya 1978 g; g. Tashkent, Uzbekistan* [Actual problems of Russian word formation. Abstracts of reports of the III Republican scientific conference; 1978 September 21–23; Tashkent, Uzbekistan]. Tashkent: Ukituvchi; 1978. p. 29–35. Russian.
5. Shvedova NYu, Arutyunova ND, Bondarko AV, Ivanov VV, Lopatin VV, Ulukhanov IS, Filin FP, editors. *Russkaya grammatika. Tom 1. Fonetika. Fonologiya. Udarenie. Intonatsiya. Slovoobrazovanie. Morfologiya* [Russian grammar. Volume 1. Phonetics. Phonology. Accent. Intonation. Word formation. Morphology]. Moscow: Nauka; 1980. 789 p. Russian.
6. Ermakova OP. [Word formation chain in the semantic aspect]. In: Tikhonov AN, editor. *Aktual'nye problemy russkogo slovoobrazovaniya* [Actual problems of Russian word formation]. Tashkent: Ukituvchi; 1982. p. 39–41. Russian.
7. Shirshov IA. [Word formation chain and the phenomenon of polymotivation]. In: Tikhonov AN, editor. *Aktual'nye problemy russkogo slovoobrazovaniya* [Actual problems of Russian word formation]. Tashkent: Ukituvchi; 1982. p. 91–95. Russian.
8. Tikhonov SA. [Word-formation chain as a promising unit of description of the word formation system of the modern Russian language]. In: Karaulov YuN, editor. *Rusistika glazami molodykh: sovremenniy russkii yazyk* [Russian studies through the eyes of young people: modern Russian language]. Moscow: [s. n.]; 1987. p. 54–56. Russian.
9. Uluchanov IS. *Edinitsy slovoobrazovatel'noi sistemy russkogo yazyka i ikh leksicheskaya realizatsiya* [Russian derivational system units and its lexical realization]. Moscow: Institute of Russian Language and Culture V. V. Vinogradov, Russian Academy of Sciences; 1996. 221 p. Russian.

Статья поступила в редколлегию 20.07.2020.
Received by editorial board 20.07.2020.

О КРИТЕРИЯХ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНЫХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ

Ю. В. НОВОГРАН¹⁾

¹⁾Гродненский государственный университет им. Янки Купалы,
ул. Ожешко, 22, 230023, г. Гродно, Беларусь

Анализируются и уточняются имеющиеся в научной литературе критерии определения интернациональности фразеологических единиц. Актуальность исследования обусловлена недостаточной разработанностью интернациональной фразеологии в лингвистике и, в частности, в германистике, а также в рамках англо-русской и англо-белорусской фразеологической компаративистики. Рассматриваются предложенные различными учеными критерии интернациональности фразеологизмов, раскрывается авторская позиция по данному вопросу. Установлено, что признак совпадения плана выражения у интернациональных фразеологизмов в разных языках выявляется лишь при их заимствовании в исходной форме, в большинстве же случаев распространение интернациональных фразеологизмов осуществляется способом калькирования. Утверждается, что критерий общего источника происхождения интернациональных фразеологизмов является действенным только для заимствованных фразеологизмов. Отмечается, что интернациональные фразеологические единицы могут получать дополнительные значения в национальных языках, демонстрируя тем самым процессы развития фразеологической полисемии. Установлено, что интернациональность фразеологической единицы подтверждается наличием ее как минимум в трех языках трех языковых групп, принадлежащих одной и той же либо разным языковым семьям. Подчеркивается, что отдельные критерии определения интернациональной фразеологии могут быть необязательными. Практическая ценность работы заключается в возможности использования ее положений и выводов, фактического материала при изучении теории компаративистики, составлении переводных словарей и справочных пособий, в практике межкультурного перевода, лингводидактике и лингвострановедении.

Ключевые слова: интернациональный фразеологизм; заимствование; калькирование; критерии интернациональности; форма фразеологизма; фразеологическая семантика; фразеологические источники; языковая группа; языковая семья.

АБ КРЫТЭРЫЯХ ВYZНАЧЭННЯ ІНТЭРНАЦЫЯНАЛЬНЫХ ФРАЗЕАЛАГІЗМАЎ

Ю. В. НАВАГРАН^{1*}

^{1*}Гродзенскі дзяржаўны ўніверсітэт імя Янкі Купалы,
вул. Ажэшка, 22, 230023, г. Гродна, Беларусь

Аналізуюцца і ўдакладняюцца існуючыя ў навуковай літаратуры крытэрыі вызначэння інтэрнацыянальнасці фразеалагічных адзінак. Актуальнасць даследавання абумоўлена недастатковай распрацаванасцю інтэрнацыянальнай фразеалогіі ў лінгвістыцы і, у прыватнасці, у германістыцы, а таксама ў рамках англа-рускай і англа-беларускай фразеалагічнай кампаратывістыкі. Разглядаюцца прапанаваныя рознымі даследчыкамі крытэрыі

Образец цитирования:

Новогран ЮВ. О критериях определения интернациональных фразеологизмов. *Журнал Белорусского государственного университета. Филология*. 2021;1:46–56.

For citation:

Novogran YV. On the criteria for determining international phraseological units. *Journal of the Belarusian State University. Philology*. 2021;1:46–56. Russian.

Автор:

Юлия Викторовна Новогран – аспирантка кафедры белорусской филологии филологического факультета. Научный руководитель – доктор филологических наук, профессор Н. А. Данилович.

Author:

Yulia V. Novogran, postgraduate student at the department of Belarusian philology, faculty of philology.
julia-novogran93@yandex.ru

інтэрнацыянальнасці фразеалагізмаў, раскрываецца аўтарская пазіцыя па гэтым пытанні. Высветлена, што прыкмета супадзення плана выражэння ў інтэрнацыянальных фразеалагізмаў у розных мовах выяўляецца толькі пры іх запазычанні ў зыходнай форме, у большасці ж выпадкаў распаўсюджванне інтэрнацыянальных фразеалагізмаў ажыццяўляецца спосабам калькавання. Сцвярджаецца, што крытэрыі агульнай крыніцы паходжання інтэрнацыянальных фразеалагізмаў з'яўляецца дзейсным толькі для запазычаных фразеалагізмаў. Адзначаецца, што інтэрнацыянальныя фразеалагічныя адзінкі могуць атрымліваць дадатковыя значэнні ў нацыянальных мовах, дэманструючы тым самым працэсы развіцця фразеалагічнай полісеміі. Устаноўлена, што інтэрнацыянальнасць фразеалагічнай адзінкі пацвярджаецца наяўнасцю яе як мінімум у трох мовах трох моўных груп, якія належаць да адной і той жа альбо да розных моўных сямей. Падкрэсліваецца, што асобныя крытэрыі вызначэння інтэрнацыянальнай фразеалогіі могуць быць неабавязковымі. Практычная каштоўнасць працы заключаецца ў магчымасці выкарыстання яе палажэнняў і высноў, фактычнага матэрыялу пры вывучэнні тэорыі кампаратывістыкі, падрыхтоўцы перакладных слоўнікаў і даведчаных дапаможнікаў, у практыцы міжмоўнага перакладу, лінгвадыдактыцы і лінгвакразнаўстве.

Ключавыя словы: інтэрнацыянальны фразеалагізм; запазычанне; калькаванне; крытэрыі інтэрнацыянальнасці; форма фразеалагізма; фразеалагічная семантыка; фразеалагічныя крыніцы; моўная група; моўная сям'я.

ON THE CRITERIA FOR DETERMINING INTERNATIONAL PHRASEOLOGICAL UNITS

Y. V. NOVOGRAN^a

^a*Yanka Kupala State University of Grodno,
22 Ažėška Street, Hrodna 230023, Belarus*

The aim of the article is to analyze and clarify the criteria available in the scientific literature for determining the internationality of phraseological units. The relevance of this research is substantiated, caused by the lack of development of international phraseology in linguistics and in German studies, as well as in the framework of English-Russian and English-Belarusian phraseological comparative studies. The criteria for internationality of phraseological units proposed by various authors are considered, and their own point of view on this issue is expressed. The criterion of the international phraseological units common expression plan in different languages is established to be detected only when borrowed in the original form. In most cases international phraseological units are distributed by the method of calquing. The criterion of the common origins of international phraseological units is argued to be effective only for borrowed phraseological units. International phraseological units are noted to receive additional meanings in national languages, thus demonstrating the processes of development of phraseological polysemy. It is determined that the internationality of a phraseological unit is confirmed by its presence in at least three languages of three language groups belonging to the same or different language families. Some criteria for determining international phraseology are emphasized to be not mandatory. The practical value of the work consists in the possibility to use its results and factual material for the theory of comparative studies, in the preparation of dictionaries and reference books, in the practice of interlingual translation in language teaching and linguistics.

Keywords: international phraseology; borrowing; calculation; criteria for internationality; form of phraseological units; phraseological semantics; phraseological sources; language group; language family.

Введение

В современной лингвистической литературе, посвященной изучению межъязыковых процессов и явлений, отчетливо прослеживается обширная лакуна в изучении закономерностей сближения фразеологии языков мира. Соответственно, исследование интернациональных фразеологизмов в рамках англо-русской и англо-белорусской фразеологической компаративистики также является фрагментарным и заслуживает отдельного внимания. Этим объясняется актуальность темы данной статьи.

В научной литературе интернациональные фразеологизмы называют по-разному: фразеологические интернационализмы [1], международные фразеологические аналоги [2, с. 53], истинные интернационализмы, ареализмы, регионализмы [3, с. 824–825], европеизмы¹, широко распространенные идиомы [4], интерфраземы, интерфразеологизмы [5], международные устойчивые обороты [6, с. 10] и др.

¹*Fojtů P. Frazelogické internacionalizmy v Ruštině : teze. Olomouc : Univerzita Palackého, 2013. 214 s.*

В настоящем исследовании будут использоваться термины «интернациональный фразеологизм», «интернациональная фразеологическая единица», «фразеологический интернационализм».

Как отмечал Э. М. Солодухо, «при наличии солидной истории изучения интернациональной лексики вопросам фразеологической интернационализации не уделяется должного внимания» [1, с. 5]. По настоящее время в лингвистике нет четкого понимания того, какие фразеологизмы следует считать интернациональными. Многие исследователи (Э. М. Солодухо, И. Я. Лепешев, Н. А. Данилович, Ю. П. Солодуб, Т. М. Шихова, С. Б. Берлизон, П. Фойту, В. М. Мокиенко, Л. И. Степанова и др.) выдвигают различные критерии определения интернациональности фразеологизмов, иногда даже противоречащие друг другу.

Чаще всего лингвисты ограничиваются лишь неконкретными формулировками, указывающими на общность происхождения фразеологизма и присутствие его в нескольких языках. Так, по мнению Л. М. Шиховой, интернациональная фразеологическая единица принадлежит «к общезтимологическому фонду ряда языков, близких по происхождению или сходных по своему историческому развитию» [7, с. 25].

Некоторые исследователи к интернациональным фразеологизмам причисляют устойчивые словосочетания, имеющие тождественный или сходный компонентный состав. Так, Л. А. Нефедова в исследовании фразеологических заимствований в журналистском дискурсе немецкого языка, а также в русском языке, крайне ограничивает состав интернациональных фразеологизмов, исключая из их числа кальки и оставляя только заимствования из одного языка-источника, употребляемые в исходной форме [5, р. 132].

И. Я. Лепешев в исследовании по белорусской фразеологии указывает, что очень многие кальки и полукальки – интернациональные фразеологизмы и они отличаются друг от друга только звучанием и компонентным составом. При этом автор говорит, что для родственных языков свойство разницы в звучании нерелевантно [8, с. 31]. Такого же мнения придерживается Н. А. Данилович, который относит к интернациональным фразеологизмам устойчивые сочетания, одинаковые или близкие по своей лексико-грамматической и семантической структуре [9, с. 124].

Таким образом, целью данной статьи является анализ имеющихся в современной лингвистической литературе критериев интернациональности фразеологических единиц. Необходимо рассмотреть различные подходы к этому вопросу и сделать выводы относительно полноты и целесообразности тех или иных определений.

Результаты и их обсуждение

Анализ отечественных и зарубежных научных источников показывает, что лингвистами предлагается в общей сложности от двух до четырех критериев интернациональности фразеологизмов. Рассмотрим каждый из них в отдельности.

Первый критерий связан с внешней формой фразеологизма, его звучанием и написанием. Материальной узнаваемостью интернационального фразеологизма является подобие его формы в различных языках. Этот признак ученые называют по-разному: одинаковый план выражения [10, с. 14], значительная близость облика [11, с. 287], полное фонографическое сходство [1, с. 25], одинаковый компонентный состав [1, с. 31], одинаковая или близкая лексико-грамматическая структура [9, с. 109].

Принято считать, что фразеологические единицы могут становиться интернациональными в результате фразеологического заимствования. При этом подходы ученых к причислению фразеологических заимствований к интернациональному фонду разнятся.

Например, А. М. Бабкин к интернациональным относит только фразеологические заимствования без перевода, такие как лат. *emento mori* (букв. ‘помни о смерти’) ‘1. Мысль, напоминание о неизбежности смерти. 2. Эмблема смерти’; лат. *habeas corpus* (букв. ‘ты должен иметь тело’) ‘1. Право располагать собой; право неприкосновенности. 2. Основной, самый важный закон’; лат. *rara avis* (букв. ‘редкая птица’) ‘то, что встречается исключительно редко’; лат. *experimentum in corpore (anima) vili* (букв. ‘эксперимент в теле (душе) дешевый’) ‘опыт, предпринимаемый по отношению к таким лицам, с которыми не склонны особо церемониться’; англ. *common law* (букв. ‘общий закон’) ‘неписанный закон; обычай’; фр. *bibliothèque renversée* (букв. ‘живая библиотека’) ‘большой знаток текстов; начетчик’; фр. *mise en scene* (букв. ‘установка на сцене’) ‘внешняя (театральная; эффектная) сторона чего-л.’; нем. *Da ist (liegt) der Hund begraben!* (букв. ‘Здесь собака зарыта!’) ‘в этом суть дела’; итал. *mezzo voce* (букв. ‘половина голоса’) ‘вполголоса (выговаривать, распекают и т. п.)’ [12].

Как видим, фразеологизмы, заимствованные в исходной форме, характеризуются совпадением звучания и транслитерации. И все же, по утверждению ученого, на данные фразеологизмы «налагает отпечаток тот язык, который их усвоил» [12, с. 3]. Они становятся достоянием национальных языков, «приобретая способность грамматического сочетания с контекстом и семантико-стилистические особенности» [2, с. 54]. А. М. Бабкин не исключает факт возникновения транслитерированного варианта

фразеологизма либо его кальки в языке-реципиенте с течением времени. Исследователь приводит русские варианты для многих фразеологических заимствований из латинского языка и некоторых выражений из других языков, однако замечает, что фразеологизмы «международного запаса хотя и ассимилируются заимствующими языками, но сам процесс ассимиляции протекает не так свободно, как при заимствовании иноязычного слова или выражения» [12, с. 3].

Подобно А. М. Бабкину, Н. М. Шанский к фразеологическим заимствованиям в русском языке относит фразеологизмы, без перевода заимствованные, во-первых, из старославянского языка, во-вторых, из западноевропейских языков [13, с. 109]. В качестве примера заимствований из старославянского приводятся фразеологизмы *соль земли* и *исчадие ада*, а *alma mater* (букв. ‘кормящая мать’) ‘университет’ и *modus vivendi* ‘образ жизни’ автор причисляет к заимствованиям без перевода из латинского языка.

Иной точки зрения придерживается Ш. Балли, утверждая, что фразеологизмы «переходят из одного языка в другой почти всегда в виде кальки» [14, с. 70]. К этому склоняется и большинство ученых, считая, что фразеологическое заимствование без перевода составляет всего лишь незначительный процент в интернациональном фразеологическом фонде. Как показывает обзор исследований Э. М. Солодухо, Ю. П. Солодуба, С. Б. Берлизон, И. Я. Лепешева, фразеологизмы, ставшие интернациональными, намного чаще заимствуются из других источников и языков в виде калек либо полукалек.

Относительно высокой отождествляемостью отличаются фразеологические полукальки, характеризующиеся той или иной степенью материального сходства, в которых одна часть калькирована, а другая заимствована без перевода [15, с. 104], например: нем. *Brüderschaft trinken* (букв. ‘брудершафт пить’) – рус. *пить на брудершафт*; фр. *se mettre en rage* (букв. ‘становиться в раж’) – рус. *войти в раж*.

Э. М. Солодухо считает фразеологическое калькирование наиболее продуктивным способом пополнения состава интернациональной фразеологии [1, с. 147]. Под фразеологическими кальками лингвист, как и многие другие ученые [13, с. 116; 15, с. 102; 16, с. 241; 17, с. 142], понимает «точную или измененную передачу лексического состава, грамматической структуры и значений иноязычных фразеологизмов средствами заимствующего языка» [1, с. 136].

Кальки в пределах языка-реципиента с течением времени претерпевают различные самостоятельные преобразования. Как отмечает Э. М. Солодухо, тенденция к автономному развитию фразеологических калек «может вызывать значительные формальные и семантические перестройки», в процессе ассимиляции фразеологическая калька способна существенно изменить диапазон сочетаемости. Таким образом, по мнению ученого, образуется новая фразеологическая единица. В качестве примера приводится русская фразеологическая калька *до корней волос* французского фразеологизма *jusqu'à la racine des cheveux*. Первоначально она использовалась в значении ‘сильно, целиком, полностью’ и сочеталась не только с глаголом *краснеть*, но и с другими глаголами, впоследствии – только с глаголами *покраснеть*, *вспыхнуть* в значении ‘испытывать, чувствовать стыд’ [1, с. 137].

Также Э. М. Солодухо признает «параллелизм в развитии сочетательных способностей фразеологических калек», способствующий расширению интернационального фразеологического фонда. Например, латинское выражение *ad calendes graecas* (букв. ‘до греческих календ’) является источником калькирования для следующих фразеологизмов: рус. *до греческих календ* – англ. *at (on) the Greek Kalends* (букв. ‘в (на) греческих календах’) – фр. *au calendes gresques* (букв. ‘до греческих календ’) – итал. *para las calendas greche* (букв. ‘до греческих календ’) – исп. *para las calendas griegas* (букв. ‘до греческих календ’) – рум. *la calendele grecești* (букв. ‘до греческих календ’). Все указанные кальки расширили свои сочетательные способности, вследствие чего возникли новые фразеологизмы, которые также стали интернациональными: рус. *откладывать до греческих календ* – англ. *put off to the Greek Kalends* (букв. ‘откладывать к греческим календам’) – фр. *ajourner (remettre, renvoyer) au calendes gresques* (букв. ‘откладывать (откладывать, отсылать) до греческих календ’) – итал. *rimandare (mandare) alle calende greche* (букв. ‘откладывать (отправлять) до греческих календ’) – рум. *a amîna na la calendele grecești* (букв. ‘откладывать до греческих календ’) – исп. *dejar (apartar) para las calendas griegas* (букв. ‘оставить (отложить) до греческих календ’).

По мнению Э. М. Солодухо, «наиболее интенсивное и относительно легкое укоренение фразеологических калек наблюдается при билингвизме» [1, с. 138]. Для структурно близких родственных языков характерно точное калькирование, не сопровождаемое значительными нарушениями норм заимствующих языков.

Ю. П. Солодуб в качестве примера интернационального фразеологизма со сходным планом выражения приводит русский фразеологизм *не видеть дальше своего <собственного> носа* ‘быть исключительно недальновидным, ограниченным, не способным выйти за рамки узких собственных интересов’, присутствующий в 17 языках: укр. *бачити не далі свого <власного> носа* – бел. *не бачыць далей свайго носа* – пол. *nie widzieć dalej swego nosa* (букв. ‘не видеть дальше своего носа’) – чеш. *nevidíet' sie dal*

než špičku nosa (букв. ‘не видеть дальше кончика носа’) – англ. *not see an inch before (beyond) one’s nose* (букв. ‘не видеть и дюйма дальше своего носа’) – тур. *burnunun ötesini görmemek* (букв. ‘не видеть дальше носа’) – исп. *no ver más allá de sus narices* (букв. ‘не видеть дальше своего носа’) – венг. *nem latni tovabb az orranal* (букв. ‘не видеть дальше носа’) и т. д. [10, с. 220–221].

В следующих примерах наблюдается приблизительное, неполное сходство компонентов, имеются лексические и грамматические расхождения: добавление компонентов *an inch* (букв. ‘дюйм’) в англ. *not see an inch before (beyond) one’s nose* (букв. ‘не видеть и дюйма дальше своего носа’) и *špičku* (букв. ‘кончика’) в чеш. *nevidiet’sie dal než špičku nosa* (букв. ‘не видеть дальше кончика носа’); наличие факультативного компонента в рус. *не видеть дальше своего <собственного> носа* и укр. *бачити не далі свого <власного> носа*; опущение компонентов в венг. *nem latni tovabb az orranal* (букв. ‘не видеть дальше носа’) и тур. *burnunun ötesini görmemek* (букв. ‘не видеть дальше носа’). Грамматическое оформление таких фразеологических единиц зависит от структуры языка [10, с. 14].

Таким образом, по мнению ученых, калькированные интернациональные фразеологизмы претерпевают различные изменения в национальных языках. Более того, определение интернациональности фразеологизмов может быть затруднено вследствие полных формальных расхождений. Как показывает проанализированный материал, главной причиной таких расхождений является неодинаковая продуктивность лексем в образовании фразеологизмов. При сильных системных расхождениях языков для определения интернациональности фразеологизма необходимо использовать дополнительные критерии, которые будут описаны ниже.

Результаты анализа позволяют считать более обоснованной точку зрения, согласно которой состав интернационального фразеологического фонда не может сужаться только лишь до фразеологических заимствований без перевода. Ограниченность функционирования таких заимствований вызвана сложностью ассимиляции фразеологизмов, пришедших в другой язык в исконной иноязычной форме. В частности, значительно менее продуктивным является заимствование фразеологических англицизмов славянскими языками из-за того, что их алфавиты отличаются. Многие латинизмы и французские фразеологизмы укоренились, например, в русском языке в связи с определенными историческими событиями, однако в итоге они были калькированы и в иноязычной форме больше не употребляются.

Таким образом, к интернациональным фразеологизмам можно отнести как фразеологические кальки и полукальки, так и заимствования без перевода. Фонографическое сходство при этом будет зависеть от специфики принимающего языка. Следовательно, критерий подобия формы интернациональных фразеологизмов логичнее рассматривать с точки зрения лексических, грамматических и фонетических особенностей языка-реципиента. Полное совпадение плана выражения у интернациональных фразеологизмов выявляется крайне редко, только при заимствовании в исходной форме без перевода, в связи с чем можно говорить лишь о приблизительном подобии внешней формы.

Второй критерий затрагивает источники возникновения фразеологизма. Мнения ученых по данному вопросу расходятся. Одни лингвисты считают обязательным условием причисления фразеологизмов к интернациональному фонду наличие у них общего источника. Так, Т. М. Шихова утверждает, что при тождестве значения, структуры и внутренней формы проблема принадлежности фразеологических единиц к интернациональным «может быть решена с учетом наличия или отсутствия общности источника происхождения фразеологической единицы» [7, с. 12].

Фразеологизмы, имеющие единый источник, называются «истинными» [3, с. 824], «генетически схожими» [18; 19], «возникшими по лингвомиграционной линии» [1, с. 105] интернационализмами.

К общим источникам фразеологизмов относят Библию, мифологию, легенды, исторические факты, произведения литературы либо определенный язык (латынь, греческий, английский и др.) [3, с. 824; 6, с. 26; 19, с. 17].

Лингвисты, поддерживающие идею о необходимости единства источников у интернациональных фразеологизмов, сводят процесс интернационализации только к заимствованию. Например, Я. Складана допускает возможность возникновения одинаковых или подобных фразеологизмов независимо друг от друга в разных языках в силу схожей «реакции человека на импульсы окружения, на одинаковые или подобные природные условия, климатические условия», однако интернациональными их не считает [3, с. 825].

Вместе с тем многие ученые полагают, что интернациональными могут быть и самостоятельно возникшие фразеологизмы. Критерий единства источника, по их мнению, значительно снижает объем интернационального фразеологического фонда² [1; 18; 19], неоправданно «исключает из интернациональной фразеологии наличие сходных фразеологизмов, возникающих в языках независимо друг от друга»³.

²Fojtů P. Frazеologické internacionalizmy v Ruštině. Olomouc, 2013.

³Ibid.

Их называют «самостоятельно возникшие» [1, с. 130; 6, с. 13], «типологически схожие» [18; 19], «близкие» [3, с. 824] интернационализмы, «интернациональные ареализмы», «регионализмы» [3, с. 824].

Э. М. Солодухо считает самостоятельное возникновение фразеологизмов в разных языках «одним из основных путей становления интернациональной фразеологии». Такие фразеологизмы, по мнению ученого, появляются на основе как реальных, логичных, так и воображаемых, нереальных, алогичных отношений, ситуаций, событий вследствие «определенных лингвистических и экстралингвистических универсалий человеческого существования» [1, с. 105]. В качестве примеров Э. М. Солодухо приводит фразеологизмы, возникшие в разных языках независимо друг от друга в силу сходных экономических и культурных условий: рус. *работать как лошадь* – чеш. *držet jako kůň* (букв. ‘работать как конь’) – англ. *to work like a horse* (букв. ‘работать как конь’) – нем. *arbeiten wie ein Pferd* (букв. ‘работать как конь’) ‘тяжело работать’; рус. *покупать коша в мешке* – чеш. *kupovat zajíce v pytli* (букв. ‘покупать зайца в мешке’) – нем. *die Katze im Sack kaufen* (букв. ‘кошку в мешке покупать’) – англ. *to buy a pig in a poke* (букв. ‘покупать свинью в мешке’), фр. *acheter chat en poche (sac)* (букв. ‘покупать коша в мешке’) ‘приобретать что-либо, не видя, не зная заранее ничего о качестве приобретаемого’. Ученый также выделяет группу фразеологических интернационализмов, появившихся на основе легенд, библейских сюжетов, но не упоминающихся в самих текстах. Такие фразеологизмы Э. М. Солодухо называет семантическими фразеологическими заимствованиями [1, с. 39], общий источник у которых условный, так как они образованы на базе «мотивировок – стимулов действительности (образов, реалий, ситуаций, событий и т. п.) как достояний иноязычных народов, но без опоры на какую-либо сложившуюся иностранную языковую форму, модель как таковую» [1, с. 140]. В качестве примера ученый приводит следующие выражения: рус. *идти в Каносу* – англ. *go to Canossa* (букв. ‘идти в Каносу’) – нем. *nach Canossa gehen* (букв. ‘в Каносу идти’) – фр. *aller a Canossa* (букв. ‘идти в Каносу’) ‘выразить покорность, поступившись своими принципами и унижившись перед противником’.

Определенная доля самостоятельно возникших фразеологизмов, ставших интернациональными, образовалась как результат взаимодействия народных выражений с библейскими текстами. Об этом свидетельствует различное толкование происхождения отдельных фразеологизмов учеными. Так, Т. М. Шихова предполагает, что русские фразеологизмы *в мгновение ока*, *беречь как зеницу ока*, *бросать жребий*, *бросить камень*, *копать яму* не являются заимствованиями из Евангелия, как принято считать, а возникли самостоятельно, отражая языческое видение мира. Библия, по мнению автора, «лишь способствовала актуализации образных символических сочетаний древнейшего времени» [7, с. 94]. Ученый думает, что «народные истоки» просматриваются и у фразеологизмов рус. *рыть (копать) яму* – бел. *капаць яму* – укр. *копати яму* ‘строить козни, причинять неприятность, вредить’, «употреблявшуюся уже в памятниках XI–XIII вв. в форме *копати яму*, *ров под кем-л.*» ‘подкапываться под кого-л., тайно злоумышлять’ [21, с. 293]. Т. М. Шихова также аргументирует свою точку зрения наличием «богатой вариативности фразеологизма» [7, с. 94] и пословиц: рус. *Кто другому яму роет, сам в нее ввалится; Не рой под людьми яму, сам ввалишься; Не рой другу ямы, сам попадешь*; бел. *Не капай на чалавека яму, сам упадзеш; Хто на другога яму капае, сам часта ў яе ўпадае*; укр. *Сліпий невидючого водив, та оба (обидва) в яму попадали*. Согласно мнению Л. И. Коломиец, данные фразеологические единицы восходят к Евангелию («...слепый если бы слепаго водил, обадва бы в яму впали» (Мф. 15:14)) и ветхозаветным книгам Библии («Кто роет яму, тот упадет в нее» (Притч., 26:27; Еккл. 10:3)) [22, с. 65–73].

Исходя из проведенного анализа, можно заключить, что факт наличия единого источника возникновения фразеологизмов зачислять в ранг одного из основных критериев при определении фразеологических интернационализмов нецелесообразно, поскольку он упрощает состав интернационального фразеологического фонда, выводит за его пределы значительную часть фразеологизмов, ставших общими в разных языках. Такой критерий возможен лишь как дополнительный, лишний раз подтверждающий интернациональность некоторой части фразеологизмов, но не обязательный. К тому же он не подходит для фразеологизмов, ставших интернациональными в результате заимствования, которые утратили особенности языка-донора либо потеряли связь со своими источниками. Учет общего источника важен при исследовании этимологии, заимствования, миграции фразеологизмов.

Третьим критерием интернациональности фразеологизмов является семантический критерий, который разные лингвисты называют тождеством семантики [11, с. 277–278] либо тождеством внутренней формы [1, с. 11], одинаковым планом содержания фразеологизмов [10, с. 14]. Э. М. Солодухо подчеркивает, что «недостаточность или полное отсутствие внешнего совпадения делает семантический анализ основным способом отождествления» [1, с. 12].

Под семантическим критерием понимается совпадение либо схожесть значений фразеологизмов в разных языках. Например, фразеологические единицы: рус. *бить (ударять) по карману* – бел. *біць (удараць) па кішэні* – англ. *hit sb in the wallet (pocketbook)* (букв. ‘ударять по кошельку’) полностью

тождественны в значении ‘причинять убыток, ущерб кому-л.’. Стоит обратить внимание на то, что интернациональные фразеологизмы могут быть полисемантическими. Примером являются многозначные интернациональные фразеологизмы: рус. *в глубине души (сердца)* – бел. *у глыбіні душы* – англ. *in the depths of one's soul (heart)* (букв. ‘в глубине души (сердца)’), имеющие два общих значения: 1) ‘внутренне, втайне’; 2) ‘подсознательно’. Фразеологизмы рус. *в руках кого, чьих, у кого* – бел. *у руках каго, чыіх* – англ. *in one's hands* (букв. ‘в чьих-то руках’) выражают три значения: 1) ‘в зависимом, подвластном положении (быть, находиться и т. п.)’; 2) ‘во владении, в распоряжении, в подчинении кого-л. (быть, находиться и т. п.)’; 3) ‘в наличии, непосредственно у кого-л.’; рус. *играть роль* – бел. *адыгрываць ролю* – англ. *play a role (a part)* (букв. ‘играть роль’) совпадают даже в четырех значениях: 1) ‘иметь то или иное значение’; 2) ‘иметь огромное значение; сильно, заметно влиять, воздействовать на что-л.’; 3) ‘быть, являться кем- или чем-л., выступать в качестве кого- или чего-л.’; 4) ‘притворяться, прикидываться кем- или чем-л., изображать из себя кого- или что-л.’. Таким образом, указанные интернациональные фразеологические параллели семантически тождественны во всех значениях.

Существуют также интернациональные фразеологизмы с семантическим тождеством только в одном из нескольких значений. В качестве примера можно привести следующие фразеологические единицы: рус. *во всяком случае (разе)* ‘1. При любых обстоятельствах. 2. Все-таки, однако.’ – бел. *ва ўсякім (у кожным) выпадку* ‘1. При любых обстоятельствах. 2. Все-таки, однако.’ – англ. *in any case (event)* (букв. ‘в любом случае’) ‘при любых обстоятельствах’. Данные фразеологизмы совпадают в первом значении, в то время как в русском и белорусском языках возник еще один семантический вариант.

Подобным примером являются следующие фразеологизмы: рус. *бездонная бочка* ‘1. шутл. Безграничный источник материальных ценностей. 2. шутл. Человек, который может выпить много спиртного, не пьянея’ – бел. *бяздонная бочка*: ‘1. шутл. Безграничный источник материальных ценностей. 2. шутл. Человек, который может выпить много спиртного, не пьянея’ – англ. *bottomless pit* (букв. ‘бездонный колодец’) ‘1. Бесконечный источник чего-л., обычно неприятностей. 2. Очень голодный человек. 3. Ад, преисподняя’. В данном случае многозначные фразеологизмы соотносятся в двух значениях, а у английского эквивалента появилось еще два дополнительных значения.

Приведенные выше фразеологизмы можно назвать интернациональными, несмотря на некоторые семантические расхождения, потому что у них есть хотя бы одно общее значение, к тому же на их интернациональный характер указывают и другие уже упомянутые критерии. Семантические различия объясняются тем, что в национальных языках семантика фразеологизмов проходит длительный этап развития, что приводит к ее изменениям.

Неоднозначным остается вопрос о том, можно ли относить фразеологические омонимы, существующие более чем в трех группах языков, к интернациональному фонду. Под фразеологическими омонимами нужно понимать фразеологизмы, «аналогичные по лексическому составу и грамматической организации, но имеющие совершенно разные значения вследствие индивидуально-языкового характера осмысления одного и того же образа» [23, с. 296].

Как отмечает Э. М. Солодухо, «материально тождественные интернациональные фразеологические единицы близкородственных языков могут иметь значительные семантические расхождения, нередко ведущие к межъязыковой омонимии» [1, с. 14]. По мнению исследователя, аналогично обстоит дело при отождествлении интернациональной фразеологии, характеризующейся лишь структурно-типологическим сходством. Такие интернационализмы ученый называет формальными и утверждает, что возникновение в языках омонимичных фразеологизмов-интернационализмов «преимущественно имеет закономерный характер и объясняется раздельным или совокупным действием определенных лингвистических и экстралингвистических факторов» [1, с. 102]. В качестве примеров Э. М. Солодухо приводит фразеологизмы англ. *win one's spurs* (букв. ‘победить свои шпоры’) ‘отличаться, добиваться известности, признания и т. п.’ и фр. *gagner les éperons* (букв. ‘победить свои шпоры’) ‘блестяще оправдывать надежды’, основанные на историческом образе, восходящем к «средневековому обычаю жаловать золотыми шпорами молодых людей, отличившихся при посвящении в рыцари» [1, с. 101], который подвергся своеобразному осмыслению в национальных языках. Важно, что данные фразеологизмы сближает наличие понятийного инварианта о достижении успеха. Именно общий понятийный инвариант является критерием причисления фразеологических омонимов к интернациональным. При наличии единой образной основы у значений фразеологизмов с расхождением в семантике существенную роль для определения интернациональности играет потенциальная возможность их семантического сближения.

Исследователь М. В. Мокиенко также считает фразеологические омонимы интернациональными при соблюдении критериев сходства формы [18, с. 28].

Э. М. Солодухо не отрицает и случайное развитие параллелизма форм различных фразеологизмов при полном расхождении их содержания, например: рус. *ставить на карту* ‘подвергать риску,

опасности что-л., обычно надеясь достичь, добиться чего-л.’ и фр. *mettre en carte* (букв. ‘положить в карту’) ‘регистировать (проститутку)’; рус. *матерный язык* ‘непристойная, мерзкая брань’ и англ. *the mother tongue* (букв. ‘матери язык’) ‘родной язык’ [1, с. 101]. Данное утверждение является спорным. Скорее всего, подобные фразеологизмы вряд ли можно назвать интернациональными, поскольку их значения не имеют общего стимула.

Таким образом, согласно третьему критерию, к интернациональным фразеологизмам можно отнести фразеологические единицы, семантически совпадающие полностью или хотя бы в одном значении. Фразеологические омонимы будут считаться интернациональными только при наличии общего образного инварианта значений. При нарушении данного условия фразеологизмы лишаются даже статуса формальной интернациональности.

Четвертый критерий – учет характера и количества языков, в которых функционирует фразеологизм, – выходит за рамки анализа собственно лингвистических свойств фразеологизмов. Данный вопрос интересовал всех, кто в той или иной степени занимался проблемами интернациональной фразеологии, но и на сегодня остается дискуссионным.

Принципиальной является проблема количества языков, в которых функционирует фразеологизм. Большинство лингвистов сходятся во мнении, что интернациональной имеет право считаться та фразеологическая единица, которая присутствует как минимум в трех языках⁴ [7, с. 12; 3, с. 824; 18, с. 56]. Принцип учета трех языков неслучаен: вероятно, он заимствован из лексикологии. При исследовании интернациональной лексики некоторые ученые также полагают, что минимальным количеством языков, свидетельствующим об интернациональности лексемы, являются три языка⁵ [24, с. 72; 25, с. 158].

Не все лингвисты разделяют эту точку зрения. В. В. Акуленко пишет, что интернационализмы встречаются «в четырех или более языках» [2, с. 26]. П. Фойту называет интернациональными такие фразеологические единицы, которые «встречаются в большинстве языков Европы, а их отсутствие в некоторых языках – это только случайная лакунарность»⁶.

Некоторыми учеными высказывается мнение, что свидетельством фразеологической интернациональности выступает «изоглосса, представленная двумя языками» [1, с. 12].

Еще одним спорным вопросом является учет степени родства языков, в состав которых входит интернациональный фразеологизм. Относительно этого можно встретить самые разные взгляды.

Так, одни лингвисты при определении интернациональности фразеологизма вообще не заостряют внимания на степени родства языков. Например, Н. И. Толстой высказывается весьма обтекаемо о «широком распространении фразеологизма» в разных языках, не указывая на степень близости сравниваемых языков [11, с. 277–278]. А. Э. Рыцарева утверждает, что интернациональным фразеологизмам обязательно нужно функционировать в трех «мировых языках»⁷, но не называет, в каких именно.

Вторая точка зрения сводится к тому, что языки, в которых усматривается фразеологический интернационализм, должны быть неродственными. Например, В. В. Акуленко к интернациональным относит фразеологизмы, «относящиеся по меньшей мере к трем семьям» [2, с. 26].

Третье мнение высказывают ученые, считающие интернациональными фразеологизмы, функционирующие в родственных языках. Ряд лингвистов ведут речь об интернациональности единиц только европейских языков, которые являются родственными по генеалогической классификации. Например, П. Фойту проводит исследование на материале интернациональных фразеологизмов многих славянских языков и предполагает во многих фразеологизмах наличие общеевропейского характера, считая возможным включать в интернациональный фонд фразеологизмы только языков Европы⁸. Л. И. Степанова и М. Янковичова также ограничивают ареал принадлежности интернациональных фразеологизмов до «всех или нескольких европейских языков» [19, с. 17; 20, с. 421]. Такую же позицию поддерживает Т. М. Шихова, в основу научной работы которой легли только близкородственные языки (русский, белорусский и украинский), допуская интернациональность фразеологизмов общего фонда языков «индоевропейских народов» [7, с. 67]. В качестве примера автор приводит следующие интернациональные фразеологизмы: рус. *продать свое первородство за чечевичную похлебку* – укр. *продатися за миску сочевиці* – бел. *за сачавічную поліўку* [7, с. 267]. Такие выражения есть также и в других языках мира, например: англ. *sell for a mess of pottage* (букв. ‘продать за чечевичную похлебку’) –

⁴Рыцарева А. Э. Прагмалингвистический аспект интернациональной лексики (на материале английского языка) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04. Волгоград, 2002. С. 23.

⁵Там же. С. 24.

⁶Fojtů P. Frazologické internacionalizmy v Ruštině. Olomouc, 2013.

⁷Рыцарева А. Э. Прагмалингвистический аспект интернациональной лексики (на материале английского языка). С. 24.

⁸Fojtů P. Frazologické internacionalizmy v Ruštině. Olomouc, 2013.

нем. *sein Erstgeburtsrecht für ein Linsengericht verkaufen* (букв. ‘свое право первородства за чечевичную похлебку продать’) – итал. *vendersi per un piatto di lenticchie* (букв. ‘продать себя за тарелку чечевицы’).

Четвертая точка зрения, высказываемая большинством ученых, заключается в том, что языки могут быть как родственными (близкородственными и дальнеродственными), так и неродственными. Например, Э. Пириайнен считает, что интернациональные фразеологизмы являются таковыми при наличии их «в самых разных языках, включая географически отдаленные и генетически неродственные языки» [4, с. 62]. С. Б. Берлизон указывает, что интернациональные фразеологизмы входят в состав языков, принадлежащих к разным ареалам, и такие языки могут быть не только неродственными, но и дальнеродственными [6]. Д. Н. Шмелев также причисляет к интернациональным фразеологизмы, «представленные в различных, причем не в ближайше родственных, языках» [26, с. 265]. Э. М. Солодухо полагает, что к интернациональным допустимо причислять фразеологизмы не только из неродственных и дальнеродственных, но и близкородственных языков [1, с. 45].

Обобщив мнения ученых, можно сделать вывод, что включение в минимальный перечень только близкородственных языков для определения интернациональности фразеологизма представляется недостаточным. Эквивалентные фразеологические единицы могут появляться в трех или более языках одной языковой группы, не выходя за ее пределы. Например, фразеологизм *переливать из пустого в порожнее* присутствует более чем в трех славянских языках: бел. *пераліваць з пустога ў парожняе* – пол. *przelewać z pustego w próżne* (букв. ‘переливать из пустого в порожнее’) – чеш. *z pustého v prázdno prelivati* (букв. ‘из пустого в порожнее переливать’) – болг. *преливам от пусто в празно* (букв. ‘переливать из пустого в порожнее’) и т. д., однако ни в одном языке неславянской группы он не встречается. Поэтому причислять его к интернациональным фразеологизмам нет оснований.

Наиболее убедительным показателем при определении интернациональности фразеологизма является его функционирование в неродственных либо дальнеродственных языках. Примерами фразеологизмов в дальнеродственных языках выступают рус. *синий чулок* – англ. *blue stocking* (букв. ‘синий чулок’) – фр. *bas bleu* (букв. ‘синий чулок’), представленные в трех языках разных групп: славянской, германской и романской. Из английского фразеологизм был калькирован, например, в близкородственный немецкий язык (*blauer Strumpf* (букв. ‘синий чулок’) и дальнеродственные белорусский и чешский языки (*сіняя панчоха*, *modrá punčocha* (букв. ‘синий чулок’)). Фразеологизм *волосы встают дыбом* присутствует не только в дальнеродственных языках, например, англ. *hair stands on end* (букв. ‘волосы стоят на концах’) – фр. *à faire se dresser les cheveux sur la tête* (букв. ‘делать волосы стоящими на голове’), но и в неродственных: фин. *hiukset nousevat pystyyn* (букв. ‘волосы поднятые стоят’) – казах. *шаи тік тұрды* (букв. ‘волосы встали прямо’).

Таким образом, фразеологическая единица считается интернациональной, если она есть как минимум в трех языках трех языковых групп, принадлежащих одной и той же либо разным языковым семьям. Под языковой группой понимается «совокупность родственных языков, составляющих ветвь языковой семьи (например, славянская, романская, германская группы языков)» [27, с. 118]. Так, фразеологизм *посыпать голову (главу) пеплом* является интернациональным, так как присутствует во многих славянских языках: бел. *пасыпаць галаву пеплам* – пол. *posypać głowę popiełem* (букв. ‘посыпать голову пеплом’) – укр. *посипати (присипати) попелом голову (голови)* – чеш. *posypeme hlavou popelem* (букв. ‘посыпать голову пеплом’); в германских: англ. *sprinkle ashes upon one’s head* (букв. ‘посыпать голову (главу) пеплом’) – нем. *sich Asche aufs Haupt streuen* (букв. ‘себе пеплом на голову сыпать’); в романском: итал. *cospargersi il capo di cenere* (букв. ‘посыпать голову пеплом’); в греческом: греч. *κράτῳς ὑπερθε κόριν ἄ. anth* (букв. ‘посыпать голову пеплом’). Другим примером выступает фразеологизм *правая рука*, который присутствует в славянской группе языков: бел. *правая рука* – укр. *права рука*; германской: англ. *right hand (arm)* (букв. ‘правая рука’) – нем. *die rechte Hand* (букв. ‘правая рука’); романской: исп. *mano derecha* (букв. ‘рука правая’); в других языковых семьях, в частности, в уральской: венг. *jobb keze* (букв. ‘правая рука’); тюркской: тур. *sağ kolu* (букв. ‘правая рука’).

Заключение

Таким образом, в определении интернациональности фразеологизма применимо несколько критериев. К обязательным относятся тождество или подобие формы, семантическое сходство хотя бы в одном значении, функционирование как минимум в трех языках трех языковых групп, принадлежащих одной и той же языковой семье либо разным семьям. Нетождественность формы интернациональных фразеологизмов в разных языках является следствием лингвистических и экстралингвистических факторов. Семантические расхождения могут наступать в результате развития фразеологической полисемии и (гораздо реже) омонимии в отдельных национальных языках. Критерий общего источника происхождения фразеологизмов является факультативным, так как интернациональный фонд фразеологизмов не ограничивается лишь кальками и заимствованиями без перевода, а включает также самостоятельно возникшие фразеологизмы.

Библиографические ссылки

1. Солодухо ЭМ. *Проблемы интернационализации фразеологии (на материале языков славянской, германской и романской групп)*. Ахунзянов ЭМ, Бакеева ДХ, редакторы. Казань: Издательство Казанского университета; 1982. 168 с.
2. Акуленко ВВ. *Вопросы интернационализации словарного состава языка*. Федоров АВ, редактор. Харьков: Издательство Харьковского университета; 1972. 215 с.
3. Складана Я. Сопоставление некоторых словацких и русских фразем в диахроническом аспекте. В: Komendová MJ, editor. *Rossica Olomucensia XLIV*. Olomouc: Vydavatelství Univerzity Palackého; 2006. s. 823–826.
4. Piirainen E. «Widespread Idioms in Europe and beyond»: benefits for language worldview? В: Фурашова НВ, редактор. *Универсальное и национальное в языковой картине мира. Материалы III Международной научной конференции; 13–14 октября 2017 г.; Минск, Беларусь*. Минск: Минский государственный лингвистический университет; 2018. с. 12–20.
5. Nefedova LA. On the use of interphraseologisms in the journalistic discourse of German and Russian linguocultures. *Procedia – Social and Behavioral Sciences*; 2014;154:130–137. DOI: 10.1016/j.sbspro.2014.10.124.
6. Берлизон СБ. Международные устойчивые обороты: к вопросу интернациональной фразеологии. В: Ройзензон ЛИ, редактор. *Вопросы фразеологии, стилистики и грамматического строя романо-германских языков*. Самарканд: Самаркандский государственный университет имени А. Навои; 1972. с. 10–28. (Труды Самаркандского государственного университета имени А. Навои; выпуск 222).
7. Шихова ТМ. *Интернациональная фразеология в диахроническом и синхроническом аспектах*. Архангельск: Издательство Поморского государственного университета имени М. В. Ломоносова; 2005. 277 с.
8. Лепешаў ІА. *Фразеалогія сучаснай беларускай мовы*. Мінск: Вышэйшая школа; 1998. 271 с.
9. Даниловіч МА. *Слова і фразеалагізм у беларускай мове*. Гродна: ЮрСаПрынт; 2015. 300 с.
10. Солодуб ЮП. *Современный русский язык: лексика и фразеология*. Москва: Флинта; 1985. 259 с.
11. Толстой НИ. О реконструкции праславянской фразеологии. В: Академия наук СССР. *Славянское языкознание. VII Международный съезд славистов; август 1973 г.; Варшава, Польша. Доклады советской делегации*. Москва: Советский комитет славистов; 1973. с. 272–293.
12. Бабкин АМ, Шендецов ВВ. *Словарь иноязычных выражений и слов, употребляющихся в русском языке без перевода. Том 2*. 2-е издание. Санкт-Петербург: Квотам; 1994. 506 с.
13. Шанский НМ. *Фразеология современного русского языка*. 3-е издание. Москва: Высшая школа; 1985. 160 с.
14. Балли Ш. *Французская стилистика*. Эткинд ЕГ, редактор; Долинина КА, переводчик. 2-е издание. Москва: Эдиториал УРСС; 2001. 392 с.
15. Пустошило ЕП. *Лексикология. Фразеология. Лексикография*. Гродно: Гродненский государственный университет имени Янки Купалы; 2011. 141 с.
16. Кунин АВ. *Курс фразеологии современного английского языка*. 2-е издание. Москва: Высшая школа; 1996. 381 с. Совместно с издательством «Феникс».
17. Реформатский АА. *Введение в языковедение*. 5-е издание. Москва: Аспект Пресс; 2004. 536 с.
18. Мокиенко ВМ. *Образы русской речи. Историко-этимологические и этнолингвистические очерки фразеологии*. Ленинград: Издательство Ленинградского университета; 1986. 280 с.
19. Степанова ЛИ. Динамические процессы в интернациональной фразеологии. В: Vobořil L, editor. *Rossica Olomucensia XLIV (za rok 2007)*. Olomouc: Vydavatelství Univerzity Palackého; 2008. s. 17–21.
20. Янковичова М. Русские фраземы с компонентами-символами и европейский фразеологический фонд. В: *Rossica Olomucensia XL (za rok 2001). 2 část*. Olomouc: Vydavatelství Univerzity Palackého; 2002. s. 421–426.
21. Филин ФП, Богатова ГА, редакторы. *Словарь русского языка XI–XVII вв. Выпуск 7*. Москва: Наука; 1980. 404 с.
22. Коломиец ЛИ. Об истоках фразеологии восточных славян. В: Ройзензон ЛИ, редактор. *Вопросы фразеологии. Выпуск 7*. Самарканд: Самаркандский государственный университет имени А. Навои; 1975. с. 65–73. (Труды Самаркандского государственного университета имени А. Навои. Новая серия; выпуск 277).
23. Дьёрке З. Явление межязыковой русско-венгерской фразеологической омонимии и его отражение в двуязычной фразеологии. *Проблемы истории, филологии, культуры*; 2009;2:293–301.
24. Ярцева ВН. *История английского литературного языка IX–XV вв.* Москва: Наука; 1985. 248 с.
25. Орлова НЛ. Способы преодоления переводческих ошибок интернациональной и псевдоинтернациональной лексики. *Вестник Нижегородского университета имени Н. И. Лобачевского*. 2013;5(2):159–162.
26. Шмелев ДН. *Современный русский язык. Лексика*. Москва: Прогресс; 1977. 335 с.
27. Жукова ИН, Лебедев МГ, Прошина ЗГ, Юзёфович НГ. *Словарь терминов межкультурной коммуникации*. Лебедев МГ, Прошиной ЗГ, редакторы. Москва: Флинта; 2013. 263 с. Совместно с издательством «Наука».

References

1. Soloduho JeM. *Problemy internatsionalizatsii frazeologii (na materiale yazykov slavyanskoi, germanskoi i romanskoi grupp)* [Problems of internationalization of phraseology (based on the material of the Slavic, Germanic, and Romance languages)]. Akhunzyanov EM, Bakeeva DX, editors. Kazan: Izdatel'stvo Kazanskogo universiteta; 1982. 168 p. Russian.
2. Akulenko VV. *Voprosy internatsionalizatsii slovarnogo sostava yazyka*. [Questions of internationalization of the vocabulary of the language]. Fedorov AV, editor. Kharkiv: Izdatel'stvo Khar'kovskogo universiteta; 1972. 215 p. Russian.
3. Skladana Ja. [Comparison of some Slovak and Russian phrases in a diachronic aspect]. Komendová MJ, editor. *Rossica Olomucensia XLIV*. Olomouc: Vydavatelství Univerzity Palackého; 2006. s. 823–826. Russian.
4. Piirainen E. «Widespread Idioms in Europe and beyond»: benefits for language worldview? In: Furashova NV, editor. *Universal'noe i natsional'noe v yazykovoi kartine mira. Materialy III Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii; 13–14 oktyabrya 2017 g.; Minsk, Belarus'* [Universal and national in the language image of the world. Materials of the 3rd International scientific conference; 2017 October 13–14; Minsk, Belarus]. Minsk: Minsk State Linguistic University; 2018. p. 12–20.

5. Nefedova LA. On the use of interphraseologisms in the journalistic discourse of German and Russian linguocultures. *Procedia – Social and Behavioral Sciences*. 2014;154:130–137. DOI: 10.1016/j.sbspro.2014.10.124.
6. Berlizon SB. [International sustainable momentum: the issue of international phraseology]. In: Roizenzon LI, editor. *Voprosy frazeologii, stilistiki i grammaticheskogo stroya romano-germanskikh yazykov* [Questions of phraseology, stylistics and grammatical structure of the Romano-Germanic languages]. Samarkand: A. Navoi Samarkand State University; 1972. p. 10–28. (Proceedings of Samarkand State University after A. Navoi; Issue 222). Russian.
7. Shihova TM. *Internatsional'naya frazeologiya v diakhronicheskom i sinkhronicheskom aspektakh* [International phraseology in diachronic and synchronic aspects]. Arkhangel'sk: Publishing House of Pomor State University named after M. V. Lomonosov; 2005. 277 p. Russian.
8. Lepeshau I. Ya. *Frazeologiya suchasnaj belaruskaj movy* [Phraseology of the modern Belarusian language]. Minsk: Vyshhejskaja shkola; 1998. 271 p. Belarusian.
9. Danilovich MA. *Slova i frazealogizm u belaruskaj move* [The word and phraseological unit in the Belarusian language]. Hrodna: YURSaPrynt; 2015. 300 p. Belarusian.
10. Solodub JuP. *Sovremennyy russkij yazyk: leksika i frazeologiya* [Modern Russian language: lexical units and phraseology]. Moscow: Flinta; 1985. 259 p. Russian.
11. Tolstoj NI. [To the reconstruction of the old Slavic spiritual culture]. In: Academy of Science of the USSR. *Slavyanskoe yazykoznanie. VII Mezhdunarodnyi s'ezd slavistov; avgust 1973 g.; Varshava, Pol'sha. Doklady sovet'skoi delegatsii*. [Slavic linguistics. VII International Congress of Slavists; 1973 August; Warsaw, Poland. Reports of the Soviet delegation.]. Moscow: Sovetskii komitet slavistov; 1973 p. 272–293. Russian.
12. Babkin AM, Shendecov VV. *Slovar' inoyazychnykh vyrazhenii i slov, upotreblayayushchikhsya v russkom yazyke bez perevoda. Tom 2* [Dictionary of foreign language expressions and words, used in Russian without translation. Volume 2]. 2nd edition. Saint Petersburg: Kvotam; 1994. 506 p. Russian.
13. Shanskij NM. *Frazeologiya sovremennogo russkogo yazyka* [Phraseology of the modern Russian language]. 3rd edition. Moscow: Vysshaya shkola; 1985. 160 p. Russian.
14. Bally Ch. *Traité de stylistique Française*. Paris: Georg & cie; 1951. 595 p.
Russian edition: Bally Ch. *Francuzskaya stilistika*. Etkind EG, editor; Dolinina KA, translator. 2nd edition. Moscow: Editorial URSS; 2001. 392 p. Russian.
15. Pustoshilo EP. *Leksikologiya. Frazeologiya. Leksikografiya* [Lexicology. Phraseology. Lexicography]. Hrodna: Yanka Kupala Grodno State University; 2011. 141 p. Russian.
16. Kunin AV. *Kurs frazeologii sovremennogo angliiskogo yazyka* [The course of phraseology of modern English]. 2nd edition. Moscow: Vysshaya shkola; 1996. 381 p. Russian. Co-published by the «Feniks».
17. Reformatskij AA. *Vvedenie v jazykovedenie* [Introduction to linguistics]. 5th edition. Moscow: Aspekt Press; 2004. 536 p. Russian.
18. Mokenko VM. *Obrazy russkoi rechi. Istoriko-etimologicheskie i etnolingvisticheskie ocherki frazeologii* [Images of Russian speech. Historical etymological and ethnolinguistic outlines on phraseology]. Leningrad: Izdatel'stvo Leningradskogo universiteta; 1986. 280 p. Russian.
19. Stepanova LI. [Dynamic processes in international phraseology]. In: Vobořil L, editor. *Rossica Olomucensia XLIV (za rok 2007)*. Olomouc: Vydavatelství Univerzity Palackého; 2008. s. 17–21. Russian.
20. Jankovichova M. [Russian phrasemes with components-symbols and the European phraseological fund]. In: *Rossica Olomucensia XL (za rok 2001). 2 část*. Olomouc: Vydavatelství Univerzity Palackého; 2002. s. 421–426. Russian.
21. Filin FP, Bogatova GA, editors. *Slovar' russkogo yazyka XI–XVII vv. Vypusk 7* [Dictionary of the Russian language of the 11th–18th centuries. Issue 7]. Moscow: Nauka; 1980. 404 p. Russian.
22. Kolomic L. [On the origins of the phraseology of the Eastern Slavs]. In: Roizenzon LI, editor. *Voprosy frazeologii. Vypusk 7* [Questions of phraseology. Issue 7]. Samarkand: A. Navoi Samarkand State University; 1975. p. 65–73. (Proceedings of the Samarkand State University named after A. Navoi. New series; issue 277). Russian.
23. Dyorka Z. Inter-linguistic Russian-Hungarian phraseological homonymy and its reflection in bilingual phraseography. *Problemy istorii, filologii, kul'tury*. 2009;2(24):293–301. Russian.
24. Jarceva VN. *Istoriya angliiskogo literaturnogo yazyka IX–XV vv.* [History of the English literary language 9th–15th centuries]. Moscow: Nauka; 1985. 248 p. Russian.
25. Orlova NL. [Ways to overcome translation errors in international and pseudo-international vocabulary]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta imeni N. I. Lobachevskogo*. 2013;5(2):159–162. Russian.
26. Shmel'ov DN. *Sovremennyy russkij yazyk. Leksika* [Modern Russian language. Lexical units]. Moscow: Progress; 1977. 335 p. Russian.
27. Zhukova IN, Lebed'ko MG, Proshina ZG, Juzefovich NG. *Slovar' terminov mezhkul'turnoi kommunikatsii* [Dictionary of terms of intercultural communication]. Lebed'ko MG, Proshinoy ZG, editors. Moscow: Flinta; 2013. 263 p. Co-published by the «Nauka». Russian.

Статья поступила в редколлегию 30.11.2020.
Received by editorial board 30.11.2020.

ИДЕЯ ИСКЛЮЧИТЕЛЬНОСТИ В ИМИДЖЕВОМ ДИСКУРСЕ МЕДИЙНЫХ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ ХОРЕОГРАФИЧЕСКОГО ИСКУССТВА

Т. В. КОВАЛЬКОВА¹⁾

¹⁾Минский государственный лингвистический университет, ул. Захарова, 21, 220034, г. Минск, Беларусь

В условиях информационного общества управление своим публичным капиталом является неотъемлемым слагаемым профессиональной и личностной успешности субъекта. Рассматривается проблема формирования имиджа персоны в средствах массовой информации. Цель исследования – выявить способы языковой репрезентации идеи исключительности в имиджевом дискурсе медийных представителей хореографического искусства. Дается определение понятию «исключительность» и выявляется роль данной характеристики в структуре персонального имиджа представителей творческих профессий. Устанавливаются и анализируются языковые средства, применяемые имиджируемым субъектом для репрезентации идеи, на основе их классификации определяются векторы реализации идеи исключительности в имиджевом дискурсе представителей хореографического искусства. Утверждается, что медийность личности используется для целенаправленного транслирования в массы конкретной идеи, призванной произвести на целевую аудиторию положительное впечатление о субъекте имиджирования. Методом дискурса-анализа исследуются отрывки интервью с танцорами, представленные в СМИ. Выявляются способы языковой репрезентации идеи исключительности в имиджевом дискурсе медийных представителей хореографического искусства и используемые адресантом языковые средства, придающие его речи выразительность и эмоциональность.

Ключевые слова: исключительность; формирование имиджа; имиджевый дискурс; медийная личность; языковые средства; языковая репрезентация.

ІДЭЯ ВЫКЛЮЧНАСЦІ Ў ІМІДЖАВЫМ ДЫСКУРСЕ МЕДЫЙНЫХ ПРАДСТАЎНІКОЎ ХАРЭАГРАФІЧНАГА МАСТАЦТВА

Т. У. КАВАЛЬКОВА^{1*)}

^{1*)}Мінскі дзяржаўны лінгвістычны ўніверсітэт, вул. Захарава, 21, 220034, г. Мінск, Беларусь

Ва ўмовах інфармацыйнага грамадства кіраванне сваім публічным капіталам з'яўляецца неад'емным складнікам прафесійнай і асобнай паспяховасці суб'екта. Разглядаецца праблема фарміравання іміджу асобы ў сродках масавай інфармацыі. Мэта даследавання – выявіць спосабы моўнай рэпрэзентацыі ідэі выключнасці ў іміджавым дыскурсе медыйных прадстаўнікоў харэаграфічнага мастацтва. Децца вызначэнне паняццю «выключнасць» і акрэсліваецца роля дадзенай характарыстыкі ў структуры персанальнага іміджу прадстаўнікоў творчых прафесій. Выяўляюцца і аналізуюцца моўныя сродкі, якія выкарыстоўваюцца суб'ектам для рэпрэзентацыі ідэі выключнасці, на аснове іх класіфікацыі вызначаюцца вектары рэалізацыі ідэі выключнасці ў іміджавым дыскурсе прадстаўнікоў харэаграфічнага мастацтва. Сцвярджаецца, што медыйнасць асобы выкарыстоўваецца для мэтанакіраванага трансліравання ў масы пэўнай ідэі, якая выкарыстоўваецца для таго, каб выклікаць у мэтавай аўдыторыі станоўчае ўражанне аб суб'екце, імідж якога ствараецца. Метадам дыскурса-аналізу даследуюцца ўрывкі інтэрв'ю з танцорамі,

Образец цитирования:

Ковалькова Т.В. Идея исключительности в имиджевом дискурсе медийных представителей хореографического искусства. *Журнал Белорусского государственного университета. Филология*. 2021;1:57–63.

For citation:

Kovalkova TV. The idea of exclusivity in the image discourse of public representatives of choreographic art. *Journal of the Belarusian State University. Philology*. 2021;1:57–63. Russian.

Автор:

Татьяна Владимировна Ковалькова – аспирантка кафедры речеведения и теории коммуникации. Научный руководитель – доктор филологических наук, профессор Т. В. Поплавская.

Author:

Tatiana V. Kovalkova, postgraduate student at the department of speechology and communication theory.
tatikovalkova@mail.ru

прадстаўлены ў СМІ. Выяўляюцца спосабы моўнай рэпрэзентацыі ідэі выключнасці ў іміджавым дыскурсе медыйных прадстаўнікоў харэаграфічнага мастацтва і моўныя сродкі, якія выкарыстоўваюцца адрасатам і надаюць яго мове выразнасць і эмацыянальнасць.

Ключавыя словы: выключнасць; фарміраванне іміджу; іміджавы дыкурс; медыйная асоба; моўныя сродкі; моўная рэпрэзентацыя.

THE IDEA OF EXCLUSIVITY IN THE IMAGE DISCOURSE OF PUBLIC REPRESENTATIVES OF CHOREOGRAPHIC ART

T. V. KOVALKOVA^a

^aMinsk State Linguistic University, 21 Zacharava Street, Minsk 220034, Belarus

The managing of the subject's public capital is an integral component of professional and personal success in the information society. The article deals with the problem of forming a personal image in the mass media. The purpose of the article is to identify the ways of language representation of the idea of exclusivity in the image discourse of public representatives of choreographic art. The achieving of this goal involves solving the following tasks: to give the definition of exclusivity, to determine the role of this characteristic in the structure of the personal image of representatives of creative professions, to identify and analyze the language means used by the image subject to represent the idea of exclusivity, to determine the vectors of realization of the idea of exclusivity in the image discourse of representatives of choreographic art, based on the classification of identified language means. It is stated that the person uses the publicity to transmit purposefully a certain idea directed to make a positive impression about the subject of image on the target audience. The author applies the method of discourse analysis to study the snippets of interviews with dancers presented in the media. The analysis reveals the ways of language representation of the idea of exclusivity in the image discourse of public representatives of choreographic art and the linguistic means aimed at representing expressiveness and emotionality.

Keywords: exclusivity; image creation; image discourse; public person; language means; language representation.

Введение

В условиях информационного общества управление своим публичным капиталом является неотъемлемым слагаемым профессиональной и личностной успешности субъекта. Особую значимость данное утверждение приобретает для медийных личностей, которые, целенаправленно транслируя через СМИ определенную идею, формируют в общественном сознании нужный персональный образ. Актуальность исследования обусловлена необходимостью грамотного управления публичным капиталом в условиях медиатизации общества.

Тотальная медиатизация общества способствует увеличению интереса филологов к проблеме формирования имиджа в СМИ. В массовых коммуникациях рассматриваются особенности имиджеобразующих текстов в целом [1] и их специфика в различных видах дискурса в частности¹, анализируется роль СМИ в формировании имиджа различных субъектов [2–4], изучаются механизмы конструирования имиджа в СМИ [5]. В центре внимания ученых-лингвистов находятся способы вербализации имиджа отдельных территорий [6–7], организаций [8], персон [9–10] в коммуникативном пространстве СМИ.

Пути анализа языковых ресурсов, используемых для создания имиджа, намечаются в работе О. С. Иссерс, которая изучает проблему формирования имиджа в свете реализации прагматической стратегии самопрезентации [11, с. 193]. В рамках коммуникативно-прагматического направления лингвистики проблема имиджа рассматривается через призму феномена речевого воздействия [12–16]. В данном случае исследуется специфика имиджевых сообщений адресанта, формулируемых с учетом речевой ситуации и коммуникативного намерения говорящего. В русле когнитивного направления языкознания осуществляется попытка смоделировать структуру персонального имиджа, основанную на визуальной, личностной, социальной и символической оценке персонажа². Д. А. Щитовая анализирует формирование имиджа

¹Киуру К. В. Имиджевый медиатекст в политической коммуникации: дискурсный анализ : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.01.10. СПб., 2008. 54 с.

²Лозовский Ю. Г. Языковые средства создания имиджа известной личности: на материале СМИ Приморского края : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01. Владивосток, 2009. 25 с.

посредством вербализации определенного концепта [17], В. В. Лапшина оценивает возможности концептуальной метафоры в качестве средства конструирования имиджа³. В работе О. А. Пономаревой рассматривается вербализация политического имиджа в лингвокультурологическом аспекте⁴. Несмотря на многоплановость изучения проблемы формирования имиджа научным лингвистическим сообществом, проблема вербальной репрезентации различных компонентов имиджевой модели в лингвопрагматическом аспекте остается недостаточно раскрытой.

Цель статьи – выявить способы языковой репрезентации идеи исключительности в имиджевом дискурсе медийных представителей хореографического искусства. Для реализации поставленной цели дается определение понятию «исключительность» и детерминируется роль данной характеристики в структуре персонального имиджа представителей творческих профессий, устанавливаются и анализируются языковые средства, используемые имиджируемым субъектом для репрезентации идеи исключительности, на основе их классификации определяются векторы реализации идеи исключительности в имиджевом дискурсе представителей хореографического искусства.

Материалы и методы исследования

Материалом исследования послужили отрывки бесед с известными людьми из программы «Актуальное интервью», выходившей в эфир на телеканалах «Беларусь 1» и «Беларусь 24», а также интервью, размещенных на сайтах различных изданий. Методом сплошной выборки были выделены речевые фрагменты с коммуникативной функцией создания образа исключительного человека. В качестве основного метода исследования использован дискурс-анализ.

Результаты и их обсуждение

Стремление к формированию индивидуальности является одной из психологических особенностей личности артиста. Наличие этого качества у деятелей искусства содействует повышению уровня их профессионального мастерства, которое неразрывно связано со способностью оригинально передавать идею при помощи художественных образов, преломляя исполняемый репертуар сквозь призму своего уникального внутреннего мира. Например, признанный мастер русского балета А. Я. Ваганова считала, что «процесс подготовки артиста балета должен быть направлен прежде всего на выявление индивидуальности танцовщика, того, что присуще только этому человеку»⁵. Значимость индивидуальности в творческой среде является предпосылкой использования идеи исключительности при создании имиджа медийных представителей творческих профессий.

Согласно утверждению В. Г. Горчаковой, «медийная личность – это человек, часто фигурирующий в средствах массовой информации благодаря своей профессии или социальной роли»⁶. В связи с тем, что СМИ являются эффективным инструментом воздействия на общественность, публичные персоны используют данную особенность медиа для внедрения в массы определенных идей. Целенаправленное управление имидженосителем своим имиджевым пространством позволяет фиксировать в памяти адресата конкретные характеристики, формирующие положительное впечатление об отправителе сообщения. Одной из таких характеристик выступает исключительность.

Под исключительностью подразумевается «особенность, своеобразие, присущие только данному лицу, предмету или явлению»⁷. Для подчеркивания собственной исключительности танцоры стремятся акцентировать свое владение каким-либо знанием или навыком, свойственным ограниченному кругу лиц в силу сложности постижения этого знания или умения:

Н. М. Цискаридзе: *У редакторов, работающих в телевизионных программах, я был как спасительная палочка, потому что им надо было с кем-то из этого жанра поговорить. А людей, которые могут связно сказать несколько фраз, их не существует. Самый большой комплимент в жизни вообще я получил от Леонида Парфенова, который сказал: «Вы единственный человек в моей журналистской карьере, кого я не порезал в течение сорока секунд». Ни один: ни политик, ни артист, ни философ – не смог произнести фразу, чтобы сорок секунд мысль была актуальна»⁸;*

³Лапшина В. В. Метафора как средство конструирования имиджа политика (на материале австрийских печатных СМИ) : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04. М., 2006. 155 с.

⁴Пономарева О. А. Вербализация политического имиджа в российских и американских средствах массовой информации : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19. Волгоград, 2008. 24 с.

⁵Цит. по: Соснина И. Г. Специальные способности артиста балета: природа, структура, диагностика : дис. ... канд. психол. наук : 19.00.01. Пермь, 1997. 155 с.

⁶Горчакова В. Г. Имиджелогия: теория и практика. М. : Юнити-Дана, 2015. 335 с.

⁷Энциклопедический словарь [Электронный ресурс]. URL: <http://niv.ru/doc/dictionary/encyclopedia/fc/slovar-200-39.htm#zag-48594> (дата обращения: 08.09.2020).

⁸Здесь и далее представлены отрывки интервью Н. М. Цискаридзе программе «Актуальное интервью»: Николай Цискаридзе. Интервью [Электронный ресурс]. URL: [youtube.com/watch?v=gpvj8GROsHc](https://www.youtube.com/watch?v=gpvj8GROsHc) (дата обращения: 03.09.2020).

А. Ю. Волочкова: *Шпагат Волочковой, я думаю, скоро уже войдет в Книгу рекордов Гиннесса*⁹.

Исключительность подчеркивается сравнением (я был **как спасительная палочка**), двойным отрицанием (...**Ни один**: ни политик, ни артист, ни философ – **не смог произнести фразу**...) и полисиндетоном (...**Ни один**: **ни политик, ни артист, ни философ**...), наделяющими речь отправителя экспрессивностью и выразительностью. Согласно закону эмоциональности речи¹⁰, данное обстоятельство способствует усилению эмоционального контакта с адресатом, в результате чего последний становится более подверженным оказываемому речевому воздействию.

Наряду с приобретенными навыками не менее важными для людей творческих профессий являются природные задатки. Например, физические данные (выворотность стопы, шаг, подъем, гибкость, прыжок) и психомоторные качества (координация, чувство ритма, музыкальность) абитуриентов выступают критерием отбора будущих танцовщиков балетного училища [18, с. 461]. Указание на одаренность используется артистами для выражения идеи исключительности:

Н. М. Цискаридзе: *Меня Господь Бог одарил таким количеством данных для этой профессии, что мне все было очень легко.*

Одаренность эксплицируется формой глагола *одарить* в переносном значении ‘с избытком наделить какими-либо качествами’¹¹. Характеристика усиливается указательным местоимением *таким* в препозиции к существительному, к которому оно относится (*одарил **таким** количеством*). Идея исключительности реализуется посредством апелляции к религии через определение Бога в качестве субъекта, наделившего персону особыми свойствами (*Господь Бог одарил*). Такой выбор субъекта связан с наивысшей степенью авторитетности Бога в общественном сознании.

Стоит отметить, что если одни артисты балета видят свою исключительность во врожденных способностях и всячески это подчеркивают, то другие, напротив, акцентируют полное отсутствие врожденной склонности к балету и при формировании образа стремятся сделать упор на своих волевых качествах (глагол *выстрадать*, фразеологизм *каждый божий день*), позволивших им достичь профессионального успеха (перифраз *балерина всяя Руси*):

А. Ю. Волочкова: *Свою профессию я выстрадала, придя в балетное училище, не имея абсолютно никаких данных, но став балериной всяя Руси. Я каждый божий день занималась с частным преподавателем, которого мне наняли мои родители*¹².

Противоположные векторы имиджевой концепции исключительности в приведенных примерах могут показаться несколько парадоксальными. Тем не менее они не противоречат друг другу: исключительность имидженосителя подчеркивается обоими способами.

Дистанцирование от представителей своей социальной общности, выраженное ироничным противопоставлением, призвано усилить контраст между артистом в детские годы и его ровесниками:

Н. М. Цискаридзе: *Когда все нормальные дети просили у Мороза машинки и куклы, я умолял родителей сводить меня на «Щелкунчика» в Большой театр или в зоопарк.*

Подобная тактика позволяет продемонстрировать непохожесть артиста на других детей. Об этом качестве свидетельствует указание на нехарактерную для детей раннего возраста увлеченность театральным искусством. Учитывая личность адресанта высказывания, можно сделать вывод о том, что речевыми намерениями коммуникатора в данной ситуации являются намек аудитории на неслучайность выбранной им профессии, акцент на предрасположенности к выступлению на сцене. Семантика глагола *умолять* интенсифицирует образ необычного творческого ребенка.

Тактика дистанцирования также применяется танцором для того, чтобы выделиться из общества артистов балета. Для подчеркивания своей исключительности танцор усиливает факт профессионального признания через указание на большое количество цветов, получаемых им от поклонников, и иронично сочувствует присутствующим при этом коллегам, не отмеченным должным вниманием публики. Эффект достигается употреблением оценочной лексики:

Н. М. Цискаридзе: *На дворе стояла весна и, кроме традиционных роз, я получил неимоверное количество полевых цветов. В один момент мне стало даже стыдно перед коллегами, которые были вынуждены со стороны наблюдать, как меня заваливают букетами.*

Дистанцирование также замечено при противопоставлении адресанта определенной категории лиц женского пола (*неординарный человек – кошелка ‘неухоженная женщина’*):

⁹ Анастасия Волочкова: Мой шпагат пора вносить в Книгу рекордов! // Комсомольская правда в Беларуси [Электронный ресурс]. 2016. URL: <https://www.kp.by/daily/26480.3/3349370/> (дата обращения: 03.09.2020).

¹⁰ Михальская А. К. Русский язык: риторика. 10–11 кл. М.: Дрофа, 2011. 491 с.

¹¹ Толковый словарь русского языка: в 4 т. / под ред. Д. Н. Ушакова [Электронный ресурс]. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ushakov/898594> (дата обращения: 07.09.2020).

¹² Анастасия Волочкова: «Свою профессию я выстрадала, став балериной всяя Руси» // StarHit [Электронный ресурс]. 2020. URL: <https://www.msn.com/ru-ru/entertainment/celebrity/анастасия-волочкова-свою-профессию-я-выстрадала-став-балериной-всяя-руси/ar-BB16JVN4> (дата обращения: 03.09.2020).

А. Ю. Волочкова: *Ну неординарный я человек... Очень легко управлять кошелками, которые никто и ничто, и звать никак*¹³.

Использование жаргона *кошелка* 'женщина, удовлетворяющая свою страсть в извращенной форме'¹⁴ и разговорного фразеологизма, выражающего презрение, усиленного дополнительным неодушевленным отрицательным местоимением (*никто и ничто, и звать никак*), подчеркивает негативное отношение говорящего к предмету высказывания и стремление дистанцироваться от него.

Одним из векторов построения модели персонального имиджа считается вектор «деятельности». «Личность не существует вне деятельности... <...>... О качествах личности мы судим по ее поступкам» [19, с. 95]. Для формирования образа исключительного человека публичные творческие личности отмечают свое нетривиальное поведение:

А. Ю. Волочкова: *Я сфотографировалась у них в теплице. В шубе. У меня все не как у людей. Летом в шубке хожу и мехах, а зимой в купальнике*¹⁵.

На вербальном уровне нетривиальность формализуется при помощи просторечия, выраженного фразеологизмом (*все не как у людей*), и ироничной антитезы (*летом в шубке, зимой в купальнике*).

Необычность в поведении может касаться как настоящего момента, так и планов на будущее. Эта идея подчеркивается просторечием *не светит* (использование данного просторечия противоречит смыслу высказывания, так как, согласно словарному значению, оно применяется только для обозначения положительного явления или состояния, достичь которого не представляется возможным)¹⁶:

А. Ю. Волочкова: *Я надеюсь, что мне пенсия вообще не светит*¹⁷.

Исключительность вербализируется при указании на уникальность фактов биографии персоны через использование порядкового числительного *первый*, качественного прилагательного *единственный* либо сочетания этих слов для достижения наибольшей степени экспрессивности:

Н. М. Цискаридзе: *Учитывая то, что я единственный за всю историю существования российского и советского балета получил все звания и награды в самом юном возрасте...;*

А. Ю. Волочкова: *Я стала первой балериной в мире, которая после ухода из театра создала свой сольный проект в танцевальном искусстве. Просто я была принята в Мариинский театр еще за год до окончания академии русского балета. Это первый и единственный случай в истории Мариинского театра*¹⁸.

Образ исключительного человека формируется посредством акцентуации эксклюзивности предметов, окружающих персону:

А. Ю. Волочкова: *Мне недавно «Майбах» подарили без всякого повода, просто один человек считает, что я этого достойна, сказал: «Ты такая королева, что должна ездить на самой красивой, самой жемчужной, самой лучшей машине»*¹⁹.

Положительные качества люксового автомобиля акцентируются анафорой (*самой красивой, самой жемчужной, самой лучшей машине*) и прилагательными с положительной оценочной семантикой (*красивая, жемчужная, лучшая*). Аллюзия на устойчивое словосочетание *корона с моей головы не упадет* направлена на нивелирование ощущения завышенной самооценки и подтверждение особого «королевского» статуса балерины.

Обозначение архетипической роли королевы также является частью стратегии создания образа исключительного человека:

А. Ю. Волочкова: *А я – балерина всяя Руси! Мои ноги – это ноги всей России*²⁰.

Перифраз *балерина всяя Руси* призван вызывать у адресата ассоциацию с выражением «императрица всяя Руси», что неизбежно вносит в образ имидженосителя характеристики особого статуса личности.

¹³ Я хочу, чтобы моя дочь стала артисткой, потому что актерская профессия для женщины – это самое лучшее // ОТР [Электронный ресурс]. 2017. URL: <https://otr-online.ru/programmy/bolshoe-intervyu/anastasiya-volochkova-26276.html> (дата обращения: 03.09.2020).

¹⁴ Словарь воровского жаргона [Электронный ресурс]. URL: <https://slovar.cc/sleng/vor/2488275.html> (дата обращения: 03.09.2020).

¹⁵ «У меня все не как у людей»: Анастасия Волочкова рассказала, как ей приписали роман с генералом // Teleprogramma.pro [Электронный ресурс]. 2020. URL: <https://teleprogramma.pro/stars/1369953-u-menya-vse-ne-kak-u-lyudey-anastasiya-volochkova-rasskazala-kak-ey-pripisali-u3419/> (дата обращения: 07.09.2020).

¹⁶ Фразеологический словарь русского литературного языка [Электронный ресурс]. М. : Астрель : АСТ, 2008. URL: https://phraseology.academic.ru/11242/Не_светит (дата обращения: 09.09.2020).

¹⁷ Анастасия Волочкова: «Иногда ем макароны прямо из кастрюли!» // Комсомольская правда [Электронный ресурс]. 2016. URL: <https://www.vrn.kp.ru/daily/26568.7/3583736/https://www.vrn.kp.ru/daily/26568.7/3583736/> (дата обращения: 03.09.2020).

¹⁸ Анастасия Волочкова показала архивное фото, сделанное после ее первого сольного концерта // ВокругТВ [Электронный ресурс]. 2020. URL: <https://www.vokrug.tv/article/show/15868712511/> (дата обращения: 03.09.2020).

¹⁹ Анастасии Волочковой подарили Maybach за 10 миллионов // Womanhit.ru [Электронный ресурс]. 2016. URL: <https://www.womanhit.ru/stars/news/2016-07-25-anastasii-volochkovo-podarili-majbah-za10-millionov/> (дата обращения: 03.09.2020).

²⁰ Анастасия Волочкова: «Свою профессию я выстрадала, став балериной всяя Руси» // StarHit [Электронный ресурс]. 2020. URL: <https://www.msn.com/ru-ru/entertainment/celebrity/анастасия-волочкова-свою-профессию-я-выстрадала-став-балериной-всяя-руси/ar-BB16JVN4> (дата обращения: 03.09.2020).

Создание ассоциации персоны с известными исключительными личностями способствует восприятию и ее как исключительной:

Интервьюер: *А к уходу из театра, которому вы отдали большую часть жизни, также спокойно относитесь?*

Н. М. Цискаридзе: *Я не могу оттуда уйти, точно так же, как это не могут сделать Шляпин, Плисецкая, Васильев, Вишневская, потому что мы и есть Большой театр!*

Об исключительности может свидетельствовать обладание свойством, выделяющим человека на фоне остальных. Подчеркивание степени этого свойства при помощи местоимения *столь* и усилительной частицы *даже* выступает признаком нетривиальности:

А. Ю. Волочкова: *Я даже в парандже буду выглядеть **столь** сексуально, что буду будоражить общественность*²¹.

Заключение

Таким образом, языковая репрезентация идеи исключительности в имиджевом дискурсе медийных представителей хореографического искусства осуществляется посредством акцентирования врожденных свойств или приобретенных навыков имиджируемого субъекта, дистанцирования от представителей своей социальной группы, подчеркивания нетривиального поведения (деятельности) персоны и указания на уникальность фактов ее биографии и свойств, акцентуации эксклюзивности личных предметов, обозначения ее архетипической роли и создания ассоциаций с известными исключительными личностями. Перечисленные способы вербального воздействия призваны оказать на адресата сообщения определенное впечатление: сформировать в сознании реципиента образ исключительного субъекта. Этот образ формируется в результате использования адресантом прямых (когда смысл складывается только из значения употребленных слов) и косвенных высказываний (на смысл также влияют компоненты речевой ситуации, например ироничное противопоставление).

Реализации коммуникативного намерения говорящего способствует усиление эмоционального контакта с адресатом. Для повышения степени эмоциональности имиджевого дискурса отправитель сообщения стремится придать своей речи выразительность и экспрессивность. Эта цель достигается при помощи языковых средств: эмоционально-оценочных прилагательных (*неимоверное количество цветов; неординарный человек; красивая, жемчужная, лучшая машина*); двойного отрицания (*ни один не смог произнести фразу*); эмотивных интенсификаторов значения (указательное местоимение *такой* (*одарил таким количеством, ты такая королева*), местоимения степени *столь* (*выглядеть **столь** сексуально*), усилительной частицы *даже* (*ее трудно даже понять, даже в парандже*)); тропов (сравнение: *я был как спасительная палочка*; перифраз: *балерина всяя Руси*); фигур речи (аллюзия: *корона с моей головы не упадет*; анафора: *самой красивой, самой жемчужной, самой лучшей машине*; полисиндетон: *ни политик, ни артист, ни философ*; антитеза: *летом в шубке, зимой в купальнике*); речевых клише (*каждый божий день*); просторечия (*никто и ничто, и звать никак; все не как у людей*); жаргона (*кошелка*).

Библиографические ссылки

1. Мажоров ДМ. Формирование имиджа в СМИ: имиджеобразующие тексты. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 9. Филология. Востоковедение. Журналистика*. 2007;2(2):302–309.
2. Курманина ТС. Роль СМИ в формировании имиджа политических лидеров. *Проблемы современной науки и образования*. 2016;27(69):102–103.
3. Кузьмина СВ. Роль СМИ в формировании имиджа политического деятеля. *Известия Саратовского университета. Новая серия. Социология. Политология*. 2012;2(12):69–72.
4. Сорокина ЕВ, Селентьева ДО, Сурина ВА, Черкасова ЕА. Роль СМИ в формировании положительного имиджа государственного служащего. *Международный журнал гуманитарных и естественных наук*. 2019;4–1:142–145. DOI: 10.24411/2500-1000-2019-10726.
5. Копылова ТР. Умолчание как стратегия в формировании имиджа России в испанских СМИ. *Вестник Челябинского государственного университета. Филология. Искусствоведение*. 2013;21(80):295–299.
6. Ремчукова ЕН, Омельяненко ВА. Языковые средства формирования имиджа России в современной рекламе. *Вестник РУДН. Теория языка. Семиотика. Семантика*. 2017;8(2):341–349.
7. Напалкова ИГ, Курочкина КВ. Исторический и современный персонообраз как элемент символического этнонационального капитала Республики Мордовия (2014–2019 гг.). *Финно-угорский мир*. 2020;12(1):42–61.
8. Шиханов АВ. Формирование имиджа организации: прес-секретарь и телевидение. *Ярославский педагогический вестник*. 2018;3:367–371.
9. Гончарова ЕС. Языковые средства создания имиджа Г. Шрёдера до выборов и в первый год правления. *Вестник МГИМО*. 2015;3:150–156.

²¹ Анастасия Волочкова: «Даже в парандже я буду выглядеть сексуально!» // Горком36 [Электронный ресурс]. 2017. URL: <https://gorcom36.ru/content/anastasiya-volochkova-dazhe-v-parandzhe-ya-budu-vyglyadet-seksualno/> (дата обращения: 03.09.2020).

10. Григорьев ЕВ. Имидж публичного политика в региональных СМИ: количественный анализ. *Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1. Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология*. 2012;3:209–217.
11. Иссерс ОС. *Коммуникативные стратегии и тактики русской речи*. Купина НА, редактор. 5-е издание. Москва: Издательство ЛКИ: 2008; 288 с.
12. Блакар РМ. Язык как инструмент социальной власти (теоретико-эмпирические исследования языка и его использования в социальном контексте). В: Петров ВВ, редактор; Сергеева ВМ, Паршина ПБ, переводчики. *Язык и моделирование социального взаимодействия*. Москва: Прогресс; 1987. с. 88–125.
13. Ван Дейк ТА. *Язык. Познание. Коммуникация*. Благовещенск: БГК имени И. А. Бодуэна де Куртенэ; 2000. 308 с.
14. Стернин ИА. *Основы речевого воздействия*. Воронеж: Истоки; 2012. 178 с.
15. Fairclough N. *Language and power*. 2nd edition. London: Longman; 2001. 226 p.
16. Butler M, Keith G. *Language, power and identity*. London: Hodder & Stoughton Educational; 1999. 96 p.
17. Щитова ДА. Концептуализация средств вооруженной борьбы в речи политических деятелей. *Коммуникативные исследования*. 2014;2:78–88.
18. Силкин ПА. О становлении и развитии критериев по отбору детей для профессионального обучения специальности «хореографическое искусство», квалификация «артист балета». *Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена*. 2008;60:455–462.
19. Богданов ЕН, Зазыкин ВГ. *Психологические основы «Паблик рилейнз»*. 2-е издание. Санкт-Петербург: Питер; 2003. 208 с.

References

1. Mazhorov DM. [Image creation in the media: image texts]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya 9. Filologiya. Vostokovedenie. Zhurnalistska*. 2007;2(2):302–309. Russian.
2. Kurmanina TS. The role of the media in shaping the image of political leaders. *Problems of Modern Science and Education*. 2016;27(69):102–103. Russian.
3. Kuzmina SV. The role of mass media in politician's image forming. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Sociologiya. Politologiya*. 2012;2(12):69–72. Russian.
4. Sorokina EV, Selentieva DO, Surina VA, Cherkasova EA. The role of media in the civil servant's positive image creation. *International Journal of Humanities and Natural Sciences*. 2019;4–1:142–145. Russian. DOI: 10.24411/2500-1000-2019-10726.
5. Kopylova TR. [The silence as a strategy of creation the image of Russia in the Spanish media]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya. Iskusstvovedenie*. 2013;21(80):295–299. Russian.
6. Remchukova EN, Omelianenko VA. Linguistic means of Russia's image making in modern advertising. *RUDN Journal of Language Studies. Semiotics and Semantics*. 2017;8(2):341–349. Russian.
7. Napalkova IG, Kurochkina KV. Historical and modern personality and image as an element of symbolic ethno-national capital of the Republic of Mordovia (2014–2019). *Finno-Ugric World*. 2020;12(1):42–61. Russian.
8. Shikhanov AV. Formation of organization image: a press-secretary and television. *Yaroslavl Pedagogical Bulletin*. 2018;3:367–371. Russian.
9. Goncharova ES. Linguistic means of image development of Gerhard Schroeder in the run up to and after the first year in office. *MGIMO Review of International Relations*. 2015;3:150–156. Russian.
10. Grigoryev EV. Image of the public politician in local mass media: quantitative research. *Vestnik Adygeiskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 1. Regionovedenie: filosofiya, istoriya, sotsiologiya, yurisprudentsiya, politologiya, kul'turologiya*. 2012;3:209–217. Russian.
11. Issers OS. *Kommunikativnye strategii i taktiki russkoi rechi* [Communication strategies and tactics of Russian speech]. Kupina NA, editor. 5th edition. Moscow: Izdatel'stvo LKI; 2008. 288 p. Russian.
12. Blakar RM. Language as a means of social power: theoretical-empirical explorations of language and language use as embedded in a social matrix. In: Mey JL, editor. *Pragmalinguistics: theory and practice. Volume 1*. Paris: Mouton; 1979. p. 131–170. DOI: 10.1515/9783110815689-007.
13. Russian edition: Blakar RM. Yazyk kak instrument sotsial'noi vlasti (teoretiko-empiricheskie issledovaniya yazyka i ego ispol'zovaniya v sotsial'nom kontekste). In: Petrov VV, editor; Sergeeva VM, Parshina PB, translators. *Yazyk i modelirovanie sotsial'nogo vzaimodeistviya*. Moscow: Progress; 1987. p. 88–125.
14. Van Dijk TA. *Yazyk. Poznanie. Kommunikatsiya* [Knowledge. Discourse. Communication]. Blagoveshchensk: BGK imeni I. A. Boduena de Kurtene; 2000. 308 p. Russian.
15. Sternin IA. *Osnovy rechevogo vozdeistviya* [Basics of speech influence]. Voronezh: Istoki; 2012. 178 p. Russian.
16. Fairclough N. *Language and power*. 2nd edition. London: Longman; 2001. 226 p.
17. Butler M, Keith G. *Language, power and identity*. London: Hodder & Stoughton Educational; 1999. 96 p.
17. Shchitova DA. Conceptualization of military means in the politicians's speech. *Communication Studies*. 2014;2:78–88. Russian.
18. Silkin PA. [On the formation and development of criteria for selecting children for professional training in the specialty «Choreographic art», qualification ballet artist]. *Izvestiya Rossiiskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A. I. Gertsena*. 2008;60:455–462. Russian.
19. Bogdanov EN, Zazykin VG. *Psikhologicheskie osnovy «Pablik rileyshnz»* [Psychological foundations «Public relations»]. 2nd edition. Saint Petersburg: Piter; 2003. 208 p. Russian.

Статья поступила в редколлегию 27.11.2020.
Received by editorial board 27.11.2020.

СВОЕОБРАЗИЕ ОНИМИЧЕСКИХ СРЕДСТВ В ДРАМАТУРГИЧЕСКИХ ТЕКСТАХ ТЕАТРА АБСУРДА ДМИТРИЯ ЛИПСКЕРОВА

И. М. ПЕТРАЧКОВА^{1), 2)}

¹⁾Гомельский государственный медицинский университет,
ул. Ланге, 5, 246000, г. Гомель, Беларусь

²⁾Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Исследуется система имен собственных в контексте драматургических произведений новой волны. Рассматривается вся совокупность поэтонимов, функционирующих в пьесах популярного русского драматурга конца XX в. Дмитрия Михайловича Липскерова. Изучаются онимические средства проприального пространства шести его пьес периода 1980–90-х гг. в парадигматическом, прагматическом, квантитативном и семантико-стилистическом аспектах. Выявлены общие закономерности ономастики драматургии постмодернизма. Показана специфика онимических средств, определены типы имен, ономастические классы, модификаты, функции поэтонимов и описаны их семантико-стилистические особенности, обусловленные эпохой создания произведения и избранным Д. М. Липскеровым художественным методом. Раскрыты конкретные ономастические универсалии, характерные для творчества драматурга постмодернизма. Сегодня в литературной ономастике отсутствуют комплексные исследования, связанные с изучением ономастики современной русской драмы, которые бы отражали основные тенденции и направления в его развитии. Произведения же драматургии постоянно обновляются и пополняются: вбирают в себя социально-культурные установки определенного исторического этапа. Разумеется, при выборе онимов для драматургического произведения автор руководствуется сложившимися в обществе мировоззренческими настроениями и стереотипами. Проблема ликвидации имеющихся лакун в освоении сравнительно новых произведений писателей в разных аспектах, в том числе и с точки зрения ономапоэтического анализа, всегда будет актуальна, свежа и интересна для современных филологических наук. Поэтонимосфера русского театра постмодернизма, в том числе и пьес Д. М. Липскерова, также ранее не изучалась, а между тем она занимает особое место и играет важную роль в осмыслении и дальнейшем развитии теоретических основ литературной ономастики. Материалы ономастических изысканий, отраженные в статье, найдут практическое применение в научно-исследовательской и педагогической деятельности литературоведов и лингвистов.

Ключевые слова: онимическое пространство; поэтонимосфера; сема имени; антропоэтоним; онимические средства; модификат; реминисценция.

Образец цитирования:

Петрачкова ИМ. Своеобразие онимических средств в драматургических текстах театра абсурда Дмитрия Липскерова. *Журнал Белорусского государственного университета. Филология*. 2021;1:64–76.

For citation:

Petrachkova IM. The originality of onymic means in the dramatic texts of the theater of the absurd by Dmitry Lipskerov. *Journal of the Belarusian State University. Philology*. 2021;1: 64–76. Russian.

Автор:

Инна Михайловна Петрачкова – кандидат филологических наук, доцент; заведующий кафедрой русского языка как иностранного¹⁾, докторант кафедры русского языка филологического факультета²⁾.

Author:

Inna M. Petrachkova, PhD (philology), docent; head of the department of Russian language as foreign^a and doctoral student at the department of Russian language, faculty of philology^b.
innamihail@mail.ru

СВОЕАСАБЛІВАСЦЬ АНІМІЧНЫХ СРОДКАЎ У ДРАМАТУРГІЧНЫХ ТЭКСТАХ ТЭАТРА АБСУРДУ ДЗМІТРЫЯ ЛІПСКЁРАВА

І. М. ПЕТРАЧКОВА^{1*, 2*}

^{1*}Гомельскі дзяржаўны медыцынскі ўніверсітэт,
вул. Ланге, 5, 246000, г. Гомель, Беларусь

^{2*}Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, пр. Незалежнасці, 4, 220030, г. Мінск, Беларусь

Даследуецца сістэма ўласных імёнаў у кантэксце драматургічных твораў новай хвалі. Разглядаецца ўся сукупнасць паэтонімаў, якія функцыянуюць у п'есах папулярнага рускага драматурга канца XX ст. Дзмітрыя Міхайлавіча Ліпскёрава. Вывучаюцца анімічныя сродкі прапрыяльнай прасторы шасці яго п'ес перыяду 1980–90-х гг. у парадыгматычным, прагматычным, статыстычным і семантыка-стылістычным аспектах. Выяўлены агульныя заканамернасці анамастыкону драматургіі постмадэрнізму. Паказана спецыфіка анімічных сродкаў, вызначаны тыпы імёнаў, анамастычныя класы, мадыфікаты, функцыі паэтонімаў і апісаны іх семантыка-стылістычныя асаблівасці, абумоўленыя эпохай стварэння твора і абраным Д. М. Ліпскёравым мастацкім метадам. Раскрыты канкрэтныя анамастычныя ўніверсаліі, характэрныя для творчасці драматурга постмадэрнізму. Сёння ў літаратурнай анамастыцы адсутнічаюць комплексныя даследаванні, звязаныя з вывучэннем анамастыкону сучаснай рускай драмы, якія б адлюстроўвалі асноўныя тэндэнцыі і напрамкі ў яго развіцці. Творы ж драматургіі пастаянна абнаўляюцца і папаўняюцца: уключаюць у сябе сацыяльна-культурныя ўстаноўкі пэўнага гістарычнага этапу. Зразумела, што пры выбары онімаў для драматургічнага твора аўтар кіруецца светапогляднымі настроямі і стэрэатыпамі, якія склаліся ў грамадстве. Праблема ліквідацыі наяўных лакун у засваенні параўнальна новых твораў пісьменнікаў у розных аспектах, у тым ліку і з пункта гледжання анамапаэтычнага аналізу, заўсёды будзе актуальнай, свежай і цікавай для сучасных філалагічных навук. Паэтонімасфера рускага тэатра постмадэрнізму, у тым ліку і п'ес Д. М. Ліпскёрава, таксама раней не вывучалася, а між тым яна займае асаблівае месца і адыгрывае важную ролю ў асэнсаванні і далейшым развіцці тэарэтычных асноў літаратурнай анамастыкі. Матэрыялы анамастычных пошукаў, адлюстраваныя ў артыкуле, знойдуць практычнае прымяненне ў навукова-даследчай і педагогічнай дзейнасці літаратуразнаўцаў і лінгвістаў.

Ключавыя словы: анімічная прастора; паэтанімасфера; сема імені; антрапаэтонім; анімічныя сродкі; мадыфікат; рэмінісцэнцыя.

THE ORIGINALITY OF ONYMIC MEANS IN THE DRAMATIC TEXTS OF THE THEATER OF THE ABSURD BY DMITRY LIPSKEROV

І. М. PETRACHKOVA^{a, b}

^aGomel State Medical University, 5 Lanhie Street, Homiel 246000, Belarus

^bBelarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

The article is devoted to the study of the proper names system in the context of the dramatic works of the new wave. It examines the whole collection of poetic names that function in the plays of the popular Russian playwright of the late 20th century Dmitry Mikhailovich Lipskerov. The subject of study is the onymic means of the proprietary space of six of his plays during the period 1980–90s, in the paradigmatic, pragmatic, statistical and semantic-stylistic aspects. The study aims at identifying general patterns of the onomasticon of postmodern drama. The main purpose of the work is to determine the specificity of onymic means, the types of names, onomastic classes, modifiers, functions of poetry names and to describe their semantic and stylistic features, due to the era of the creation of the work and the artistic method chosen by the D. M. Lipskerov, as well as to reveal certain onomastic universals characteristic of creativity playwright of postmodernism. Today, in literary onomastics, there are no complex studies related to the study of the onomasticon of modern Russian drama, which would reflect the main trends and directions in its development. The works of drama are constantly updated and replenished: absorb the socio-cultural attitudes that exist in society at a certain historical stage. Of course, when choosing onyms for a dramatic creation, the author is guided by them, relying on the prevailing worldview moods and stereotypes. The gap closure problem in the development of relatively new works of writers in various aspects, including from the point of view of onomapoetic analysis, will always be relevant, fresh and interesting for modern philological sciences. The poetonymosphere of the Russian theater of postmodernism, including the plays of D. M. Lipskerov, has also not been previously studied, but meanwhile it

occupies a special place and plays an important role in understanding the theoretical foundations of literary onomastics and their further development. The materials of onomastic research, reflected in the article, will find practical application in the research and teaching activities of literary scholars and linguists.

Keywords: onymic space; poetonymosphere; sema of proper name; anthroponym; onymic means; modifier; reminiscence.

Введение

Исследование междисциплинарных направлений стало актуальной проблемой современной науки начала XXI в., хотя и ранее различные аспекты межотраслевого взаимодействия привлекали внимание ученых. В процессе исторического развития филологических наук возникла необходимость актуализации целого ряда вопросов, решение которых стало возможным благодаря междисциплинарному синтезу разных областей гуманитарной парадигмы. В междисциплинарных исследованиях наука, как правило, сталкивается с такими сложными системными объектами, которые в отдельных дисциплинах нередко изучаются лишь фрагментарно, ограниченно или односторонне, поэтому эффекты их системности могут быть вообще не обнаружены при узкодисциплинарном подходе, а выявляются только при синтезе фундаментальных и прикладных задач в проблемно ориентированном поиске. Именно междисциплинарные изыскания принадлежат к ряду приоритетных направлений белорусской науки. Литературная ономастика является как раз той отраслью, которая находится на стыке таких смежных дисциплин, как языкознание и литературоведение. Исследования по ономапэтике достаточно значимы и ценны для современной науки, о чем свидетельствуют многочисленные работы белорусских ученых по проблемам поэтонимов. Изучением и теоретическим описанием всего разнообразия ономастических направлений, обобщением и систематизацией трудов белорусских филологов по ономастике занимается основатель витебской ономастической школы профессор А. М. Мезенко, которая рассматривает основные вехи развития и новые значимые направления как белорусских ономастических исследований в целом, так и литературной ономастики в частности [1–4]. Обзор работ по ономастике в художественной литературе, описание этих исследований, а также указатель литературы по ней, составленные А. М. Мезенко, свидетельствуют о неуклонном росте количества проведенных изысканий по ономапэтике. Профессор А. Ф. Рогалев затрагивает проблемы классификации имен и заголовков художественных произведений русской классики XVIII–XIX вв., рассматривает в сопоставительном плане типологию имен литературных и фольклорно-мифологических персонажей, а также компоненты художественной функции онима в русских сказках и литературных произведениях [5; 6]. Изучением ономастической лексики (антропонимов и топонимов), функционирующей в произведениях белорусской поэзии и прозы, занимаются В. В. Шур [7–9] и О. А. Лещинская [10]. И. Э. Ратникова исследовала прецедентные имена собственные, метафорический потенциал онимов [11; 12], Е. Ю. Муратова рассматривала функции мифологических и библейских имен в русской поэзии Серебряного века, а также синергетические возможности поэтонимов [13–15], С. Ф. Бут-Гусаим занималась выявлением национально-культурных особенностей имен в белорусской прозе и изучением жанрообразующей роли антропонимов в исторической прозе [16], А. Н. Деревяго анализировала значимость топонимов и антропонимов в художественных произведениях, их функциональные возможности в контексте русских и белорусских поэтических текстов [17].

Данная статья затрагивает новый материал в изучении литературной ономастики – своеобразие ономастикона современной русской драматургии, выбор которого обусловлен тем или иным творческим методом, избранным художником слова. Имя собственное (далее – ИС) рассматривается с точки зрения углубленного изучения художественного текста (далее – ХТ) как полифункционального феномена, где поэтоним выступает в качестве самостоятельного способа передачи эстетического содержания. Выбор темы связан также с возрастающим интересом в современной лингвистике к языку художественной литературы, в том числе к творчеству современных драматургов, которое является эстетическим образом, лингвокультурным феноменом и ранее в подобном ракурсе не изучалось.

Употребление ИС в ХТ динамично: оно претерпевает изменения в зависимости от выбранной эпохи и литературного направления, поэтому основная задача данного изыскания заключается в выявлении ономастических закономерностей, присущих такому художественному методу, как постмодернизм. Объектом исследования в статье стали пьесы Д. М. Липскерова «Юго-западный ветер», «Семья уродов», «Школа с театральным уклоном», «Белье из Люксембурга», «Река на асфальте», «Елена и Штурман» [18]. Предметом изучения являются все онимические средства проприального пространства вышеназванных пьес в парадигматическом, прагматическом, квантитативном и семантико-стилистическом аспектах.

Работа выполнена с целью определить специфику онимических средств, выявить типы, функции поэтонимов и описать их семантико-стилистические особенности, а также раскрыть отдельно взятые ономастические универсалии, характерные для творчества драматурга постмодернизма.

Материалы и методы

Для определения онимических средств, выявления типов, функций поэтонимов и их особенностей в выбранных произведениях использованы общепринятые в лингвистике и ономастике методы исследования, в том числе метод комплексного анализа текста, структурно-семантический, лингвокультурологический, этимологический, квантитативный и стилистический методы.

Материалом исследования послужили ИС, отобранные путем сплошной выборки из шести пьес Д. М. Липскерова, написанных в конце XX в. Проанализировано более 150 проприальных единиц и их вариантов: всего 154 ИС (125 ядерных, околядерных и периферийных номинаций, а также 29 модификатов антропонимов).

ИС в драматургическом ХТ – это многоплановый полифункциональный языковой феномен, в результате исследования которого происходит постижение языковой личности писателя. Произведения драматургии, в отличие от прозы, не обладают широкими возможностями для обрисовки и характеристики художественного образа, поскольку в отступлениях автор не может рассуждать о личности персонажа, его свойствах, чертах характера. В пьесах драматург с помощью коротких ремарок, реплик других персонажей, передачи обстановки на сцене лишь опосредованно выражает собственное отношение к герою, воплощая свой замысел. В связи с этим достаточно существенное значение имеют ИС, которые автор присваивает действующим лицам. Так, наряду с контекстной семантикой поэтонима, непрерывно преобразующейся и зависящей в основном от степени развернутости контекста, в пьесах весьма значимая роль отводится синергетической семантике онима, совокупному значению поэтонима и его минимальному контексту. Д. М. Липскеров часто мотивирует выбор избранных номинаций, максимально используя их стилистико-семантические и функциональные возможности, поэтому онимические средства у писателя получаются весьма многоплановыми и полифункциональными.

Результаты и их обсуждение

В русском театральном искусстве конца XX в. наблюдается стремление авторов к художественному эксперименту по моделированию условных ситуаций и миров, разработке оригинальных драматургических решений, адекватных переломной эпохе 1980–90-х гг. – периоду общественных и ментальных изменений. Творчество Д. М. Липскерова, с одной стороны, в самом начале опиралось на классическую литературную традицию, с другой – для большинства последующих произведений автора не менее значимым источником драм становятся традиции европейского театра абсурда. Достаточно необычная и сложная структура пьес требует подбора и соответствующих специфических онимических средств, органично вплетающихся в поэтику драматургии постмодернизма и отражающих стилистику художественного метода, в контексте которого автор воплощал современную инновацию русского театра.

По участию в развитии сюжета все проприальное пространство – антропонимикон и фоновые онимы пьес – можно разделить на ядерные, околядерные (сюжетные) и периферийные (внесюжетные) названия [17, с. 53], что обусловлено степенью активности участия ИС в ХТ драматургического произведения. Если учитывать, что ИС – это по преимуществу антропоним, а прочие имена как бы уподобляются или приравняются к ним, то «центральное место в ономастическом пространстве следует закрепить за антропонимами и смежными с ними ономастическими разрядами (теонимами, мифонимами, зоонимами)» [19, с. 12]. Периферийное же положение в онимическом пространстве занимают разряды ИС, которые не находятся в центре сюжета ХТ, называют не всегда четко ограниченные друг от друга материальные объекты, серии идентичных или объединенных общей тематикой либо идеей объектов.

В исследуемых пьесах Д. М. Липскерова насчитывается 58 антропонимов, отраженных в восьми формах номинации, таких как стандартизованное (официальное) название персонажа, в том числе в форме трионимии [20, с. 153], характерной для русскоязычного антропонимикона (фамилия, имя, отчество): *Варган Семен Федорович, Дулин Семен Иванович, Ленин Владимир Ильич* (ЮЗВ); партикулярное (неофициальное) название в двухкомпонентной форме (имя + отчество или имя + фамилия): *Семен Федорович, Семен Варган, Владимир Ильич* (ЮЗВ), *Виктор Трубецкой* (ШТУ), *Тулуз Лотрек* (СУ); название в однокомпонентной (самой частотной) форме (только личное имя или же апеллятив/приложение, имя; отчество (патроним); фамилия либо прозвище / отапеллятивное название – для персонажей без имени): *Семен, Иосиф, Жаклин, Катерина, Тихон, Борис, отец Ермолай, Феликс, Ильич, Дуля, Кольбер, Шопенгауэр, Маркс, Шаляпин, Джоконда, Ленин, Дзержинский, Феликс, Энгельс, Графиня, Девица* (ЮЗВ); *Хатдам, Квазимодо, Александро, Соня, Фокс, Наташа, Эсмеральда, Дурак*

(СУ); *Трубецкой/Виктор/Гаврилов/Хулио, Серж/Родриго/Иван, Мерилин/Мария, Обломов* (ШТУ); *Детройт/Париж, Иван/Сергея, Бельгия, Ганс, Германия, Голландия, Уран, Европа, Люксембург, Бимбо, Ганнибал/полководец Карфагенский* (БЛ); *Ричард, Канифоль* (РА); *Елена, Штурман, Раскольников* (ЕШ).

В художественных текстах 29 модификатов ИС, цель которых заключается в выражении стилистического компонента художественной функции литературного ИС, отражении межличностных отношений между персонажами, а также в передаче писателем своих взглядов, эксплицирующих определенную долю иронии в ХТ. Среди них были обнаружены **гипокористики**: *Ося, Катя* (ЮЗВ); *Саша, Наташа, Соня* (СУ); *Витя, Сережа/Ваня, Алеша* (ШТУ); *Лена* (ЕШ); *Даша* (РА); **квалитативы**, которые представлены де м и н у т и в а м и (*Семенушка, Сенечка, Осечка, Жакуленька, Жаклинушка, Жакушка, Катюша, Катенька* (ЮЗВ), *Сонюшка, Сонечка* (СУ), *Витенька* (ШТУ)); пейотративами (*Оська, Катька* (ЮЗВ), *Сонька, Васька, Наташка* (СУ), *Алешка* (ШТУ)), вокативами (*Катерин* (ЮЗВ), *Вить* (ШТУ)). Присутствие широкого спектра модификатов по отношению к героям пьес (например, даже иноязычный антропоним *Жаклин*, адаптировавшись к русскоязычной вымышленной реальности, имеет свои варианты) передает всю экспрессию отношений между персонажами¹. Количественное использование вышеназванных ИС представлено в таблице.

По способу художественной номинации в ономапоэтической системе пьес Д. М. Липскерова выделяются **индивидуально-авторские антропонимы** – ИС, обладающие определенной степенью семантической и/или стилистической активности, являющиеся результатом индивидуального творчества писателя и выражающие авторские интенции (таких ИС большинство), и **прецедентные номинации** – собственно ономастические узусные имена.

К первой группе относятся контекстуальные поэтонимы – отапельлятивны имена, образованные посредством онимизации, у которых заглавная буква указывает на то, что они возведены в ранг значимых: это абстрагированные именованья, служащие указанием на обобщенного представителя определенных пола или социальной группы, характерные для произведений драматургии и называющие персонажей без имени (*Графиня, Девуца* (ЮЗВ)), а также ИС прозвищного типа (*Канифоль* (РА), *Штурман* (ЕШ) и др.); имена семантически мотивированные, участвующие в создании художественного образа (например, *Дуля/Дулин, Варган, Александро, Дурак, Детройт, Париж, Иван/Сергея* – по отношению к персонажу женского пола; *Жаклин, Хулио, Родриго, Ганс* – эксплицируется национальная принадлежность героя; *Германия, Голландия, Уран, Европа, Люксембург, Бимбо, Ричард* и др.). Ко второй группе относятся имена в общепринятом употреблении, например, имена известных людей, исторических деятелей, героев литературных произведений и др. (*Катерина, Тихон, Борис, Иосиф, Кольбер, Шопенгауэр, Маркс, Шалютин, Джоконда, Ленин Владимир Ильич/Ильич, Дзержинский Феликс, Энгельс, Ирод, Пилат* (ЮЗВ); *Квзимодо, Эсмеральда, Ричард III, Тулуз Лотрек* (СУ); *Обломов, Трубецкой* (ШТУ); *Ганнибал* (БЛ); *Раскольников* (ЕШ); *Ричард* (РА) и др.).

Фоновые онимы могут принадлежать к ядерным, окооядерным номинациям (например, г и д р о н и м ы: *Волга, Сена*; з о о н и м ы: *Пусик/Пусик-сомик, Тузик, Полкан*); прагматоним: *Столичная водка*, порейонимы: затонувший баркас *Виктория* (ЮЗВ), духи *Красная Москва/Москва красная*; з о о н и м: жеребчик *Яков/Яшенька* (ЕШ); у р б а н о н и м: *Кремль* (РА)), а также к периферийным номинациям. В пьесе «Юго-западный ветер» местом действия является дно реки *Волги* (я д е р н ы й г и д р о н и м). В объемной авторской ремарке, предваряющей развитие действия, описывается затонувший баркас со следами человеческой цивилизации, где живут странные обитатели и на борту которого сохранилось полустершееся название *Виктория*, иронично звучащее, так как в переводе «с латинского языка *Victoria* – имя богини победы: *victoria* имеет значение *победа*; ее эпитеты: *visa* – *побеждающая* и *pota* – *владеющая*» [21, с. 268–269].

Но большинство фоновых ИС все же относится к периферийным. Они создают определенный фон, на котором разворачивается действие. Здесь автор прибегает к использованию различных классов номинаций, таких как г и д р о н и м ы (*Амазонка* (ШТУ), *Волга* (ЕШ)); х о р о н и м ы (*Европа* (СУ), *Африка, Арктика* (ШТУ); *Сибирь, Европа, Африка* (БЛ); *Англия* (РА); *Франция* (ЕШ)), п о л и с о н и м ы (*Иерусалим, Детройт* (БЛ)), б и б л е и з м ы (*Бог, Господь, Ирод, Пилат, Христос* (ЮЗВ); *Бог* (СУ, РА, ЕШ, ШТУ)), у р б а н о н и м ы (*Красная площадь, станция «Варган», метрополитен «имя Ленина носит»* (ЮЗВ)); *Останкинская башня, Колизей* (ШТУ)), э р г о н и м ы (*Гидрометцентр, Совнарком, Ост-Индская, Вест-Индская, Левантские монопольные компании* (ЮЗВ)); *заведение мадам Пресняковой, секс-шоу Шекельбаера* (ШТУ)), х р о н о н и м ы (*курс Новейшей истории, Революция* (ЮЗВ); *Бородинская битва, Ватерлоо* (ЕШ)); г е м е р о н и м ы (*газета «Социалистическая индустрия»* (ЮЗВ)), м и ф о н и м (*Циклоп* (ЮЗВ)) и др. В рассматриваемых пьесах насчитывается 67 подобных языковых единиц (см. таблицу). Они выполняют информационно- и эмоционально-стилистическую функции, сообщают информацию

¹Выделенные в данном абзаце термины взяты из [20].

о денотате, причем только нужную для текстового пространства, и одновременно реализуют оценочный компонент, т. е. определенные чувства по отношению к изображаемому. Именно эти онимы содержат в себе яркие идеологические и страноведческие коннотации. Для Д. М. Липскерова характерно присутствие периферийных онимов с советизированной идеологией, что еще раз подтверждает тезис о том, что автор отталкивается от исторического прошлого, сложившихся в советской драматургии традиций, но подходит к этому критически. К периферийным именам относятся не только так называемые «фоновые» онимы, но и, например, прецедентные антропонимы, принадлежащие к в н е с ю ж е т н ы м персонажам, упоминаемым в ХТ (*Ленин Владимир Ильич/Владимир Ильич, Энгельс, Шопенгауэр, Маркс, Шалапин* (ЮЗВ), *Тулуз Лотрек* (СУ), *Ганнибал/полководец Карфагенский* (БЛ) и др.).

Частотность употребления ономастических разрядов в пьесах Д. М. Липскерова

Frequency of onomastic categories used in plays by D. M. Lipskerov

Ономастический разряд	Количество поэтонимов	Количество поэтонимов, % общего числа ИС
Антропонимы	87	56,0
<i>Индивидуально-авторские</i>	38	24,0
<i>Прецедентные имена</i>	20	13,0
Модификаты антропонимов	29	19,0
<i>Гипокористики</i>	10	7,0
<i>Квалитативы:</i>	17	11,0
деминутивы	11	7,0
пейоративы	6	4,0
вокативы	2	1,0
«Фоновые» поэтонимы	67	44,0
Топонимы	30	19,0
<i>Гидронимы</i>	4	3,0
<i>Хоронимы:</i>	26	17,0
имена территорий, областей, районов	6	4,0
административные (названия государств, республик, краев, районов)	12	8,0
полисонимы	2	1,0
урбанонимы	6	4,0
Библеизмы	9	6,0
Мифонимы	1	0,5
Астронимы	1	0,5
Зоонимы	4	3,0
Эргонимы	7	5,0
Гемеронимы	1	0,5
Порейонимы	1	0,5
Прагматонимы	2	1,0
Идеонимы	7	5,0
Хрононимы	4	3,0

Все сюжетные ядерные антропоэтонимы принадлежат к двум классам: **автологически значимым** ИС (*автология* – самословие, т. е. «употребление в поэтическом произведении слов и выражений в их прямом, непосредственном значении» [22, с. 7]) и **металогически значимым поэтонимам** (*металогия* – выходящий за пределы речи, логики, т. е. «употребление в поэтическом произведении слов и выражений в их переносном значении, образном или фигуральном» [22, с. 155]). Антропонимы ХТ условно можно подразделить на четыре группы в зависимости от семантико-функциональных возможностей и степени семантической активности: прямоговорящие, косвенноговорящие, скрытоговорящие, а также прецедентные имена. В свою очередь, вышеназванные группы принадлежат к одному из следующих классов.

К классу **автологически значимых** ИС относятся прямоговорящие ИС (например, такие многочисленные названия, как *Графиня*, *Девушка*, *Дурак*, *Штурман*). Так, оним *Графиня*, присвоенный одной из центральных героинь пьесы, прямо указывает на социальный статус персонажа из прошлого, который носит данный титул (ср. значение апеллатива *графиня* ‘жена или дочь графа’ [23, с. 344], образованного от существительного *граф* ‘дворянский титул в Западной Европе и дореволюционной России (средний между князем и бароном), а также лицо, носящее этот титул’ [23, с. 344]). *Графиня Жаклин де Ронкороль / Графиня* родом из *Франции*, ей уже более трехсот лет. От любовной тоски она бросилась в Сену, а потом брела, брела и в Волгу забрела [18, с. 13], обросла чешуей и влачит жалкое существование с другими обитателями дна, часто вспоминая прежнее время, отличаясь от других персонажей манерностью, внешним видом: *Она в платье, какие носили в XVII веке, с большим воротником, некогда белым и оттенявшим черный бархат, со вставкой из рубинов на груди...* [18, с. 8]. Номинация *Девушка* (ЮЗВ), исходя из художественного контекста и в зависимости от поставленного ударения, может иметь две кардинально разные ассоциации. Отец Ермолай, священник, несомненно, обращается к героине посредством онима *Девушка*, который отождествляется с апеллативом *девушка* ‘устар. то же, что девушка (в 1 значении)’. *Скромная девушка. Молодая девушка. Красная девушка* (в народной словесности, обычно в ласковом обращении)’ [23, с. 375]. Но внешний вид героини (*Девушка почти голая, если не считать шикарного нижнего белья, которое отнюдь не скрывает ее прелестей, скорее подчеркивает* [18, с. 34]) невольно вызывает в сознании ассоциацию со словом *девушка* с семантикой, зафиксированной в ряде современных словарей, как ‘женщина легкого поведения, проститутка, продажная девка, публичная девка, уличная девка, девушка легкого поведения’². На первый взгляд, предстает полуголая *девушка*, которая, скорее всего, является женщиной легкого поведения. Но уже в конце пьесы девушка кратко обмолвилась о своей трагедии: *Позабавились мною и с теплогохода сбросили...* [18, с. 72]. Данная фраза вызывает сочувствие к героине и соотносит значение отапеллативного именованного с денотатом *девушка* в его первоначальном значении. К прямоговорящим именам принадлежит и прозвище *довольно крепкого старика в широких сатиновых штанах и растянутой на спине майке* [18, с. 305] *Штурмана* (ЕШ), которое связано с его профессиональной деятельностью [24, с. 80] (*Я штурманом был... Я курс кораблю прокладывал... Мы грузы ценные перевозили* [18, с. 326]). В пьесе «Семья уродов» один из сиамских близнецов, *олигофрен* [18, с. 91] с тремя ногами, имеет прозвище *Дурак* (ср. *дурак* ‘разг. глупый, тупой человек’ [23, с. 453]). Персонаж безумен, автор отмечает, что у него *большие голубые без единой мысли глаза* [18, с. 91].

К классу **металогически значимых** ИС принадлежат три группы антропонимов: косвенно-говорящие, скрытоговорящие и прецедентные номинации. Следует заметить, что граница между ними весьма условна, поскольку активация сем имени зависит от уровня образованности и эрудиции читателя/зрителя, возникновения в его сознании соответствующих аналогий и ассоциаций. Ряд авторских ИС относятся к группе косвенно-говорящих номинаций (*Дуля/Дулин*, *Варган*, *Канифоль*, *Александр*). Их значимость раскрывается в соответствующих контекстах произведения. Косвенно-говорящее имя не содержит в себе прямой характеристики обозначаемого лица/объекта в отличие от прямоговорящих имен.

В *телогрейке*, *лохматый*, *небритый*, с *наколками на руках* [18, с. 40] *Дуля/Дулин* – преступник и мошенник эпохи 1980-х гг., который был утоплен такими же злоумышленниками и теперь сеет смуту среди обитателей дна Волги. Прозвище *Дуля* в данном ХТ является производным от фамилии персонажа *Дулин* и имеет сниженную семантику, указывает на социальный статус героя, трактуется как производное от денотата *дуля* (прост. ‘кукиш, фи́га: Дулю с маком получишь! ‘ничего не получишь’, ‘ж. разг.-сниж. кукиш, шиш’ [23, с. 452]; ‘фи́га, кукиш; шиш, дуля с маслом, комбинация из трех пальцев, фи́га с маслом, кукиш с маслом’³). *Дуля* убивает *Варгана*, ворует его *золотой запас страны* [18, с. 42], завладевает изобретением Иосифа – ракетой, над которой тот работал долгое время, чтобы спасти всех утопленников и с ее помощью выбраться со дна Волги на поверхность земли. Мошенник покидает это место, оставляя его обитателей ни с чем. Речевая характеристика, высказывания *Дулина* по отношению к другим действующим лицам пьесы отчетливо характеризуют его асоциальность: *Заразы!.. Отпустите, суки!.. всех порешу, гниды!* [18, с. 40]; [*Варгану*]: *А ты кто такой, козел?! Сейчас напишу и скроюсь!.. Где мое перо? <...> Перо, говорю, где?! Ах, суки, ограбили!.. Всех придушу, мрази, голыми руками кончу!..* [18, с. 42]. Персонаж *Семен Варган* в прошлой жизни был чекистом, помощником Ф. Дзержинского. Он должен был перевезти саквояж с драгоценностями, но

²Полный онлайн-словарь синонимов русского языка [Электронный ресурс]. URL: <https://словарь-синонимов.рф> (дата обращения: 24.11.2020).

³Там же.

во время переправы провалился под лед; *на дне* он продолжает охранять *народное добро* и пишет бесконечные воззвания-листовки угнетенным, которые, впрочем, никуда не отправляет. *Варган* все время пытается доказать преимущества большевизма. Косвенноговорящая фамилия героя полифункциональна, т. е. ИС в ХТ имеет несколько пойем (сем имени). «*Пойема* – одна из сем поэтонима; составляющая семантики собственного имени, порождаемая в процессе поэтонимогенеза свойствами художественного произведения» [25, с. 39]. На первый взгляд, оним соотносится с апеллятивом *варгáн* ‘примитивный музыкальный инструмент’ [26, с. 274] и указывает на отжившую свой век идеологию. У Семена Федоровича, действительно, закостенелое мышление, а искренняя вера в коммунизм, большевизм настолько сильна, что даже время не властно изменить убеждения этого человека. В советское время варган считался одним из пережитков прошлого, предметом культа в шаманизме. Очевидно, используя отапеллятивную фамилию, драматург косвенно подчеркивает, что герои с большевистским мировоззрением являются пережитком прошлого, исчезающим историческим феноменом. Еще одна пойема возникает при ассоциации фамилии персонажа с прост. *варганить* ‘делать, изготавливать что-н. (обычно плохо, наспех)’ [27, с. 68]; ‘делать, готовить что-л. наскоро или кое-как’ [23, с. 137] и отражает род его занятий. Семен видит смысл своей жизни в том, чтобы продолжать наспех писать, *варганить* никому не нужные, абсолютно бесполезные листовки угнетенным и выбрасывать их с помощью пушки наверх. Графиня упрекает *Варгана* в бесполезности его занятия и тщетности стараний: *Все пишешь, пишешь... кому нужна твоя писанина! Не долететь снарядам, а долетят – так твои листовки в клозете только и сгодятся!..* [18, с. 24].

Двойственность гермафродита *Александро* из пьесы «Семья уродов» обусловлена его психо-физиологическим состоянием: герой по-женски перевязывает волосы лентой, подчеркивает свою женственность и мужественность обтягивающей одеждой, говорит о себе то в женском, то в мужском роде. Понимая свою сущность, он выражает ее посредством имени. Когда один из персонажей – Фокс – называет его *Сашей*, он незамедлительно исправляет его (*Не Саша, а Александро! С буквой «о» на конце!* [18, с. 101]), тем самым обозначая важность употребления антропонима именно в такой форме, которая максимально содействует самовыражению героя. ...*Думаешь, я не знала, что у меня два сознания? Знала, что я гермафродит. Мне об этом еще все няньки в интернате говорили* [18, с. 125], – искренне признается *Александро*.

В пьесе «Река на асфальте» используется сюжетный (ядерный) антропоним *Канифоль*. Это прозвище девушки, шестнадцатилетней учащейся техникума в *ярко-красном вычурном платье с крупными бусами на обнаженной шее* [18, с. 255] также полифункционально. Драматург почти всегда заостряет внимание читателя/зрителя на выборе антропонима для номинации героя/героини пьесы: *РИЧАРД. ...А твое имя как? КАНИФОЛЬ (сосредоточившись на покраске ногтей). Зови меня просто Канифоль. РИЧАРД. Редкое имя. КАНИФОЛЬ. Это не имя, а прозвище... <...> РИЧАРД. ...А почему Канифоль? КАНИФОЛЬ. А я в детстве в радиокружок ходила. Мне нравилось, как под паяльником канифоль плавится... Сколько я ее тогда извела... Пропать!.. А еще я, когда влюбляюсь, словно канифоль плавлюсь от любви* [18, с. 260–261]. Имя дает многоплановую характеристику героини, указывая на ее увлечение в детстве, несвойственный для девочки интерес к мужскому виду деятельности – посещение занятий в радиокружке, страстность и эмоциональность натуры [24, с. 79–80].

Скрытоговорящие имена (например, *Ричард, Елена, Варган, Соня, Фокс* и др.) используются по аналогии с прямоговорящими и косвенноговорящими поэтонимами. Они характеризуют героев произведения так, что это еще менее заметно читателю/зрителю, поэтому такого рода ИС могут казаться нейтральными, неговорящими. Эффект «скрытости», завуалированной значимости онимов данного типа достигается за счет создания номинации или применения реально существующего ИС (например, фамилии), в основе которого лежит устаревшее, забытое сегодня или малоизвестное, неизвестное широкому кругу читателей диалектное слово либо иноязычная лексема. Так, носитель благородного, имеющего положительную коннотацию (ср. ассоциативную связь онима, которая явственно прослеживается в ХТ, с историческим персонажем, а именно английским королем XII в. *Ричардом I Львиное Сердце* – человеком благородного происхождения [23, с. 80]) скрытоговорящего антропонима *Ричард* (от англ. *Richard*, др.-герм. *ric* – богатый, могучий + *hard* – сильный, твердый; лат. *Ricardus* [21, с. 186]), действительно, из очень состоятельной семьи, об этом свидетельствует обстановка его необычной *большой квартиры без перегородок, разделяющих комнаты... ..Она вся белая. На полу – тяжелый белый ковер с длинным ворсом...* [18, с. 256]. Кроме того, несмотря на свой юный возраст – всего 17 лет – юноша не нуждается в деньгах, что, собственно, и подчеркивает скрытая этимология онима. Так, *Ричард*, чтобы извиниться перед консьержем тетей Дашей, хочет предложить ей «пятерку», дает деньги *Канифоли*, которая расстроилась из-за порванных колготок. Эти и прочие детали художественного контекста достаточно ярко свидетельствуют о финансовой независимости

молодого человека. Личное имя *Елена* (ЕШ) этимологически восходит к греч. *Helene* – солнечная (*hele* – солнечный свет, лат. *Helena* [21, с. 285]) и также обыгрывается в ХТ пьесы. Эта женщина для *Штурмана* была светом, к которому он стремился, в котором видел смысл своей жизни, без нее герой страдал и не находил себе места долгие годы [24, с. 81].

Фамилия *Варган* может быть отнесена и к типу скрытоговорящих поэтонимов. Напомним, что оним полифункционален, к тому же между группами металогически мотивированных ИС нет четких границ. ХТ драмы позволяет отождествить ИС со значением диалектного слова *варга*, восходящего к пермским говорам (варега? карельск.? перм. ‘рот, уста, зев, пасть; кричать во всю варежку, бежать во всю варежку, изо всей мочи, во весь дух; пялить варегу’, вят. ‘орать, зевать, кричать во все горло’ [28, с. 222]), а глаголу *разварганился* синонимичны слова *расшумелся*, *расказакался* [28, с. 222], поскольку персонаж отличается сильным командным голосом. Все его фразы звучат, словно громогласные приказы. *Семен Варган* фактически управляет обществом: командует людьми, оказавшимися на дне реки. Его речь полна императивов: [отцу Ермолаю] *Уйми свой орган!* [18, с. 19]. *Вступайте в партию большевиков! Нам такие люди нужны* [18, с. 41]; *Подумай, Ермолай... Крепко задумайся...* [18, с. 53]; [Иосифу] *Сделай мне сейф в конце-концов!* [18, с. 21]; *Посмотри, что у него в карманах!* [18, с. 22]; [Графине] *Да отстань ты в конце-концов!* <...> *Не посмотрю, что ты графиня, расстреляю за враждебные настроения! Лучшие спи...* [18, с. 24]; *Помоги, что ли, пойдя...* [18, с. 26]; [Обитателям] *Эх, несите граммофон! Ставьте пластинку! Заводите хоровод, веселиться станем!* [18, с. 31] и др. К тому же в костромских говорах глагол *варганить* имеет значение ‘шуметь чем, стучать; работать что-л. со стуком’ [28, с. 222]. Героям необходимо произвести шумный оглушительный выстрел из пушки, чтобы выбросить листовки-воззвания наверх. Даже *фонематическая* сема как составляющая семантики фамилии *Варган* включает в себя четыре звонких согласных звука в сильной позиции ([в], [р], [г], [н]), два из которых являются сонорными, что, безусловно, обеспечивает достаточно четкое, пронзительное, резкое и чеканное звучание поэтонима. В фамилии героя присутствует звуковая характеристика действующего лица. Это явление исследователь В. М. Калинин называет **фоносимволизмом** поэтонима, т. е. это символизм звуковой формы ИС, используемый для усиления его выразительности в художественном произведении [25, с. 41]. Так, поливалентный антропоэтоним *Варган* в ХТ обладает спектром из четырех полей, актуализация которых будет зависеть от возникших в сознании читателя/зрителя ассоциаций, аналогий, степени его образованности и эрудиции.

Один из сямских близнецов *Соня* – весьма талантливая и умная девочка. Она добра и красива. *Лицо Соню можно назвать красивым – прямой нос, глубокие глаза, взметнувшиеся брови...* [18, с. 86]. Но, пожалуй, самое главное заключается в том, что *Соня* может прекрасно сочинять и красиво писать. *Александр* говорит ей следующее: *Я всегда говорила, что у тебя дар. Даже до того, как рассказы твои напечатали в журнале* [18, с. 95]. Личное имя *Соня* как вариант от русского полного *София* (греч. *Sophia* – мудрость, разумность, наука [21, с. 343]) вполне соотносится с ХТ.

На идее подтекста, причем намеренного, предусмотренного авторским замыслом, основаны так называемые прецедентные имена. Автору театра абсурда гораздо интереснее ввести скрытый смысл и своего рода игру с читателем, тем самым обогащая произведение. Этот термин применим ко всем онимам, способным вызывать определенные аналогии, ассоциации в читательском сознании. Учитывая эрудицию и довольно большой багаж знаний современного зрителя, авторы апеллируют ко всему разнообразию возникающих в сознании адресата аналогий, связанных с узнаванием номинации образа литературного произведения либо реального исторического лица [29; 30].

Выводы

Исследовав поэтонимосферу (онимное пространство) [25, с. 40] вышеуказанных произведений, сформулируем ряд общих **ономастических закономерностей** (универсалий), присущих драматургии Д. М. Липскерова.

1. Наблюдается смешение традиционных и «новых» для русской литературы форм номинации героев. И если в начале творческого пути писатель еще использует прием классической трионимии, т. е. персонажи называются полными, часто каноническими именами, то в последующих пьесах наблюдается отказ от употребления подобных форм. Д. М. Липскеров отдает предпочтение упрощенной форме номинации, необходимой для создания неофициальной, доверительной ситуации общения с читателем/зрителем, присущей также и современной западной традиции, называя героев исключительно по именам либо прозвищам, все чаще прибегая к одноименности.

2. Обязательно присутствует **авторская рефлексия**: любая оценка, мнение о поэтониме, выраженное либо средствами авторской речи, либо в речи персонажа ХТ. Драматург фактически всегда стремится прямо или косвенно обосновать выбор ИС. Приверженность классической традиции номинации

героев автор демонстрирует и в употреблении в основном онимов, обладающих высокой степенью семантической активности (прямоговорящих, скрытоговорящих и косвенноговорящих) мотивированных имен (*Варган, Дуля* и др.) и экспрессивных номинаций, т. е. присутствие широкого спектра модификаторов по отношению к героям пьесы (см. таблицу). Группа апеллятивно мотивированных антропонимов представлена автологически значимыми и металогически значимыми антропозтoнимами, которые противопоставляются по признаку мотивированности – проявления значения. Авторский замысел отчетливо реализуют и прецедентные имена.

3. Создаются и используются так называемые отапеллятивные антропозтoнимы. Драматург при ономатворчестве прибегает к приему **антропонимизации**, т. е. переходу апеллятива или онима другого разряда в антропоним, образуя при этом прозвищные имена. Неканонические имена, свободно придуманные в соответствии со свойствами персонажа, имеют, как правило, определенную мотивировку и органично вписываются в ирреальную драматургическую канву постмодернизма. Одним из ярких онимических средств, отражающих драматургию театра абсурда, выступает антропонимизация известных топонимов. Особенно колоритным примером постмодернистской пьесы, демонстрирующей эту универсалию, является драма «Белье из Люксембурга», где главного героя зовут *Детройт* – по названию одноименного промышленного американского города. Отвечая на вопрос о том, как его зовут, молодой мужчина отвечает: *Детройт. Мне нравится название этого города. Зовите меня Детройт* [18, с. 201]. Герой одну из своих бывших жен именует *Германия*, вторую – *Голландия*. Девушка *Иван*, глядя на фотографии, отмечает: *Они обе похожи друг на друга... ДЕТРОЙТ* (противоречит ей. – И. П.). *Германия* похожа на *Голландию*, как север на юг. *С Голландией* я разошелся десять лет назад... *С Германией* я прожил всего год... [18, с. 211].

4. Используются параллельные имена (полионимия), например: *Девушка/Джоконда, Хатдам/Квазимодо, Наташа/Эсмеральда, Детройт/Париж, Иван/Сергея*. Родившегося на острове ребенка герои хотят назвать сначала *Ураном*, потом *Люксембургом*, если это будет девочка, то *Европой*, но дают ему имя *Бимбо*: *ИВАН. Мы назвали ребенка Бимбо. ГАНС. Почему Бимбо? ДЕТРОЙТ. Потому что он негр* [18, с. 241]. В одной из пьес герои перевоплощаются, параллельно меняя имена: *Виктор Трубецкой/настоящая фамилия Гаврилов/он же тореадор Хулио*, у учителя географии имя *Серж/мясник Родриго/охотник Иван*.

5. Отмечается такая важная особенность пьес Д. М. Липскерова, как поливалентность, или полисемия, антропозтoнимов. «Полисемия (от греч. *polysemos* – многозначный, многозначность – наличие у единицы языка более одного значения – двух или нескольких» [31, с. 385]), т. е. большинство ИС у драматурга обладают целым рядом полей, усиливающих и расширяющих характеристику образа. Примерами могут служить описанные ранее такие антропозтoнимы, как *Варган, Ричард*, а также *Канифоль* и др.

6. Употребляются антропозтoнимы, контрастно описывающие особенности персонажа, т. е. процесс создания, подбора имени, прозвища, основанного на противопоставлении (бинарной оппозиции), словно драматург стремится к употреблению иронических ИС. Например, эта оппозиция вместе с тем может присутствовать в одном и том же имени: *Девушка* (грешница и скромница), *Александр* (гермафродит – ни мужчина, ни женщина) или *Штурман*, который хотел стать штурманом, но так и не реализовал себя, т. е. возникает противоречие между мечтой и реальностью. Еще один прецедентный оним *Трубецкой* эксплицирует значение ‘представитель знатного рода’, ‘князь’, но в действительности – плебей, детдомовец, который никогда не знал своих родителей, с самой обычной фамилией *Гаврилов*, имена сиамских близнецов строятся на бинарной оппозиции: *Дурак* и *Соня* (глупость и мудрость), *Ричард* и *Канифоль* (благородное имя и прозвище, богатство и бедность), *Квазимодо* и *Эсмеральда* (безобразное и прекрасное), *Пилат* и *Христос* (грешник и праведник) [30].

7. Драматург прибегает к приему ономастического травестирования, когда мужское имя присваивается женскому персонажу в целях создания и передачи в ХТ пьесы атмосферы абсурда. Например, девушку герои пьесы «Белье из Люксембурга» *Детройт* и *Ганс* называют *Иван* или *Сергея*, сама она также представляется мужским именем *Иван*.

8. Наблюдается смешение иностранного и русского именословов в одном художественном контексте: *Мерилин, Серж, Хулио, Родриго* и *Виктор Трубецкой/Гаврилов, Иван/Ваня; Жаклин де Ронкороль, Кольбер* и *Катерина, Семен Федорович Варган, Иосиф* и т. д.; *Хатдам, Фокс* и *Соня, Наташа* и др. Избранное драматургом французское личное имя *Жаклин* [21, с. 287] для *Графини де Ронкороль* прямо указывает на ее национальность. И сама героиня использует в речи фразы на французском языке. Так, *Жаклин*, обращаясь к сомику *Пусику*, которого она давно превратила в своего домашнего питомца, спрашивает: *Коман са ва, дорогой? (Гладит сомика по голове) Молчишь? А надо отвечать: са ва бьен... Тебя мамочка спрашивает: коман са ва? А ты отвечаешь мамочке: са ва бьен...* (сохранена орфография и пунктуация оригинала. – И. П.) [18, с. 10]. О происхождении говорят иноязычные номинации

таких героев, как испанский тореадор *Хулио* и мясник *Родриго*. ИС художник слова использует исключительно с целью отразить национальную принадлежность действующих персонажей, воссоздать колорит Испании. На восточное происхождение указывает и имя горбуна *с цепкими азиатскими глазами* [18, с. 79] *Хатдама*, таджика по национальности. Вертолетчик *Ганс* говорит, что *из немцев... Прибалтийских... Что это имя его настоящее... Ганс... Звучное имя, да?* [18, с. 199].

9. Автор предпочитает антропони́мы, обладающие **интертекстуальностью**. Так, *Катерина*, *Тихон*, *Борис* одновременно являются героями пьесы Д. М. Липскерова «Юго-западный ветер» и А. Н. Островского «Гроза». У Д. М. Липскерова в едином контексте оказываются литературные персонажи – представители разных эпох. В результате реально-бытовое и условное (мифологическое) соединяются в ХТ, что происходит и с поэтонимами, принадлежащими разным эпохам, историческим, географическим и литературным реалиям. ХТ переполнены прецедентными именами исторических, библейских, мифологических, литературных персонажей, в совокупности ориентирующими на «много-слойное» прочтение. Использование в пьесах реалионо́мов «любое ИС реально существующего или существовавшего объекта в любой сфере ономастического пространства» [20, с. 119] и прецедентных антропони́мов, служит основной цели автора – настроить на правильное восприятие произведения, поскольку драматург отказывается от принципа жизнеподобия в пользу условно-метафорического, что обусловлено стилистикой театра абсурда [29; 30].

Таким образом, в творчестве драматурга наблюдается целый ряд ономастических универсалий в соответствии с жанровым единством текстов и сходством идейно-тематического содержания художественных образов, созданных в лучших традициях современного театра абсурда. ИС обладает ярко выраженной экспрессией, скрытыми ассоциациями, воздействует своим особым звуковым обликом, передает национальный колорит и историческую эпоху, т. е. имя выступает в драматургическом тексте как знак и символ, имеет высокий семантический, прагматический и функциональный потенциал.

Выделенные особенности поэтонимов в пьесах Д. М. Липскерова позволяют высказать предположение о сюжетном мышлении писателя и игровом характере общения со зрителем/читателем. Созданное драматургом онимическое пространство пьес свидетельствует об авторском стремлении при выборе ИС сначала к синтезу стилевых традиций русского психологического театра и европейского театра абсурда, а затем – к отходу от классики в пользу западной традиции и шоковой техники театра жестокости.

Центральной темой творчества драматурга Д. М. Липскерова является проблема существования человека в дисгармоничном, перевернутом, нелепом мире, где утрачены истинные ценности, поэтому художник слова весьма тщательно подбирает ИС для героев своих пьес в целях как выражения собственных мировоззренческих социально-философских исканий, так и создания ирреальной действительности. Ономастические универсалии, присущие стилю писателя, – это своеобразный художественный прием воплощения поэтики театра постмодернизма, отражающей авторскую убежденность в неизменности абсурдности бытия, человеческом несовершенстве, во враждебности и социальной несправедливости современного ему общества эпохи конца 1980-х – начала 1990-х гг.

Список сокращений

ЮЗВ – Липскеров Д. М. Юго-западный ветер // Школа для эмигрантов : пьесы. М. : АСТ, 2007. С. 5–76; **СУ** – Липскеров Д. М. Семья уродов // Там же. С. 77–136; **ШТУ** – Липскеров Д. М. Школа с театральным уклоном // Там же. С. 137–194; **БЛ** – Липскеров Д. М. Белье из Люксембурга // Там же. С. 195–252; **РА** – Липскеров Д. М. Река на асфальте // Там же. С. 253–302; **ЕШ** – Липскеров Д. М. Елена и Штурман // Там же. С. 303–335.

Библиографические ссылки

1. Ляшкевіч ВМ, Мезенка ГМ, Дзеравяга ГМ, Семянькова ГК, рэдактары. *Беларуская антрапанімія*. Віцебск: Віцебскі дзяржаўны ўніверсітэт імя П. М. Машэрава; 2009. 254 с.
2. Мезенка ГМ. *Беларуская анамстыка (2000–2015 гг.)*. Віцебск: Віцебскі дзяржаўны ўніверсітэт імя П. М. Машэрава; 2016. 172 с.
3. Галковская ЮМ, Деревяго АН, Семенькова ГК, Мезенко АМ. *Ономастика Беларусі. Антропанімія*. Мінск: Рэспубліканскі інстытут вышэйшай школы; 2017. 397 с.
4. Мезенко АМ, Генкін ВМ, Деревяго АН, Семенькова ГК. *Ономастика Беларусі. Топанімія*. Мінск: Рэспубліканскі інстытут вышэйшай школы; 2018. 320 с.
5. Рогалев АФ. *Имя и образ: художественная функция имен собственных в литературных произведениях и сказках*. Гомель: Барк; 2007. 224 с.

6. Рогалев АФ. *Ономастика художественных произведений*. Гомель: Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины; 2003. 194 с.
7. Шур ВВ. *Анамастычная лексіка ў беларускай мастацкай літаратуры*. Мінск: Тэхнапрынт; 2002. 228 с.
8. Шур ВВ. *Онім у мастацкім тэкście*. Мінск: Беларускі кнігазбор; 2006. 216 с.
9. Шур ВВ. *Уласнае імя ў мастацкім тэкście*. Мазыр: Мазырскі дзяржаўны педагагічны ўніверсітэт імя І. П. Шамякіна; 2010. 207 с.
10. Ляшчынская ВА. *Слова ў паэзіі Янкі Купалы*. Падлужны АІ, рэдактар. Мінск: Беларуская навука; 2004. 272 с.
11. Ратникова ИЭ. *Антиномия узуса и возможностей языка в ономастической семантике*. Минск: Издательство БГУ; 1999. 24 с.
12. Ратникова ИЭ. *Имя собственное: от культурной семантики к языковой*. Минск: Издательство БГУ; 2003. 214 с.
13. Муратова ЕЮ. *Лингвопоэтика Марины Цветаевой*. Витебск: Витебский государственный университет имени П. М. Машерова; 2005. 96 с.
14. Муратова ЕЮ. *Смыслы слова в системе поэтического языка XX века*. Минск: БГУ; 2008. 207 с.
15. Муратова ЕЮ. *Лингвосинергетика поэтического текста*. Москва: Инфра-М; 2012. 218, [1] с.
16. Бут-Гусаім СФ. *Жанраўтваральная роля антрапонімаў у гістарычнай прозе берасцейскіх пісьменнікаў*. Брэст: Брэсцкі дзяржаўны ўніверсітэт імя А. С. Пушкіна; 2013. 111 с.
17. Деревяго АН. *Имя собственное в художественном тексте*. Витебск: Издательство Витебского государственного университета имени П. М. Машерова; 2008. 239 с.
18. Липскеров ДС. *Школа для эмигрантов: пьесы*. Москва: АСТ; 2007. 334 с. Совместно с издательством «Астрель».
19. Супрун ВИ. *Ономастическое поле русского языка и его художественно-эстетический потенциал*. Волгоград: Перемена; 2000. 172 с.
20. Институт языкознания АН СССР, Подольская НВ. *Словарь русской ономастической терминологии*. Суперанская АВ, редактор. Москва: Наука; 1978. 200 с.
21. Суперанская АВ. *Современный словарь личных имен. Сравнение. Происхождение. Написание*. Москва: Айрис-пресс; 2005. 384 с.
22. Квятковский АП. *Поэтический словарь*. Жданов ВВ, редактор. Москва: Советская энциклопедия; 1966. 376 с.
23. Евгеньева АП, редактор. *Словарь русского языка в четырех томах. Том 1. А–Й*. 3-е издание. Москва: Русский язык; 1985. 696 с.
24. Петрачкова ИМ. Проприальное пространство в одноактных пьесах «театра абсурда» Дмитрия Михайловича Липскерова. В: Краснова НА, редактор. *Гуманитарное и социально-научное знание: теоретические исследования и практические разработки. Сборник научных трудов по материалам Международной научно-практической конференции; 5 августа 2020 г.; Москва, Россия*. Москва: Профессиональная наука; 2020. с. 75–82.
25. Калинин ВМ, составитель. *Литературная ономастика, или Поэтика онима*. Донецк: ДНУ; 2002. 41 с.
26. Фасмер М. *Этимологический словарь русского языка. Том 1. А–Д*. Трубачев ОН, переводчик; Ларин БА, редактор. 2-е издание. Москва: Прогресс; 1986. 576 с.
27. Ожегов СИ, Шведова НЮ. *Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений*. 4-е издание. Москва: Азбуковник; 1998. 944 с.
28. Даль ВИ. *Толковый словарь живого великорусского языка. Том 1. А–З*. Москва: РИПОЛ классик; 2006. 752 с.
29. Петрачкова ИМ. Прецедентные имена как экспликативы идиоматических и паремииологических смыслов в постмодернистских пьесах Д. М. Липскерова. В: Ничипорчик ЕВ, редактор. *Славянская фразеология и паремииология: традиционные и новаторские решения проблем: к 80-летию со дня рождения профессора В. М. Мокиенко*. Гомель: ГГУ имени Ф. Скорины; 2020. с. 199–205.
30. Петрачкова ИМ. Семантико-функциональный потенциал прецедентных имен в пьесе Д. М. Липскерова «Юго-западный ветер». В: Стома ИО, редактор. *Актуальные проблемы медицины. Сборник научных статей Республиканской научно-практической конференции с международным участием, посвященной 30-летию юбилею Гомельского государственного медицинского университета; 12–13 ноября 2020 г.; г. Гомель, Беларусь. Том 4*. Гомель: Гомельский государственный медицинский университет; 2020. с. 118–121.
31. Ярцева ВН, редактор. *Лингвистический энциклопедический словарь*. Москва: Советская энциклопедия; 1990. 685 с.

References

1. Ljashkevich VM, Mezenka GM, Dzeravjaga GM, Semjan'kova GK, editors. *Belaruskaja antrapanimija* [Belarusian anthroponymy]. Viciebsk: Vitebsk State University named after P. M. Masherov; 2009. 254 p. Belarusian.
2. Mezenko AM. *Belaruskaja anamastyka (2000–2015 gg.)* [Belarusian onomastics (2000–2015)]. Viciebsk: Vitebsk State University named after P. M. Masherov; 2016. 172 p. Belarusian.
3. Galkovskaya YuM, Derevyago AN, Semen'kova GK, Mezenko AM. *Onomastika Belarusi. Antroponimiya* [Onomastics of Belarus. Anthroponyms]. Minsk: National Institute for Higher Education; 2017. 397 p. Russian.
4. Mezenko AM, Genkin VM, Derevyago AN, Semen'kova GK. *Onomastika Belarusi. Toponimiya* [Onomastics of Belarus. Toponyms]. Minsk: National Institute for Higher Education; 2018. 320 p. Russian.
5. Rogalev AF. *Imya i obraz: khudozhestvennaya funktsiya imen sobstvennykh v literaturnykh proizvedeniyakh i skazkakh* [Name and image: the artistic function of proper names in literary works and fairy tales]. Homiel: Bark; 2007. 224 p. Russian.
6. Rogalev AF. *Onomastika khudozhestvennykh proizvedenii* [Onomastics of works of art]. Homiel: F. Skorina Gmel State University; 2003. 194 p. Russian.
7. Shur VV. *Anamastychnaja leksika w belaruskaj mastackaj litaratury* [Onomastic vocabulary in Belarusian fiction]. Minsk: Tjehnaprynt; 2002. 228 p. Belarusian.
8. Shur VV. *Onim u mastackim tjeksce* [Onym in an artistic text]. Minsk: Belaruski knigazbor; 2006. 216 p. Belarusian.
9. Shur VV. *Ulasnae imja w mastackim tjeksce* [Proper name in an artistic text]. Mazyr: Mozyr State Pedagogical University named after I. P. Shamyakin; 2010. 207 p. Belarusian.

10. Lyeshchynskaya VA. *Slova w pajezii Janki Kupaly* [The word in Yanka Kupala's poetry]. Padluzhny AI, editor. Minsk: Belaruskaja navuka; 2004. 272 p. Belarusian.
11. Ratnikova IE. *Antinomiya uzusa i vozmozhnostei yazyka v onomasticheskoi semantike* [Antinomy of usus and language possibilities in onomastic semantics]. Minsk: Publishing House of the Belarusian State University; 1999. 24 p. Russian.
12. Ratnikova IE. *Imya sobstvennoe: ot kul'turnoi semantiki k yazykovoi* [Proper name: from cultural semantics to linguistic]. Minsk: Publishing House of Belarusian State University; 2003. 214 p. Russian.
13. Muratova EYu. *Lingvopoetika Mariny Tsvetaevoi* [Linguopoetics of Marina Tsvetaeva]. Viciebsk: Vitebsk State University named after P. M. Masherov; 2005. 96 p. Russian.
14. Muratova EYu. *Smysly slova v sisteme poeticheskogo yazyka XX veka* [Meanings of the word in the system of poetic language of the 20th century]. Minsk: Belarusian State University; 2008. 207 p. Russian.
15. Muratova EYu. *Lingvosinergetika poeticheskogo teksta* [Linguosynergetics of the poetic text]. Moscow: Infra-M; 2012. 218 p. Russian.
16. But-Gusaim SF. *Zhanravitvaral'naja rolja antraponimav u gistarychnaj proze berasciejshich pis'mennikav* [The genre-forming role of anthroponyms in the historical prose of Brest writers]. Brest: Brest State A. S. Pushkin University; 2013. 111 p. Belarusian.
17. Derevyago AN. *Imya sobstvennoe v khudozhestvennom tekste* [Proper name in a literary text]. Viciebsk: Publishing House of the Vitebsk State University named after P. M. Masherov; 2008. 239 p. Russian.
18. Lipskerov DS. *Shkola dlya emigrantov: p'esy* [School for emigrants: plays]. Moscow: AST; 2007. 334 p. Co-published by the «Astrel». Russian.
19. Suprun VI. *Onomasticheskoe pole russkogo yazyka i ego khudozhestvenno-esteticheskii potentsial* [Onomastic field of the Russian language and its artistic and aesthetic potential]. Volgograd: Peremena; 2000. 172 p. Russian.
20. Institut yazykoznanija AN SSSR, Podolskaya NV. *Slovar' russkoi onomasticheskoi terminologii* [Dictionary of Russian onomastic terminology]. Superanskaya AV, editor. Moscow: Nauka; 1978. 200 p. Russian.
21. Superanskaya AV. *Sovremennyyi slovar' lichnykh imen: Sravnenie. Proiskhozhdenie. Napisanie* [The modern dictionary of personal names: Comparison. Origin. Writing]. Moscow: Iris-press; 2005. 384 p. Russian.
22. Kvyatkovsky AP. *Poeticheskii slovar'* [Poetic Dictionary]. Zhdanov VV, editor. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya; 1966. 376 p. Russian.
23. Evgen'eva AP, editor. *Slovar' russkogo yazyka v chetyrekh tomakh. Tom 1. A–J* [Dictionary of the Russian language in four volumes. Volume 1. A–J]. 3rd edition. Moscow: Russkii yazyk; 1985. 696 p. Russian.
24. Petrachkova IM. [Proprietary space in one-act plays of «the theater of the absurd» by Dmitry Mikhailovich Lipskerov]. In: Krasnova NA, editor. *Gumanitarnoe i sotsial'no-nauchnoe znanie: teoreticheskie issledovaniya i prakticheskie razrabotki. Sbornik nauchnykh trudov po materialam Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii; 5 avgusta 2020 g.; Moskva, Rossiya* [Humanitarian and social and scientific knowledge: theoretical research and practical development. Collection of scientific papers based on the materials of the International Scientific and Practical Conference; 2020 August 5; Moscow, Russia]. Moscow: Professional'naya nauka; 2020. p. 75–82. Russian.
25. Kalinkin VM, compiler. *Literaturnaya onomastika, ili Poetika onima* [Literary onomastics, or Poetics of onyms]. Donetsk: Donetsk National University; 2002. 39 p. Russian.
26. Vasmer von M. *Russisches etymologisches wörterbuch. Bd I*. Heidelberg: Winter Verlag; 1953. 712 s.
Russian edition: Vasmer von M. *Etimologicheskii slovar' russkogo yazyka. Tom 1. A–D*. Trubachev ON, translator, Larin BA, editor. 2nd edition. Moscow: Progress; 1986. 576 p.
27. Ozhegov SI, Shvedova NYu. *Tolkovyyi slovar' russkogo yazyka: 80000 slov i frazeologicheskikh vyrazhenii*. [Explanatory dictionary of the Russian language: 80,000 words and phraseological expressions]. 4th edition. Moscow: Azbukovnik; 1998. 944 p. Russian.
28. Dal' VI. *Tolkovyyi slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka. Tom 1. A–Z* [Explanatory dictionary of the living great Russian language. Volume 1. A–Z]. Moscow: RIPOL classic; 2006. 752 p. Russian.
29. Petrachkova IM. [Precedent names as explicators of idiomatic and paremiological meanings in postmodern plays by D. M. Lipskerov]. In: Nichiporchik EV, editor. *Slavyanskaya frazeologiya i paremiologiya: traditsionnye i novatorskie resheniya problem: k 80-letiyu so dnya rozhdeniya professora V. M. Mokienko* [Slavic phraseology and paremiology: traditional and innovative solutions to problems: to the 80th anniversary of the birth of professor V. M. Mokienko]. Homiel: Francisk Skorina Gomel State University; 2020. p. 199–205. Russian.
30. Petrachkova IM. [The semantic and functional potential of precedent names in the play by D. M. Lipskerov «South-West Wind»]. In: Stoma IO, editor. *Aktual'nye problemy meditsiny. Sbornik nauchnykh statei Respublikanskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem, posvyashchennoi 30-letnemu yubileyu Gomel'skogo gosudarstvennogo meditsinskogo universiteta; 12–13 noyabrya 2020 g.; Gomel', Belarus. Tom 4* [Actual problems of medicine: collection of scientific articles of the Republican scientific and practical conference with international participation, dedicated to the 30th anniversary of the Gomel State Medical University; 2020 November 12–13; Homiel, Belarus. Volume 4]. Homiel: Gomel State Medical University; 2020; p. 118–121. Russian.
31. Yartseva VN, editor. *Lingvisticheskii entsiklopedicheskii slovar'* [Linguistic encyclopedic dictionary]. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya; 1990. 685 p. Russian.

Статья поступила в редколлегию 28.12.2020.
Received by editorial board 28.12.2020.

РОЛЬ МОДАЛЬНОСТИ В РЕАЛИЗАЦИИ ПРАГМАТИЧЕСКОЙ УСТАНОВКИ АВТОРА В ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Л. С. АХРАМЕНКО¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск, Беларусь

Рассматривается категория модальности как главный фактор текстообразования на примере публицистического дискурса. Выявляются разноуровневые (лексические, синтаксические, композиционные) периферийные средства текстовой модальности, способствующие косвенному убеждению адресата в правильности авторской точки зрения. Определяются прагматические функции текстовой модальности, среди которых наиболее значимыми выступают повышение релевантности концептов и достоверности высказываний, формирование пресуппозиции к восприятию последующей информации. Выделяются модальные доминанты – виды модальности, характерные для определенных структурных частей текста: мотивационная, когнитивная, импозитивная модальные доминанты, свойственные вводной, основной и заключительной частям текста соответственно. Мотивационная модальность стимулирует адресата к дальнейшему прочтению материала за счет повышения релевантности ключевого концепта текста. Когнитивная модальность способствует усилению значимости ключевого концепта за счет информирования. Импозитивная модальность направлена на убеждение адресата в правильности авторской точки зрения. Указанные модальные доминанты являются факторами реализации промежуточных прагматических установок во вводной, основной и заключительной частях текста.

Ключевые слова: публицистический дискурс; модальная доминанта; автор; адресат; прагматическая установка.

Благодарность. Автор выражает благодарность за помощь в выполнении исследования кандидату филологических наук доценту кафедры истории и грамматики английского языка Минского государственного лингвистического университета Н. П. Петрашкевич.

РОЛЯ МАДАЛЬНАСЦІ Ў РЕАЛІЗАЦЫІ ПРАГМАТЫЧНАЙ УСТАНОЎКІ АЎТАРА Ў ПУБЛІЦЫСТЫЧНЫМ ДЫСКУРСЕ

Л. С. АХРАМЕНКА^{1*}

^{1*)}Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, пр. Незалежнасці, 4,
220030, г. Мінск, Беларусь

Разглядаецца катэгорыя мадальнасці як галоўны фактар тэкстаўтварэння на прыкладзе публіцыстычнага дыскурсу. Выяўляюцца рознаўроўневыя (лексічныя, сінтаксічныя, кампазіцыйныя) перыферычныя сродкі тэкставай мадальнасці, якія спрыяюць ускоснаму перакананню адрасата ў слушнасці аўтарскага пункта гледжання. Вызначаюцца прагматычныя функцыі тэкставай мадальнасці, сярод якіх найбольш значымі выступаюць павышэнне рэлевантнасці канцэптаў і дакладнасці выказванняў, фарміраванне прэсупазіцыі да ўспрымання наступнай інфармацыі. Вылучаюцца мадальныя дамінанты – віды мадальнасці, характэрныя для пэўных частак тэксту:

Образец цитирования:

Ахраменко ЛС. Роль модальности в реализации прагматической установки автора в публицистическом дискурсе. *Журнал Белорусского государственного университета. Филология*. 2021;1:77–86.

For citation:

Akhramenko LS. The role of modality in the realization of the author's pragmatic attitude in a publicistic discourse. *Journal of the Belarusian State University. Philology*. 2021;1:77–86. Russian.

Автор:

Любовь Сергеевна Ахраменко – старший преподаватель кафедры английского языка экономических специальностей факультета международных отношений.

Author:

Liubov S. Akhramenko, senior lecturer at the department of English for economics, faculty of international relations.
ahrluba@mail.ru

матывацыйная, кагнітыўная, імпазітыўная мадальныя дамінанты, уласцівыя ўступнай, асноўнай і заключнай часткам тэксту адпаведна. Матывацыйная мадальнасць стымулюе адрасата да далейшага чытання матэрыялу за кошт павышэння рэлевантнасці ключавога канцэпту тэксту. Кагнітыўная мадальнасць спрыяе ўзмацненню значнасці ключавога канцэпту за кошт інфармавання. Імпазітыўная мадальнасць накіравана на перакананне адрасата ў слушнасці аўтарскай пазіцыі. Указаныя мадальныя дамінанты з'яўляюцца фактарамі рэалізацыі прагматычных прагматычных устаноў ва ўступнай, асноўнай і заключнай частках тэксту.

Ключавыя словы: публіцыстычны дыскурс; мадальная дамінанта; аўтар; адрасат; прагматычная ўстаноўка.

Падзяка. Аўтар выказвае падзяку за дапамогу ў выкананні даследавання кандыдату філалагічных навук дацэнту кафедры гісторыі і граматыкі англійскай мовы Мінскага дзяржаўнага лінгвістычнага ўніверсітэта Н. П. Петрашкевіч.

THE ROLE OF MODALITY IN THE REALIZATION OF THE AUTHOR'S PRAGMATIC ATTITUDE IN A PUBLICISTIC DISCOURSE

L. S. AKHRAMENKO^a

^a*Belarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus*

The article is devoted to the consideration of modality as the main text-forming factor based on the example of a publicistic discourse. The scientific novelty of the article lies in the identification of the multilevel (lexical, syntactic, compositional) peripheral means of the text modality, contributing to the indirect conviction of the addressee in the correctness of the author's viewpoint. The pragmatic functions of the text modality have been determined, among which the most significant are increasing concept relevance and statement reliability, the formation of a presupposition for the perception of subsequent information. Modal dominants, typical for the prevailing types of modality typical of certain text parts – are revealed: motivational modality – for the introductory text part, cognitive modality, typical for the main text part, impositive modality, typical for the final text part. The motivational modality stimulates the addressee to the further text reading by increasing the relevance of the key text concept. Cognitive modality contributes to the intensification of the key concept significance through information. The impositive modality urges the addressee upon the correctness of the author's viewpoint. The aforesaid modal dominants are the factors in the implementation of intermediate pragmatic attitudes in the introductory, main and final text parts respectively.

Keywords: publicistic discourse; modal dominant; author; addressee; pragmatic attitude.

Acknowledgements. The author is grateful for help in performing the study to the PhD (philology) N. P. Petrashkevich, associate professor at the department of history and grammar of English Minsk State Linguistic University.

Введение

Несмотря на то что тексты публицистического дискурса имеют различные прагматические установки в зависимости от жанровой принадлежности, их главной особенностью является воздействующая функция. П. П. Каминский дает следующее определение публицистическому дискурсу: «...это воздействующий тип дискурса, реализующий интенцию убеждения, а следовательно, оказывающий мощный перлокутивный эффект на своего адресата» [1, с. 97]. Публицистический текст (составная часть публицистического дискурса) рассматривается как «социальное действие адресанта, направленное на убеждение своего адресата не просто в правомерности, но в правильности авторской идеи» [2, с. 28]. Таким образом, публицистический текст относится к персуазивному дискурсу, в котором прагматической установкой автора является убеждение адресата в правильности авторской точки зрения.

Н. И. Клушина обнаруживает в публицистическом тексте целую парадигму интенциональных текстообразующих категорий, направленных на решение стратегической задачи автора – убеждение адресата. Эту парадигму составляют «идеологема как способ утверждения заданных концептов/номинаций в публицистике; убеждение с помощью оценки; именование как стилистико-идеологическая категория; стилистическая тональность текста; интерпретация как лингвистический механизм имплицитного убеждения» [3, с. 3].

Воздействующая функция имеет место даже в текстах информативных жанров, для которых характерна такая речевая форма, как констатирующее сообщение. Тексты газетно-публицистического стиля представляют особый интерес в связи с тем, что они воздействуют на адресата посредством

информирования и в них преобладают информативные или информативно-аргументативные функционально-тематические блоки. Г. Я. Солганик отмечает наличие двух функций в данном стиле: «Газетно-публицистический стиль выполняет функции воздействия и сообщения. Журналист сообщает о фактах и дает им оценку» [4, с. 102]. Следовательно, для этих текстов чаще всего характерен имплицитный, или подтекстовый, способ убеждения, оказывающий непосредственное влияние на подсознание адресата.

Целью данной статьи является анализ функции модальности в реализации прагматической установки автора в публицистическом дискурсе на примере текстов газетно-публицистического стиля. Для достижения цели были поставлены следующие задачи: 1) выявить виды и средства выражения модальности в структурных частях анализируемых текстов; 2) определить прагматические функции различных видов модальности во вводной, основной и заключительной частях текстов; 3) установить дискурсивные особенности реализации модальности в структурных частях текста в зависимости от их прагматических установок.

Теоретические основы исследования

При изменении сферы действия понятия «модальность» и рассмотрении его в рамках текста или речевой ситуации прагматика данной категории значительно расширяется. Л. В. Селезнева утверждает, что в тексте как коммуникативной единице «реализуется система коммуникативных (прагматических) установок, которые определяют и его семантику» [5, с. 200]. К ним относятся установки **на адресанта** (в речи проявляется личность, эмоциональное состояние отправителя сообщения), **адресата** (речь зависит от личности слушателя, собеседника), **сообщение** (т. е. на ту форму, в которой передано сообщение), **действительность**, т. е. на событие, вызвавшее сообщение.

Автор отмечает, что реализация данных установок приводит «к выдвиганию на первый план модальности как категории, в которой наиболее ярко проявляется отношение к действительности, к содержанию самого текста, к его адресату» [5, с. 200].

Понятие прагматической установки автора находит отражение в работе Н. С. Валгиной «Теория текста»: «...автор как конкретный субъект, подчиняясь общим правилам построения текста данной направленности, вносит свои, личностные коррективы в построение текста, т. е. осуществляет свою, авторскую прагматическую установку» [6, с. 15]. Следовательно, прагматическая установка автора «всецело связана с авторской модальностью, так как любое сообщение включает в себе не только информацию, но и отношение автора к сообщаемой информации» [6, с. 14]. Текстовая модальность, включающая отношение автора к фрагменту действительности, т. е. отношения между явлениями, концептами, событиями с точки зрения автора, – это результат реализации авторских интенций или форма их существования.

С. С. Ваулина выделяет в категории модальности две составляющие: «пропозициональную, выражающую отношение автора к действительности, и прагматическую, выражающую отношение автора к содержанию высказывания» [7, с. 16]. Необходимо кратко пояснить сущность пропозиционального и прагматического видов модальности, которые будут анализироваться далее на материале текстов публицистического дискурса.

Так как рассматриваемые тексты относятся к описательному типу, для них характерно наличие сквозной темы. Поэтому задачей автора во вводной части является выделение наиболее релевантных пропозиций – высказываний, в которых раскрывается значимость, актуальность темы текста. Выделение наиболее значимых высказываний реализуется посредством модальности важности. Е. Н. Орехова определяет данную модальность как «выражение логики мысли, обозначение важных моментов в ходе рассуждений, выделение ключевых, с точки зрения автора, моментов высказывания» [8, с. 35]. Ядерным средством модальности важности являются лексемы, содержащие сему 'важность'. Но возможно предположить, что значимость концептов и высказываний акцентируется не только за счет таких лексем, поэтому в рамках данной статьи необходимо рассмотреть периферийные средства выражения модальности важности.

Материал исследования включает аналитические тексты, в которых авторы не только описывают, но и оценивают проблемные ситуации. Это обуславливает наличие рациональной модальности, сущность которой состоит в оценке автором целесообразности, практической пользы собственных выводов или оправданности конкретных мер при решении проблемы. Этот тип модальности был выделен Ф. Палмером: «...рациональная модальность включает указание того, что является рациональным или разумным в данной ситуации»¹ [9, р. 105–106].

Направленность на адресата, как неотъемлемое свойство текста, проявляется на основе принципов диалога. «Автор стремится сделать свой язык и ход своих рассуждений максимально доступными для

¹Здесь и далее перевод наш. – Л. А.

предполагаемого читателя, также он стремится предвосхитить, предугадать возможные реплики реципиента, его возражение или непонимание отдельных моментов изложения» [10, с. 112]. Отношение автора к адресату выражает диалогическая модальность. Она направлена, с одной стороны, на «повышение понятности, доступности, ясности текста для адресата», с другой – на «установление и поддержание контакта с адресатом, необходимого для убеждения адресата в правильности авторской точки зрения» [11, с. 76].

Итак, модальность важности, рациональная и диалогическая модальность являются разновидностями прагматической модальности, так как выражают отношение автора к содержанию высказывания и адресату.

Помимо оценки содержания высказывания с точки зрения релевантности, модальность передает оценку объектов действительности с позиции ценности. «Характеристику объекта с точки зрения определенной системы ценностей» выражает аксиологическая модальность [12, с. 147]. Она представляет собой пропозициональную разновидность модальности, так как показывает отношение говорящего к объектам действительности. Ценность объекта действительности чаще всего выражена в оценочном высказывании с помощью соответствующих понятий. Оценка обозначает «аксиологическое отношение человека ко всему нормативно представленному многообразию предметных воплощений человеческой жизнедеятельности и возможностям их познавательного и практического освоения» [13, с. 631], поэтому ядерным средством выражения аксиологической модальности выступают лексемы, содержащие оценку по шкале хорошо/плохо.

Важным фактором, определяющим значимость высказываний, является степень их достоверности. Акцентирование релевантных высказываний может происходить на уровне сверхфразовых единств. В пределах сверхфразового единства автор использует высказывания, содержащие примеры, факты, подтверждающие достоверность и, таким образом, повышающие релевантность предшествующего авторского высказывания. Это дает основание выделить иллюстративную модальность. Она оформляет второстепенную (иллюстративную) информацию, подтверждающую достоверность авторских высказываний, благодаря чему они становятся наиболее релевантными в тексте. Следовательно, иллюстративная модальность – это разновидность пропозициональной модальности, с помощью которой реализуется прагматическая установка текста на достоверность.

Ввиду того что функция воздействия обуславливает потребность публицистики в оценочных средствах выражения, можно предположить, что модальность, как языковой актуализатор оценки, выступает фактором реализации данной функции. Кроме того, модальность в тексте приобретает имплицитный характер, что необходимо для косвенного убеждения адресата в правильности авторской точки зрения. З. Я. Тураева отмечает такое свойство текстовой модальности, как имплицитность: «...за модальностью на уровне высказывания закрепляется обязательная эксплицитность, тогда как модальность на уровне текста может не иметь непосредственного языкового выражения» [14, с. 111]. В связи с тем что текстовой модальности присуща имплицитность, данная категория помогает автору в осуществлении воздействия через информирование. Необходимо выяснить, каким образом модальность используется автором для имплицитного убеждения адресата.

Далее будут рассмотрены малые тексты газетно-публицистического стиля следующих жанров: новостные статьи, информационные сообщения и статьи, аналитические статьи. Поскольку модальность связана с содержанием текста, в исследовании использовались такие методы, как контент-анализ, логико-семантический анализ, дискурс-анализ. Реализация прагматической установки автора происходит последовательно, т. е. посредством реализации промежуточных прагматических установок во вводной, основной и заключительной частях текста, поэтому для изучения связи модальности с композицией публицистических текстов также применялся структурный анализ.

Результаты и их обсуждение

Так как реализация прагматической установки связана с композицией текста, необходимо рассмотреть роль модальности в осуществлении промежуточных прагматических установок в различных частях текста.

Прагматической установкой автора в аналитических статьях является убеждение адресата в актуальности, злободневности проблемы либо в необходимости практического использования ключевого концепта текста. Для мотивирования адресата к дальнейшему рассмотрению затрагиваемых в статье вопросов автору необходимо трансформировать ключевое событие в проблему во вводной части текста. Данная задача реализуется с помощью модальности. Например, в аналитической статье «Родители в Англии сталкиваются с шокирующим ростом расходов по уходу за ребенком в связи с сокращением государственного финансирования» (*Parents in England face shock rise in childcare costs as government*

*cuts bite*²) с помощью аксиологической модальности автор трансформирует ключевое событие *decline in government funding* ‘сокращение государственного финансирования’ в проблемную ситуацию; используя причинные союзы, показывает зависимость следствий от ключевого события; за счет аксиологической модальности этим следствиям придает негативную оценку: *Parents face shock rise in childcare costs as government cuts bite. <...> Parents will be forced to pay higher fees for childcare this year because of a lack of government funding... Nurseries are being driven out of business, while staff feel stressed, demoralised and even suicidal* ‘Родители сталкиваются с шокирующим ростом расходов по уходу за ребенком в связи с сокращением государственного финансирования. <...> Родители будут вынуждены вносить более высокую плату за услуги детских учреждений в этом году из-за нехватки государственного финансирования... Детские дошкольные учреждения вытесняются из бизнеса, а сотрудники чувствуют стресс, деморализацию и даже склонность к суициду’. Именно негативный характер оценки следствий позволяет автору трансформировать событие-каузатор в проблему.

Трансформация ключевого события в проблему во введении новостных статей осуществляется с помощью имплицитной модальности важности. В тексте «Ливийский кризис: воздушный удар по единственному действующему аэропорту, когда тысячи людей спасаются бегством» (*Libya crisis: air strike at only working airport as thousands flee clashes*)³ задачей автора во вводной части текста является трансформация ключевого события *air strike* ‘воздушный удар’ в проблему. Для этого событие должно получить статус индикатора кризисной ситуации в стране, названной в заголовке – *Libya crisis* ‘ливийский кризис’. Для придания данному событию наибольшей значимости в отражении состояния страны используются следующие индикаторы модальности важности ключевого события: 1) глаголы (в том числе неличные формы), отражающие негативные последствия события: *flights were suspended* ‘полеты были приостановлены’; *passengers had to evacuate* ‘пассажирам пришлось эвакуироваться’; *citizens risk being cut off from vital services* ‘граждане рискуют быть изолированными от жизненно важных услуг’; 2) ограничительная частица *only*, с помощью которой автор иллюстрирует значимость данного события в эскалации кризиса: *An air strike has hit Tripoli's only functioning airport as rival factions battle for control of Libya's capital* ‘Воздушный удар поразил единственный действующий аэропорт Триполи, тогда как враждующие группировки сражаются за контроль над столицей Ливии’; 3) глаголы, содержащие эксплицитную отрицательную оценку: *Libya has been torn by violence, political instability and power struggles... International powers have started evacuating personnel from the country in recent days as the situation has deteriorated* ‘Ливия измучена насилием, политической нестабильностью и борьбой за власть... В последние дни международные силы начали эвакуацию персонала из страны, поскольку ситуация ухудшилась’. Таким образом, с помощью имплицитной модальности важности автору удается трансформировать ключевое событие в проблему, связать его с кризисной ситуацией, что способствует мотивации адресата к дальнейшему прочтению текста.

В информационной статье «Страхование от серьезных заболеваний – тот страховой полис, который может оказаться совершенно необходимым» (*Serious illness cover – the one insurance policy that can prove absolutely critical*)⁴ прагматической установкой автора является убеждение адресата в обязательности оформления страховки, покрывающей серьезные заболевания. Следовательно, промежуточной прагматической установкой во введении выступает мотивирование адресата к дальнейшему изучению ключевого концепта *serious illness cover* ‘серьезные заболевания’⁵. Ввиду того что высказывания с эксплицитной модальностью имеют большой перлокутивный эффект, для реализации данной установки автор использует эксплицитную модальность важности уже в заголовке: *...that can prove absolutely critical* ‘...который может оказаться совершенно необходимым’.

Модальность участвует в реализации амплифицирующей функции введения, которая заключается в расширении содержания заголовка: с помощью имплицитной модальности важности автор подтверж-

²Ferguson D. Parents in England face shock rise in childcare costs as government cuts bite [Electronic resource] // The Guardian. 2019 March 31. URL: www.theguardian.com/money/2019/mar/31/childcare-fees-rocket-lack-of-early-years-funding-nurseries-close (date of access: 25.10.2020).

³Libya crisis: air strike at only working airport as thousands flee clashes [Electronic resource] // BBC News. 2019 April 8. URL: <https://www.bbc.com/news/world-africa-47853478> (date of access: 25.10.2020).

⁴Thornhill J. Serious illness cover – the one insurance policy that can prove absolutely critical [Electronic resource] // The Guardian. 2019 March 31. URL: <https://www.theguardian.com/money/2019/mar/31/serious-illness-cover-the-one-insurance-policy-that-can-prove-absolutely-critical> (date of access: 25.10.2020).

⁵В связи с тем что модальность рассматривается с точки зрения текстообразования, необходимо определить коррелят темы в глубинной структуре. Таким коррелятом является ключевой концепт текста. Для мотивирования адресата к дальнейшему прочтению статьи автору нужно выделить тему (*serious illness cover*) из множества других концептов в тексте, т. е. сделать ее ключевым концептом – тем «квантом знания, предопределяющим интенциональное содержание текста и служащим источником его смыслопорождения» (см.: Ракитина С. В. Когнитивно-дискурсивное пространство научного текста : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.02. Волгоград, 2007. С. 23).

дает значимость ключевого концепта, эксплицированную в заголовке. В рассматриваемом тексте индикаторами имплицитной модальности важности ключевого концепта во введении служат: 1) динамический предикат, акцентирующий контраст между отношением к ключевому концепту ранее и на данный момент: *It has had a poor reputation in the past but providers insist things **have changed*** 'В прошлом у него была плохая репутация, но провайдеры утверждают, что все **изменилось**'; 2) лексические индикаторы аксиологической модальности: *...and the **benefits can be life-changing*** '...и **преимущества** могут изменить жизнь'; 3) иллюстративная модальность выражается в том, что автор посредством описания кризисной ситуации в конкретной семье иллюстрирует релевантность ключевого концепта в нейтрализации кризиса, и это мотивирует адресата к дальнейшему прочтению обобщающей, теоретической информации о ключевом концепте: *A cancer diagnosis is one of the **most stressful and frightening** things you can experience. Knowing my cancer could be removed and that my insurance had paid out so my family was **secure** were the two things that **helped me sleep at night*** 'Диагноз рак – одна из **самых стрессовых и пугающих** вещей, которые вы можете испытать. Знание того, что мой рак может быть излечен и моя страховка может быть выплачена, чтобы моя семья была в безопасности – это две вещи, которые **помогли мне спать по ночам**'. Таким образом, в информационных статьях, направленных на убеждение адресата в необходимости применения ключевого концепта, модальность важности повышает релевантность ключевого концепта, что важно для мотивирования адресата к дальнейшему изучению данного концепта.

Итак, для реализации промежуточной прагматической установки введения автору необходимо трансформировать ключевое событие в проблемную ситуацию или повысить значимость ключевого концепта, что реализуется с помощью различных видов модальности: иллюстративной, аксиологической модальности и модальности важности. Следовательно, данные виды модальности создают основу для выделения первой модальной доминанты, реализующей прагматическую установку введения и формирующей оценочную пресуппозицию к восприятию информации в основной части текста, – мотивационной модальности.

Прагматической установкой основной части является иллюстрация актуальности проблемы, введенной во вступительной части. Реализация данной установки возможна посредством усиления важности ключевого концепта текста: автору необходимо показать степень и сферы влияния данного концепта в настоящее время, а также в ближайшем будущем. В тексте «Родители в Англии сталкиваются с шокирующим ростом расходов по уходу за ребенком...» (*Parents in England face shock rise in childcare costs...*⁶) важность проблемы имплицитно усиливается с помощью такой тактики, как полисубъектность оценки: значимость проблемы усиливается за счет иллюстрации ее влияния на социальных субъектов (*parents* 'родители', *children* 'дети', *childcare providers* 'поставщики услуг по уходу за детьми', *childcare staff* 'персонал по уходу за детьми'). Благодаря данной модальной тактике автор иллюстрирует широту влияния ключевого концепта – направленность на различные слои общества: *Nearly half of providers fear they will go out of business in the next 12 months and 81 % say they are so stressed about financial viability it is affecting their mental health* 'Почти половина поставщиков боятся, что они прекратят свою деятельность в течение следующих 12 месяцев, и 81 % из них говорят, что они настолько обеспокоены финансовой жизнеспособностью, что это влияет на их психическое здоровье' (направленность на субъект *providers*); *Children with special educational needs and disabilities are also less attractive to providers now: 15 % said they plan to offer fewer places to these children over the next 12 months, reducing the need for specially qualified staff* 'Дети с особыми образовательными потребностями и инвалидностью также менее привлекательны для поставщиков: 15 % сказали, что планируют предложить этим детям меньше мест в течение следующих 12 месяцев, что уменьшит потребность в специально квалифицированном персонале' (направленность на субъекты *children, childcare staff*).

Релевантность проблемы повышается также посредством контраста модальных значений возможности/невозможности, который акцентирует глобальность, серьезность такого негативного последствия проблемы, как разделение, дезинтеграция общества: *Any relaxation of ratios will create a two-tier sector – those who **can** afford it have access to the right level of support and those who **can't**, don't* 'Любое ослабление соотношений создаст двухуровневый сектор: те, кто может себе это позволить, имеют доступ к нужному уровню поддержки, а те, кто **не может**, – нет'. Более того, автор иллюстрирует не только финансовую сторону проблемы, но и ее связь с рядом значимых факторов жизненного благополучия (в тексте показана негативная динамика этих факторов, обусловленная рассматриваемой проблемой): *When settings are forced to reduce staff, the **quality of education** children receive suffers* 'Когда обстоятельства вынуждают сокращать персонал, страдает **качество образования**, которое получают дети'; *We will see marginalisation of some segments of the **community*** 'Мы увидим маргинализацию некоторых

⁶Ferguson D. Parents in England face shock rise in childcare costs... [Electronic resource]. URL: www.theguardian.com/money/2019/mar/31/childcare-fees-rocket-lack-of-early-years-funding-nurseries-close (date of access: 25.10.2020).

сегментов **сообщества**'. Следовательно, показывая различные субъекты и сферы влияния данной проблемы, автор повышает ее важность для адресата.

Кроме того, для усиления значимости проблемы служит иллюстративная модальность, которая выполняет, во-первых, функцию обоснования (подтверждение достоверности, объективности авторской оценки ключевого события), во-вторых, рефлексивную функцию (отсылая к жизненному примеру, автор призывает читателя поставить себя на место рассказчика, что ведет к более острому восприятию и глубокому осознанию проблемы, а значит, повышению ее важности в глазах читателя): *Owner Lucy Lewin sold her home and borrowed £ 50,000 to invest in her business, but can't break even on the rates the government pays her. She is operating at 40 % capacity after she put up her fees to fill the funding shortfall, and lost 70 clients. Lewin's financial situation is taking its toll on her health. «I've been diagnosed with stress-induced irritable bowel syndrome. My consultant told me I need to reduce my stress levels», she said* 'Владелец Люси Левин продала свой дом и одолжила 50 тыс. фунтов стерлингов, чтобы инвестировать в бизнес, но не может даже повлиять на ставки, которые ей платит правительство. Она работает на 40 % мощности после того, как подняла плату, чтобы восполнить дефицит финансирования, и потеряла 70 клиентов. Финансовое положение Левин сказывается на ее здоровье. «Мне поставили диагноз синдром раздраженного кишечника, вызванный стрессом. Мой консультант сказал мне, что мне нужно снизить уровень стресса», – сказала она'.

Значимость проблемы усиливается за счет придания каузатору ключевого события отрицательной оценки. В приведенном ниже примере аксиологическая модальность присуща не только ключевому событию, но и его каузатору – концепту *government*. Индикаторами отрицательной оценки этого концепта являются: 1) модальность упрека по отношению к правительству (*The Early Years Alliance, a membership organisation, representing nurseries and childminders, has accused the government of turning a blind eye to the financial chaos...* 'Альянс ранних лет, членская организация, представляющая детские сады и няни, **обвинил правительство в том, что оно закрывает глаза** на финансовый хаос...'; *There is not enough funding and the government turns a blind eye to it* 'Финансирования недостаточно, **и правительство закрывает на это глаза**'); 2) сослагательное наклонение, с помощью которого автор намекает на безынициативность, отчужденность правительства (*It's time the government listened and acted* 'Правительству пора **прислушаться и действовать**').

Повышение релевантности концепта⁷ также необходимо в информационных статьях, в которых прагматической установкой является убеждение адресата в необходимости использования ключевого концепта в повседневной жизни. Например, в статье «Страхование от серьезных заболеваний...» (*Serious illness cover...*)⁸ прагматическая установка автора в основной части заключается в убеждении адресата в целесообразности оформления страховки – ключевого концепта текста *serious illness cover* 'страхование от серьезных заболеваний'. Реализация промежуточной прагматической установки происходит за счет повышения его релевантности посредством информирования – описания перспектив, преимуществ, связанных с ключевым концептом. Его значимость усиливается аксиологической модальностью, в частности, аксиологическими предикатами: *tax-free lump sum* 'безналоговая единовременная выплата', *life-changing benefits* 'изменяющие жизнь льготы', *guaranteed premiums* 'гарантированные премии', *more affordable monthly premium* 'более доступные ежемесячные премии'.

Необходимо добавить, что перлокутивный эффект аксиологической модальности может быть увеличен с помощью диалогической модальности. В примерах ниже автор использует такое средство диалогической модальности, как личные местоимения 2-го лица, в оценочном высказывании: *You can get a new plan with better terms at a lower cost* '**Вы** можете получить новый план с лучшими условиями по более низкой цене'; *By getting advice, you can target insurers that best suit your needs* 'Получая совет, **вы** можете выбрать страховщиков, которые наилучшим образом соответствуют вашим потребностям'. Обращаясь к адресату с помощью местоимения *you*, автор повышает иллокутивную силу оценочных лексем *better, best*, а значит, и перлокутивный эффект аксиологической модальности.

Затем значимость ключевого концепта усиливается за счет динамических глаголов или неличных форм, иллюстрирующих изменения страховой политики в лучшую сторону: *...but Emma Walker of insurance broker Life Search says providers have worked hard to improve definitions of the conditions covered* '...но Эмма Уолкер, страховой брокер Life Search, говорит, что провайдеры **работали** над улучшением определений охватываемых условий'; *Policies have improved vastly, with providers increasing the number of conditions covered and increasing the clarity around definitions of illnesses», adds Walker* «Стратегии

⁷Под повышением релевантности концепта понимается акцентирование его значимости для адресата.

⁸Thornhill J. Serious illness cover... [Electronic resource]. URL: <https://www.theguardian.com/money/2019/mar/31/serious-illness-cover-the-one-insurance-policy-that-can-prove-absolutely-critical> (date of access: 25.10.2020).

страхования **значительно улучшились**: провайдеры увеличивают количество покрываемых состояний и повышают точность определения болезней», – добавляет Уолкер’.

В повышении релевантности концепта также участвует иллюстративная модальность, с помощью которой акцентируется безопасность, надежность данного вида страховки: *Around 92 % of critical illness claims are paid, according to the Association of British Insurers, and this rises to 96 % for cancer claims* ‘По данным Ассоциации британских страховщиков, выплачивается около 92 % заявлений о критических заболеваниях, и этот показатель возрастает до 96 % по заявкам на лечение рака’.

Проиллюстрировав важность ключевого концепта, автор формирует оценочную пресуппозицию релевантности высказываний, в которых реализуется косвенный речевой акт «убеждение». Убеждение адресата в необходимости оформления страховки осуществляется с помощью: модальности совета (*But no one **should** ever cancel existing cover before speaking to a specialist broker* ‘Но никто **не должен** отменять существующее страхование, прежде чем говорить с брокером-специалистом’) и имплицитной модальности необходимости: (*But to ignore cover over fears that it might not pay out is a mistake* ‘Но игнорировать страхование из-за страха того, что оно может не окупиться, – ошибка’).

Прагматической установкой основной части является иллюстрация актуальности ключевого концепта посредством информирования. Реализация данной установки возможна за счет усиления важности ключевого концепта с помощью модальности, в частности, модальности важности. Именно повышение релевантности ключевого концепта позволяет автору осуществить воздействие через информирование, т. е. косвенно убедить адресата в актуальности ключевого концепта. Следовательно, указанные выше виды модальности формируют вторую модальную доминанту, реализующую промежуточную прагматическую установку основной части – когнитивную модальность. Она оформляет тактику аргументации и участвует в выведении нового знания о ключевом концепте, что приводит к усилению его значимости.

Прагматической установкой заключительной части аналитических статей является описание текущих, а также предполагаемых действий в будущем для решения социальной проблемы или минимизации ее негативных последствий. Это обуславливает наличие рациональной модальности, выражающей оценку действий с точки зрения целесообразности в решении проблемы. Более того, данная модальность необходима для оформления перспективно-акционального заключения (это ведущий тип заключения в аналитических статьях). В тексте «Родители в Англии сталкиваются с шокирующим ростом расходов по уходу за ребенком...» (*Parents in England face shock rise in childcare costs...*)⁹ рациональная модальность передает оценку текущих мер правительства с точки зрения возможности решения частной проблемы *rise in childcare costs* ‘рост стоимости ухода за детьми’: *We **are investing** around £ 3.5 bn on our early education entitlements this year alone... to help parents with their childcare costs so that every child has access to a high-quality early education. We **recognise** the need to keep our evidence base on costs up to date. We **continue to monitor** the market closely through a range of projects which provide insight into various aspects of the market* ‘Только в этом году мы **инвестируем** около 3,5 млрд фунтов стерлингов на дошкольное образование... с целью помочь родителям покрыть расходы по уходу за ребенком, чтобы каждый ребенок имел доступ к высококачественному дошкольному образованию. Мы **признаем** необходимость постоянно обновлять нашу базу данных о расходах. Мы **продолжаем внимательно следить** за рынком через ряд проектов, которые обеспечивают понимание различных аспектов рынка’. В данном случае рациональная модальность имплицитруется за счет акциональных, фазовых глаголов в форме настоящего времени, а также глаголов умственной деятельности, выражающих перспективы решения проблемы. Таким образом, акцентируя направленность действий на решение насущной проблемы с помощью рациональной модальности, автор убеждает адресата в актуальности, злободневности проблемы, что и является конечной прагматической установкой его текста.

В информационных статьях, направленных на убеждение адресата в необходимости применения ключевого концепта, прагматической установкой заключительной части выступает побуждение адресата к конкретным действиям, связанным с ключевым концептом. В материале «Страхование от серьезных заболеваний...» (*Serious illness cover...*)¹⁰ заключительная часть представляет собой информацию прескриптивного характера о необходимых действиях для получения страховки. Следовательно, побудительная и дебитивная модальность – модальные доминанты заключения: *Fully **disclose** your medical history when buying a policy... ‘Полностью **раскрывайте** вашу медицинскую историю при покупке полиса...’; **Speak to an expert broker...** ‘**Поговорите** с опытным брокером...’* (побудительная модальность); *Couples*

⁹Ferguson D. Parents in England face shock rise in childcare costs... [Electronic resource]. URL: www.theguardian.com/money/2019/mar/31/childcare-fees-rocket-lack-of-early-years-funding-nurseries-close (date of access: 25.10.2020).

¹⁰Thornhill J. Serious illness cover... [Electronic resource]. URL: <https://www.theguardian.com/money/2019/mar/31/serious-illness-cover-the-one-insurance-policy-that-can-prove-absolutely-critical> (date of access: 25.10.2020).

should consider separate policies ‘Пары **должны** рассмотреть отдельные страховые полисы’ (дебитивная модальность). Таким образом, усиливая релевантность ключевого концепта в основной части текста, модальность важности формирует оценочную пресуппозицию значимости прескриптивных высказываний в заключительной части текста.

Различные виды модальности в заключительной части текста создают базу для реализации последней модальной доминанты – импозитивной модальности. Данная модальная доминанта нужна для реализации конечной прагматической установки автора – убеждения адресата в актуальности проблемы или необходимости применения ключевого концепта.

На основе анализа функций видов текстовой модальности в публицистическом дискурсе можно заключить, что модальность является фактором реализации прагматических установок автора в структурных частях текста (таблица).

Виды модальности в публицистическом тексте

Types of modality in a publicistic text

Структурная часть текста	Виды модальности, формирующие модальную доминанту в тексте	Модальная доминанта
Введение	Аксиологическая Модальность важности	Мотивационная модальность
Основная часть	Аксиологическая Модальность важности Иллюстративная Диалогическая Модальность возможности/невозможности Модальность совета Модальность необходимости	Когнитивная модальность
Заключение	Рациональная Побудительная Дебитивная	Импозитивная модальность

Заключение

Категория модальности играет ключевую роль в реализации прагматической установки автора в публицистическом дискурсе. Различные виды текстовой модальности создают основу для формирования модальных доминант – мотивационной, когнитивной, импозитивной модальности. Данные доминанты являются факторами реализации промежуточных прагматических установок текста во вводной, основной и заключительных частях соответственно. Мотивационная модальность стимулирует адресата к дальнейшему прочтению текста за счет придания важности ключевому концепту текста. Когнитивная модальность осуществляет воздействие через информирование (интерпретацию) с помощью усиления значимости ключевого концепта. Импозитивная модальность необходима для убеждения адресата в правильности авторской позиции.

Различные виды текстовой модальности функционируют не изолированно, а во взаимодействии друг с другом. Это проявляется в том, что определенный вид текстовой модальности способен усиливать перлокутивный эффект другого модального значения (например, диалогическая модальность усиливает перлокутивный эффект аксиологической модальности). Изучение модальности имеет теоретическую и практическую значимость для текстообразования: функционально-семантический характер модальности позволяет автору использовать данную категорию для создания большого количества импликатур, необходимых для убеждения адресата в правильности авторской точки зрения.

Библиографические ссылки

1. Каминский П.П. Принципы исследования публицистики на современном этапе. *Вестник Томского государственного университета. Филология*. 2007;1:97–105.
2. Клущина НИ. *Стилистика публицистического текста*. Москва: Медиа-Мир; 2008. 242 с.

3. Клушина НИ. Лингвистика убеждения: интенциональные категории публицистического дискурса. *Медиаскоп* [Интернет]. 2008 [прочитано 10 сентября 2020 г.];1. Доступно по: <http://www.mediascope.ru/лингвистика-убеждения-интенциональные-категории-публицистического-текста>.
4. Солганик ГЯ. *Стилистика текста*. Москва: Флинта; 1997. 256 с. Совместно с издательством «Наука».
5. Селезнева ЛВ. Текстовая модальность в разных типах дискурса. *Ученые записки Российского государственного социального университета*. 2009;6:199–203.
6. Валгина НС. *Теория текста*. Москва: Логос; 2003. 280 с. (Учебник века).
7. Ваулина СС. К вопросу о структурно-содержательной природе модальности. *Вестник Калининградского государственного университета. Серия: Языки, литература и культура стран Балтийского моря*. 2004;1:14–19.
8. Орехова ЕН. *Субъективная модальность высказывания: форма, семантика, функции*. Москва: Издательство Московского государственного областного университета; 2011. 296 с.
9. Palmer FR. *Mood and modality*. 2nd edition. Cambridge: Cambridge University Press; 2001. 236 p. (Cambridge textbooks in linguistics).
10. Данилевская НВ. *Вариативные повторы как средство развертывания научного текста*. Пермь: Издательство Пермского университета; 1992. 144 с.
11. Ахраменко ЛС. Диалогическая модальность как фактор реализации воздействующей функции текста в английском языке. *Журнал Белорусского государственного университета. Филология*. 2020;2:74–83.
12. Ивин АА, Никифорович АЛ. *Словарь по логике*. Москва: Гуманитарный издательский центр ВЛАДОС; 1998. 383 с.
13. Кемеров ВЕ. *Современный философский словарь*. Кемеров ВЕ, редактор. Москва: Панпринт; 1998. 1064 с.
14. Тураева ЗЯ. Лингвистика текста и категория модальности. *Вопросы языкознания*. 1994;3:105–114.

References

1. Kaminsky PP. [The principles of the study of journalism at the present stage]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya*. 2007;1:97–105. Russian.
2. Klushina NI. *Stilistika publitsisticheskogo teksta* [Stylistics of a journalistic text]. Moscow: Media-Mir; 2008. 242 p. Russian.
3. Klushina NI. Linguistics of persuasion: the intentional categories of publicistic text. *Mediascope* [Internet]. 2008 [cited 2020 September 10];1. Available from: <http://www.mediascope.ru/лингвистика-убеждения-интенциональные-категории-публицистического-текста>. Russian.
4. Solganik GYa. *Stilistika teksta* [Stylistics of the text]. Moscow: Flinta; 1997. 256 p. Co-published by the «Nauka». Russian.
5. Selezneva LV. [Text modality in different types of a discourse]. *Uchenye zapiski Rossiiskogo gosudarstvennogo sotsial'nogo universiteta*. 2009;6:199–203. Russian.
6. Valgina NS. *Teoriya teksta* [Text theory]. Moscow: Logos; 2003. 280 p. (Uchebnik veka). Russian.
7. Vaulina SS. [Structural and content nature of modality (from modality of sentence to modality of text)]. *Vestnik Kaliningradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Yazyki, literatura i kul'tura stran Baltiiskogo morya*. 2004;1:14–19. Russian.
8. Orekhova EN. *Substantivnaya modal'nost' vyskazyvaniya: forma, semantika, funktsii* [Subjective modality of utterance: form, semantics, functions]. Moscow: Publishing House of the Moscow State Regional University; 2011. 296 p. Russian.
9. Palmer FR. *Mood and modality*. 2nd edition. Cambridge: Cambridge University Press; 2001. 236 p. (Cambridge Textbooks in Linguistics).
10. Danilevskaya NV. *Variativnye povtory kak sredstvo razvertyvaniya nauchnogo teksta* [Variative repetitions as a means of deploying a scientific text]. Perm': Publishing House of the Perm University; 1992. 144 p. Russian.
11. Akhramenko LS. Dialogical modality as a factor of implementation of the effecting text function in the English language. *Journal of the Belarusian State University. Philology*. 2020;2:74–83.
12. Ivin AA, Nikiforovich AL. *Slovar' po logike* [Dictionary of logic]. Moscow: Gumanitarnyi izdatel'skii tsentr VLADOS; 1998. 383 p. Russian.
13. Kemerov VE. *Sovremennyy filosofskii slovar'* [Modern philosophical dictionary]. Kemerov VE, editor. Moscow: Panprint; 1998. 1064 p. Russian.
14. Turaeva ZYa. [Lingvistika teksta i kategoriya modal'nosti]. *Voprosy yazykoznaniya*. 1994;3:105–114. Russian.

Статья поступила в редколлегию 24.12.2020.
Received by editorial board 24.12.2020.

ВАРИАТИВНОСТЬ ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИХ ДЕФИНИЦИЙ КАК ОТРАЖЕНИЕ ДИНАМИЧНОЙ ПРИРОДЫ ЛЕКСИЧЕСКОГО ЗНАЧЕНИЯ

В. В. ТУР¹⁾

¹⁾Минский государственный лингвистический университет, ул. Захарова, 21, 220034, г. Минск, Беларусь

Обосновывается подход, согласно которому структура и границы лексического значения формируются в процессе коммуникации. Предлагается новый взгляд на лексикографический дискурс как важнейший источник эмпирических данных о границах и типах вариативности лексического значения в языке. Описываются результаты сопоставительного анализа словарных определений наименований одежды, оружия и кулинаронимов в английском языке на материале пяти словарей. Цель исследования – выявить типы вариативности компонентной структуры и границ значений, зафиксированных в лексикографических дефинициях. Устанавливаются пять типов несоответствий семантических описаний: взаимозаменяемость имплицитующих друг друга дифференциальных признаков; несовпадение информационной насыщенности одного и того же участка семантики; вариативность выбранных категориальных признаков; несовпадение фреймов, в рамках которых может быть представлен тот же референт; дробление одного участка семантики на разное количество значений и их оттенков. Раскрываются особенности каждого типа несоответствий. Сделан вывод о невозможности представить значение в виде единственно верного набора признаков: структура и границы значения зависят от многих переменных факторов, в частности, от выбранной говорящим стратегии выражения этого значения, признаков, взятых в качестве ядра, принципов отграничения значения от других близких по смыслу семантических категорий и т. д.

Ключевые слова: лексическое значение; семантический потенциал; границы значения; тождество значения; вариативность значения; лексикографическая дефиниция.

ВАРЫЯТЫЎНАСЦЬ ЛЕКСІКАГРАФІЧНЫХ ДЭФІНІЦЫЙ ЯК АДЛЮСТРАВАННЕ ДЫНАМІЧНАЙ ПРЫРОДЫ ЛЕКСІЧНАГА ЗНАЧЭННЯ

В. В. ТУР^{1*}

^{1*}Мінскі дзяржаўны лінгвістычны ўніверсітэт, вул. Захарава, 21, 220034, г. Мінск, Беларусь

Абгрунтоўваецца падыход, згодна з якім структура і межы лексічнага значэння фарміруюцца ў працэсе камунікацыі. Прапануецца новы погляд на лексікаграфічны дыскурс як на найважнейшую крыніцу эмпірычных даных аб межах і тыпах варыятыўнасці лексічнага значэння ў мове. Апісваюцца вынікі супастаўляльнага аналізу слоўнікавых вызначэнняў найменняў адзення, зброі і кулінарнімаў у англійскай мове на матэрыяле пяці слоўнікаў. Мэта даследавання – выявіць тыпы варыятыўнасці кампанентнай структуры і меж значэнняў, зафіксаваных у лексікаграфічных дэфініцыях. Вызначаюцца пяць тыпаў неадпаведнасцей семантычных апісанняў: узаемазамяняльнасць дыферэнцыяльных прыкмет, якія імплікуюць адна адну; несупадзенне

Образец цитирования:

Тур ВВ. Вариативность лексикографических дефиниций как отражение динамичной природы лексического значения. *Журнал Белорусского государственного университета. Филология*. 2021;1:87–96.

For citation:

Tur VV. Variability of lexicographic definitions as a reflection of the dynamic nature of lexical meaning. *Journal of the Belarusian State University. Philology*. 2021;1:87–96. Russian.

Автор:

Виталий Викторович Тур – кандидат филологических наук; докторант кафедры общего языкознания.

Author:

Vitali V. Tur, PhD (philology); doctoral student at the department of general linguistics.
vitaly.tur@gmail.com

інфармацыйнай насычанасці таго ж ўчастка семантыкі; варыятыўнасць выбраных катэгарыяльных прыкмет; не-супадзенне фрэймаў, у межах якіх можа быць прадстаўлены той жа рэферэнт; драбненне аднаго ўчастка семантыкі на розную колькасць значэнняў і іх адценняў. Раскрываюцца асаблівасці кожнага тыпу неадпаведнасцей. Зроблена выснова пра немагчымасць прадставіць значэнне ў выглядзе адзінага правільнага набору прыкмет: структура і межы значэння залежаць ад многіх зменных фактараў, у прыватнасці, ад абранай стратэгіі выражэння гэтага значэння, прыкмет, узятых у якасці ядра, прынцыпаў адмежавання значэння ад іншых блізкіх па сэнсе семантычных катэгорый і г. д.

Ключавыя словы: лексічнае значэнне; семантычны патэнцыял; межы значэння; тоеснасць значэння; варыятыўнасць значэння; лексікаграфічная дэфініцыя.

VARIABILITY OF LEXICOGRAPHIC DEFINITIONS AS A REFLECTION OF THE DYNAMIC NATURE OF LEXICAL MEANING

V. V. TUR^a

^a*Minsk State Linguistic University, 21 Zacharava Street, Minsk 220034, Belarus*

An approach to the nature of lexical meaning is justified, according to which its structure and boundaries are formed in the process of communication. On this basis, a new look at lexicographical discourse is proposed, the latter being an important source of empirical data on the boundaries and types of variability of lexical meaning in the language. The paper presents the results of a comparative analysis of the dictionary definitions of the names of clothes, weapons and culinary names in English, which was carried out on the material of five dictionaries. The aim of the analysis is to identify types of variability of the component structure and the boundaries of senses described in lexicographic definitions. The features of the five identified types of variability in the semantic descriptions are revealed: the interchangeability of differential features implicating each other; the mismatch of the information saturation of the same semantic regions; the variability of categorical features; the variability of semantic frames; splitting the same semantic regions into different number of senses and sub-senses. It is concluded that it is impossible to represent a meaning in the form of the only true set of features – the structure and boundaries of lexical meaning depend on many variable factors, in particular, on the speaker's chosen strategy for representing this meaning, the features selected as the core, the principles of delimiting the meaning from other semantically close categories, etc.

Keywords: lexical meaning; semantic potential; boundaries of meaning; identity of meaning; variability of meaning; lexicographic definition.

Введение

Растущее осознание сложности когнитивной природы лексического значения со всей наглядностью предстает в метафорических образах, посредством которых лингвисты в разные времена пытались осмыслить онтологическую сущность данного феномена. За сравнительно недолгий период существования лексической семантики как отдельного раздела языкознания метафорическое описание языковых значений претерпело эволюцию от традиционного видения их в качестве отдельных кирпичиков смыслов (*building block metaphor* [1]) к их представлению в виде своеобразных окон, роль которых сводится к доступу к определенным участкам концептуальной структуры [2–5]. Однако даже столь расширенная, свободная в своей интерпретации метафора, как «окна в мир нашей психики», не может в полной мере охватить всей сложности феномена лексического значения. Как тонко замечено в работе З. А. Харитончик, «естественная ограниченность панорамы, открываемая из окна, ее потенциальная стабильность и неизменность, проистекающая из возможного постоянства и застывшего характера открываемого в окно вида» [6, с. 295], не позволяют с помощью данной метафоры передать изменчивый, динамичный характер семантики языкового знака. Как справедливо утверждает Р. Джекендофф, если и принять подобную метафору, то следует признать, что значение не столько окно, сколько кривое зеркало или «множество смотровых щелей с искривленными линзами. Лишь приглядевшись должным образом, мы можем рассмотреть различные ракурсы более общей, скрывающейся за ними картины»¹ [7, р. 69].

¹Здесь и далее перевод наш. – В. Т.

Метафора окна, помимо своей чрезмерной простоты и статичности, не позволяет должным образом представить значение еще и потому, что искажает его главную функцию. «Подглядывание» за тем, что находится по ту сторону языкового знака, вызывает интерес исключительно с точки зрения науки. Напротив, в процессе коммуникации для подавляющего большинства носителей языка доступ к содержательной стороне языковых единиц в большинстве случаев не требует малейших сознательных усилий.

В связи с этим более продуктивным выступает еще один вариант метафорического представления лексического значения, предложенный Д. Геерартсом. В соответствии с его подходом лексическое значение может быть уподоблено прожектору, выхватывающему из темноты участки концептов, необходимые для интерпретации сообщения [8, p. 137].

Данное сравнение открывает новые способы понимания природы лексического значения. Если до этого оно представлялось трудноуловимой, но все же достаточно стабильной сущностью, которая объективно существует «по ту сторону окна в мир психики», ожидая своего точного описания лингвистами или составителями словарей, то в случае с метафорой Д. Геерартса значение осмысливается скорее не в качестве сущности, а как процесс. Подобный подход заставляет пересмотреть многие традиционные аспекты науки о смысловой стороне языка, в частности, по-новому оценить теоретический потенциал, который несут в себе практические наработки лексикографов.

Теоретические основы исследования

Интерпретация природы лексического значения, соответствующая описанной метафоре Д. Геерартса, находит свое теоретическое обоснование в концепции значения Крофта и Круза. Подобно тому как прожектор в метафоре Д. Геерартса не означает ничего сам по себе, языковой знак в понимании У. Крофта и А. Круза не репрезентирует значения, а лишь отсылает к определенному концептуальному содержанию: «Ни слова, ни предложения не имеют значений: значение – это нечто, что мы конструируем, используя свойства языковых единиц в качестве частичных подсказок» [4, p. 98]. Слово, взятое вне контекста, обладает конкретными семантическими свойствами, семантическим потенциалом (*purport* [4, p. 100]), который, однако, не должен смешиваться с понятием **значения**, формируемого лишь в процессе коммуникации.

Идея значений, конструируемых онлайн, не нова в лингвистике (ср. [9; 10]). Вместе с тем особенность концепции Крофта и Круза состоит в том, что в ней впервые обращено внимание на *структурные* свойства конструируемых значений, которые отличают их от неформленного семантического потенциала. Он напрямую связан с концептуальной структурой, представляет собой гигантский объем мультимодальной информации, поступающей в мозг из различных каналов восприятия, и, судя по результатам сравнительно недавних исследований, вообще является бессознательным, а потому скрытым от методов прямого наблюдения (см. [7; 11]). При этом конструирование значения подразумевает разные этапы **интерпретации** семантического потенциала, на которых реализуется формирование структуры лексического значения.

Таким образом, благодаря разграничению понятий семантического потенциала и собственно лексического значения У. Крофту и А. Крузу удастся решить проблему соотношения размытости и неопределенности семантического содержания, с одной стороны, и возможности проведения четких границ между значениями многозначного слова – с другой. Границы значения слова являются результатом интерпретации его семантического потенциала, которая, в свою очередь, обусловлена контекстом сообщения. Важную роль при этом играет возможность закрепленности (*entrenchment*) за словом определенных способов интерпретации семантического потенциала. Наиболее востребованные и, соответственно, частотные способы создают иллюзию фиксированных в языке лексических значений.

При этом стоит обратить внимание на то, что приведенный подход к семантике позволяет по-новому оценить результаты лексикографических описаний. Если традиционно в когнитивной лингвистике сложилось скептическое отношение к работе составителей словарей из-за невозможности отразить в дефиниции гибкость и динамизм языкового значения, то в рассмотренной выше концепции словарные определения приобретают иное осмысление. Семантические дефиниции описывают не семантический потенциал слова, что, по-видимому, было бы невозможно в принципе, учитывая бессознательную форму хранения информации на данном уровне, а представляют собой примеры *интерпретации* этого потенциала, т. е. как раз и являются собственно **значениями**² в трактовке У. Крофта и А. Круза. Показательно, что словарные семантические дефиниции обладают всеми свойствами, которые, согласно указанной концепции, приобретает значение на этапах своего формирования. К данным свойствам относятся: образование внутренней структуры (*componetiality*), атомизация, т. е. очерчивание границ, референтная соотнесенность.

²В своей концепции для слова, взятого вне контекста, У. Крофт и А. Круз вводят промежуточное понятие предзначения (*pre-meaning*) [4, p. 103], однако данное разграничение не меняет сути настоящего исследования.

Особый интерес при этом вызывает вариативность признаковой структуры и границ значений в разных словарях при совпадении их референтной соотнесенности, которая впервые стала предметом специального анализа в исследовании З. А. Харитончик: если для большинства теорий значения несовпадение содержания дефиниций одного и того же слова из различных словарей служит свидетельством несовершенства или несостоятельности лексикографического описания, то в данном случае вариативность словарных определений говорит лишь о возможности конструирования на базе общего семантического потенциала значений разного объема и содержания [12]. Иными словами, по точному выражению автора, «вариативность лексикографических определений обуславливается самой динамичной природой лексических значений как репрезентантов соответствующих концептуальных структур нашего сознания» [12, с. 86].

Цель настоящей статьи – выявить типы вариативности компонентной структуры и границ значений в лексикографических дефинициях при совпадении их референтной соотнесенности. Для достижения данной цели был проведен сопоставительный анализ словарных определений наименований одежды, оружия и кулинаронимов в английском языке на материале пяти онлайн-словарей: *Cambridge English Dictionary*, *Merriam-Webster Dictionary*, *Collins English Dictionary*, *Oxford learner's dictionaries*, *Dictionary.com*. Далее продемонстрированы различные типы вариативности семантических описаний в словарях с учетом возрастания степени их смыслового расхождения.

Результаты и их обсуждение

Очевидным является тот факт, что формируемые границы значения зависят от его внутренней структуры. Если представить значение в виде набора необходимых и достаточных признаков, то его границы окажутся четко фиксированными и будут обусловлены тем, какие признаки войдут в него в качестве необходимых. Проблема, однако, заключается не только в невозможности определить постоянный набор семантических компонентов, но и в самой природе семантического признака. Исследователи в области различных когнитивных наук сходятся во мнении, что признаки не являются «строительными блоками», ингерентно присущими значению, а выступают частью **интерпретации** семантики слова [4, p. 88; 13, p. 91].

Так, в *CED* и *OLD* слову *stocking* ‘чулок’ в дефинициях приписывается признак *thin* ‘тонкий’, в то время как в *COBUILD* и *DC* данный признак не эксплицируется, зато называется материал изготовления, чего нет в двух других словарях: *usually made of nylon or silk* ‘обычно изготавливается из нейлона или шелка’. Возникает вопрос о том, какой из признаков является присущим значению, а какой – имплицированным. Очевидно, ответ зависит от выбора одного из двух возможных способов интерпретации (‘сделанный из нейлона или шелка’ => ‘тонкий’ vs ‘тонкий’ => ‘изготавливаемый из соответствующих материалов’). Данный выбор, в свою очередь, обусловит и установление допустимых границ значения: например, признак ‘тонкий’ не будет ограничивать материал изготовления нейлоном или шелком. Сравним и другие аналогичные примеры:

- *belt* ‘ремень’ – *strip of leather or cloth* ‘полоска из кожи или ткани’ (*COBUILD*) ↔ *a strip of flexible material* ‘полоска из гибкого материала’ (*MWD*);
- *pullover* ‘пуловер’ – *piece of clothing made of wool or cotton* ‘вид одежды, изготавливаемый из шерсти или хлопка’ (*OLD*) ↔ *piece of clothing that is usually made of a warm material such as wool* ‘вид одежды, обычно изготавливаемый из теплых материалов, таких как шерсть’ (*CED*);
- *slipper* ‘тапочек’ – *loose, soft shoe* ‘свободная, мягкая туфля’ (*COBUILD*, *OLD*) ↔ *comfortable shoe* ‘удобная туфля’ (*CED*);
- *t-shirt* ‘майка’ – *simple* ‘простая’ (*CED*) ↔ *informal* ‘неформальная’ (*OLD*);
- *bow* ‘лук’ – *consisting of piece of wood or metal* ‘состоит из деревянного или металлического элемента’ (*OLD*) ↔ *made of a strip of flexible material (such as wood)* ‘изготовлен из гибкого материала (например, дерева)’ (*MWD*);
- *sword* ‘меч’ – *sharp* ‘острый’ (*CED*) ↔ *for cutting or thrusting* ‘для резки и прокалывания’ (*MWD*);
- *tank* ‘танк’ – *covered with strong metal* ‘покрыт прочным металлом’ (*OLD*) ↔ *designed to protect those inside it from attack* ‘спроектирован для защиты от атаки на тех, кто внутри’ (*CED*);
- *steak* ‘стейк’ – *cut from a fleshy part of a beef carcass* ‘вырезается из мясной части говяжьей туши’ (*MWD*) ↔ *without much fat on it* ‘без большого количества жира’ (*COBUILD*) ↔ *good quality* ‘высокого качества’ (*OLD*);
- *breakfast* ‘завтрак’ – *the first meal of the day* ‘первый прием пищи в течение дня’ (*OLD*) ↔ *a meal eaten in the morning* ‘утренний прием пищи’ (*CED*).

Во всех приведенных выше примерах взаимообусловленность противопоставляемых признаков очевидна. Однако нередко подобные имплицативные связи могут быть установлены далеко не каждым

носителем языка. Например, общеизвестным является тот факт, что бумеранг возвращается к бросившему при искусном броске (*comes back to you if you throw it* ‘возвращается при броске обратно’ (COBUILD)), однако об особенностях формы бумеранга, обеспечивающих данное свойство, могут знать не все: *typically flat on one side and rounded on the other so that it soars or curves in flight* ‘обычно плоский на одной стороне и закругленный на другой, таким образом описывает дугу при полете’ (MWD). В случае несовпадения связей между признаками или отсутствия данных связей у разных носителей языка следует констатировать, что фактически говорящие будут приписывать одному и тому же референту **разные** значения, отличающиеся объемом признаков, но разница между этими значениями будет столь мала, что не нарушит взаимопонимания при использовании слова в речи. Рассмотрим другие примеры значений, в структуре которых имплицативная связь между признаками может быть менее очевидной для разных носителей языка:

- *dart* ‘дротик’ – [*with a pointed shaft at one end and*] *feathers at the other* ‘с заостренным стержнем на одном конце и перьями на другом’ (MWD) $\approx$ *sometimes with feathers to help it fly* ‘иногда с перьями, улучшающими полет’ (OLD);

- *tank* ‘танк’ – *driven by wheels that turn inside moving metal belts* ‘приводится в движение колесами, вращающимися внутри металлических гусениц’ (CED) $\approx$ *can travel over very rough ground using wheels that move inside metal belts* ‘может ездить по очень неровным поверхностям земли, используя колеса, которые вращаются внутри металлических гусениц’ (OLD).

Наконец, имплицативные связи между признаками и вовсе способны утратить релевантность для языкового коллектива. Неудивительно, что ни в одном словаре не включен в дефиницию слова *trousers* ‘брюки’ такой признак, как ‘созданный для удобства езды верхом’, но зафиксирован признак *covering each leg separately* ‘покрывают каждую ногу отдельно’ (MWD), что следует запомнить как ничем не обусловленную данность. Это справедливо и для значения слова *shirt* ‘рубашка’: ни современные словари, ни носители языка, не являющиеся историками моды, не хранят знаний о том, по какой причине отличительными признаками рубашки стали такие элементы, как воротник, рукава, манжеты и пуговицы.

Помимо вариативности имплицативных связей между признаками, следует отметить, что даже абсолютно тождественные признаки, описывающие одно и то же свойство, одинаковую характеристику или часть денотата, могут различаться по объему входящей в них информации: *nunchuk* ‘нунчаки’ – *consisting of two sticks linked loosely with a chain or fine rope* ‘состоят из двух стержней, соединенных короткой цепочкой или тонким шнуром’ (COBUILD) vs *consisting of two foot-long hardwood sticks joined by a chain or thick cord that stretches to body width* ‘состоят из двух стержней длиной 1 фут, из твердых пород дерева, соединенных цепочкой или толстым подвесом, растягивающимся на ширину тела’ (DC).

Сравнение двух приведенных выше дефиниций наглядно демонстрирует, что ни один признак в значении не является конечным, мельчайшим элементом его структуры, поскольку сам выступает репрезентантом сложного концепта [13, p. 85], структура которого может быть при необходимости детализирована. С этой точки зрения границы значения устанавливаются самим говорящим (в данном случае – составителями словарей) и зависят от выбранной им глубины структуры, нужной для адекватной реализации коммуникативного акта:

- *rifle* ‘ружье’ – *with a rifled bore* ‘с нарезной частью канала ствола’ (MWD) $\approx$ *with spiral grooves cut in the inner surface of the gun barrel* ‘со спиралевидной нарезкой на внутренней поверхности ствола’ (DC);

- *bomb* ‘бомба’ – *...detonate under specified conditions* ‘...детонирует при определенных условиях’ (MWD) $\approx$ *exploded by means of a fuze, by impact, or otherwise* ‘взрывается посредством детонатора, под определенным воздействием или иным способом’ (DC);

- *dress* ‘платье’ – *covers the body and part or all of the legs* ‘покрывает тело и часть или всю длину ног’ (COBUILD) $\approx$ *covers the top half of the body and hangs down over the legs* ‘покрывает верхнюю часть тела и свободно ниспадает вдоль ног’ (CED).

Продемонстрированная выше вариативность имплицативных межпризнаковых отношений, а также несовпадение информационной насыщенности одного и того же участка семантики в разных словарях могут быть охарактеризованы как случаи минимальной вариативности границ лексического значения. Более существенные расхождения в дефинициях имеют место в тех случаях, когда в основу семантического описания положены совершенно разные и не предполагающие друг друга признаки. Так, при определении значения слова *slippers* ‘тапки’ в MWD используется стратегия толкования через значение словообразовательной основы деривата (*easily slipped on the foot* ‘легко надевается на ногу’), в то время как в других словарях – через описание телической функции денотата (*for casual wear in the home* ‘для повседневного ношения в доме’ (OLD, CED, COBUILD)). Означает ли данный факт, что все или какие-то из противопоставленных словарей неверно отразили реальную семантическую структуру слова? Полагаем, что вариативность лексикографических описаний в этом случае лишь передает

тот факт, что семантическое содержание слова *slippers* возможно структурировать в рамках несовпадающих границ значения: а) если говорящему достаточно обозначить прототип категории, в основу структуры могут лечь знания о том, что денотат используется в доме; б) если коммуникативная ситуация требует расширения референтной зоны, релевантный дифференциальный признак может быть сменен на более общий (ср. пример из источника *Urban dictionary*: *Renee wore a pair of street slippers to work and enjoyed their comfort all day long* ‘На работе Рени носила тапочки для улицы, наслаждаясь комфортом весь день’).

Сравним и другие примеры несовпадения выбранного дифференциального признака, демонстрирующие «свободу выбора тех квантов знания, которые становятся представителями всей концептуальной структуры» [12, с. 86]:

- *pistol* ‘пистолет’ – *a small gun* ‘боевое техническое средство небольшого размера’ (COBUILD) ≠ *a handgun whose chamber is integral with the barrel* ‘ручное огнестрельное оружие, у которого патронник соединен со стволом’ (MWD);

- *rifle* ‘ружье’ – *a gun with a long barrel* ‘огнестрельное оружие с длинным стволом’ (CED, COBUILD, OLD) ≠ *weapon with a rifled bore* ‘оружие с рифленным стволовым каналом’ (MWD);

- *t-shirt* ‘майка’ – *light-weight* ‘легкая’ (CD) ≠ *simple* ‘простая’ (CED);

- *shoe* ‘туфля’ – *having a thick or stiff sole... and an upper part of lighter material (such as leather)* ‘состоит из толстой или твердой подошвы... и верхней части более легкого материала (например, кожи)’ (MWD) ≠ *usually made of a strong material such as leather* ‘обычно из прочного материала, например, кожи’ (CED);

- *tunic* ‘туника’ – *loose + covers the top part of your body* ‘свободная + укрывает верхнюю часть тела’ (CED) ≠ *sleeveless + worn on the top part of your body* ‘без рукавов + укрывает верхнюю часть тела’ (COBUILD) ≠ *hip-length or longer* ‘до бедер или длиннее’ (MWD) ≠ *reaches to the hips and is worn over trousers or a skirt* ‘достигает бедер и носится поверх юбки или брюк’ (OLD, CD).

Анализ дефиниций в разных словарях показывает, что при совпадении референтной соотношенности варьирование семантического описания может происходить на уровне не только дифференциальных, но и категориальных признаков: *blouse* ‘блузка’ – *a kind of shirt worn by a girl or woman* ‘вид рубашки для женщин’ (COBUILD) ≠ *a piece of clothing like a shirt that women wear* ‘предмет одежды для женщин, похожий на рубашку’ (CED, OLD) ≠ *a usually lightweight, loose-fitting garment for women...* ‘обычно легкий, свободный предмет одежды для женщин...’ (DC)).

Как видно, если в первом случае блузка включается в категорию рубашек как подвида, то во втором категория блузок лишь сравнивается с семантически близкой категорией рубашек, но между ними устанавливается граница (*like a shirt* ‘как рубашка’). В третьем случае выявляется, что связь с рубашкой для конструирования дефиниции вообще нерелевантна.

Описанный случай – один из многочисленных зафиксированных в словарях примеров, которые демонстрируют, что наличие в структуре значения определенного категориального признака не является для него раз и навсегда данной характеристикой, но оказывается результатом выбора говорящего в процессе коммуникации. Это, конечно, не отменяет того очевидного факта, что одни категориальные признаки могут стать для языкового коллектива гораздо более закрепленными в структуре какого-нибудь значения, чем другие. Гибкость, которую составители словарей показывают при выборе категориальных признаков в качестве основы дефиниции, хорошо соотносится и с результатами исследования процессов категоризации в психологии. Так, например, в своих многочисленных экспериментах Л. Барсалу убедительно продемонстрировал, с какой легкостью и быстротой люди конструируют новые для себя категории (*ad hoc* категории), выбирая необходимые признаки онлайн [14].

Сравним и другие примеры вариативности категориальных признаков в словарях:

- *sock* ‘носок’ – *a piece of clothing* ‘предмет одежды’ (CED) ← *a short stocking* ‘короткий чулок’ (DC);

- *mitten* ‘варежка’ – *a hand covering* ‘одежда для рук’ (DC) ← *a type of glove* ‘вид перчатки’ (CED);

- *cap* ‘кепка’ – *a head covering* ‘одежда для головы’ (MWD) ← *a type of... hat* ‘вид... шляпы’ (OLD);

- *grenade* ‘граната’ – *a small bomb* ‘небольшой снаряд, бомба’ (CED) ≈ *a small missile* ‘небольшой снаряд, метательный снаряд’ (MWD) ≈ *a small shell* ‘небольшой снаряд, граната’ (DC);

- *dagger* ‘кинжал’ – *a short knife* ‘короткий нож’ (CED) ≠ *weapon like a knife* ‘оружие, похожее на нож’ (COBUILD) ≈ *a swordlike weapon* ‘оружие, похожее на меч’ (DC);

- *pizza* ‘пицца’ – *a large circle of flat bread baked with...* ‘большой круг хлеба, запеченного с...’ → *a dish* ‘блюдо’ (MWD) ← *flat, open-faced pie* ‘плоский открытый пирог’ (DC).

Наконец, при анализе неустойчивости категориального признака важно обратить внимание и на то, что его варьирование может повлечь перестройку всей структуры значения. Сравним две приведенные ниже дефиниции значения слова *catapult* ‘катапульта’:

- *a weapon used... to throw heavy stones* ‘оружие, используемое... для метания тяжелых камней’ (OLD);

• *a device that can throw objects at a high speed* ‘приспособление для метания предметов на большой скорости’ (CED).

Если в первом случае признак разрушительной скорости метания имплицитно выражается самим категориальным признаком *weapon* ‘оружие’, то во втором признак скорости должен эксплицитно войти в структуру значения.

Когда речь идет о наборе признаков как о **структуре** значения, то в рамках когнитивной лингвистики под данным термином понимается определенная модель организации и представления знания, впервые наиболее эксплицитно сформулированная Ч. Филлмором (лингвистическое понятие фрейма [15]) и затем получившая более детальную разработку в работах Дж. Лакоффа (понятие идеальной когнитивной модели [16]).

Ч. Филлмор писал: «Под термином “фрейм” я имею в виду любую систему понятий, соотносящихся таким образом, что, чтобы постигнуть одно из них, необходимо понимать всю структуру, в которую оно входит» [15, р. 111]. Ярким подтверждением мысли автора служат конструируемые лексикографами дефиниции, в которых наличие тех или иных смысловых компонентов зависит от выбранной единой стратегии семантического описания, общей рамки представления значения.

Так, для определения значений наименований одежды требуется представление денотата в контексте человеческого тела (*a head covering* ‘одежда для головы’, *a hand covering* ‘одежда для рук’ и т. д.). При этом менее обязательным, но наиболее частотным по сравнению с другими является заполнение следующих информационных блоков: 1) конструктивные элементы; 2) форма и материал изготовления изделия или его отдельных частей (ср.: *shoe* ‘туфля’ – ...*typically having a thick or stiff sole with an attached heel and an upper part of lighter material (such as leather)* ‘...обычно имеет толстую или плотную подошву с каблуком и верхней частью из более легкого материала (например, кожи)’ (MWD)).

Иные типы фреймов используются реже, а выбор «обрамляющего» денотат контекста разительно варьируется для разных лексем и для одного и того же слова в разных словарях:

- способ ношения (*stocking* ‘чулок’ – *held in place by suspenders* ‘фиксируются с помощью подвязок’ (только в COBUILD));
- способ надевания (только для одного слова из проанализированных: *pullover* ‘пуловер’ – *put on by pulling it over your head* ‘надевается через голову’ (CEO, COBUILD, DC, MWD, DLC));
- сезонный/погодный контекст (*hat* ‘шляпа’ – *worn... to give protection from the weather* ‘носят... для защиты от непогоды’ (только в COBUILD));
- социально-культурный или культурно-исторический контекст (*blouse* ‘блузка’ – *worn especially by workmen, artists, and peasants* ‘носят в особенности рабочие, художники и крестьяне’ (только в MWD)) и др.

В семантическом описании наименований оружия центральными блоками информации становятся знания о конструктивных особенностях денотата (*saber* ‘сабля’ – ...*with a slightly curved blade* ‘...с немного изогнутым лезвием’ (CED)), а также способов и механизмов его использования (*rifle* ‘винтовка’ – ...*fired from the shoulder* ‘...удерживается с упором в плечо’ (CED); *crossbow* ‘арбалет’ – ...*aimed like a gun* ‘...нацеливается, как ружье’; *machine gun* ‘пулемет’ – *deliver a... fire of bullets as long as the trigger is pressed* ‘стреляет очередью пуль до тех пор, пока нажат спусковой курок’ (DC)). Иные фреймы, частотность употребления которых варьируется в значительно большей степени, представляют собой включение денотата в следующие типы контекстов:

- область применения (*spear* ‘копье’ – ...*used for fighting, hunting and fishing in the past* ‘...в прошлом используемый для сражений, охоты и рыбалки’ (только в OLD));
- характер наносимых повреждений (...*damages or destroys a large area* ‘повреждает или уничтожает обширные территории’ (только в COBUILD));
- социально-культурный контекст (*sword* ‘меч’ – ...*often used as a symbol of honor or authority* ‘...часто используется как символ почитания и власти’ (только в CED и OLD));
- культурно-исторический контекст (*boomerang* ‘бумеранг’ – ...*used in traditional Japanese martial arts* ‘...использовались в традиционных японских боевых искусствах’ (только в CED)) и др.

Для семантического описания наименований блюд и кулинарных изделий ядерными модулями информации являются знания о составляющих ингредиентах и способах приготовления обозначаемого денотата (*soup* ‘суп’ – *made by boiling meat, fish, or vegetables in water* ‘отвар из мяса, рыбы или овощей’). При этом менее устойчивой и варьирующейся областью семантики оказываются знания, включенные в следующие фреймы:

- способ употребления в пищу (*usually hot...* ‘обычно горячий...’ (только в CED));
- способ сервировки (*omelet* ‘омлет’ – ...*served folded in half* ‘...подается сложенным наполовину’ (только в CED));

- социально-культурные нормы (...often eaten as a dessert ‘...часто служит в качестве десерта’ (только в OLD));
- национально-культурный контекст (pasta ‘паста’ – ...of Italian origin ‘...итальянского происхождения’ (только в OLD и DC)) и др.

Приведенные примеры наглядно демонстрируют, что включение тех или иных признаков в структуру значения зависит от выбранного ракурса рассмотрения денотата, иными словами – от способа организации информации, к которой отсылает языковой знак.

Если несовпадения на уровне отдельных признаков были охарактеризованы как случаи минимальной вариативности, то выбор разных фреймов для организации семантической структуры значения ведет к макросдвигам в семантике слова. Это проявляется в том, что на определенном этапе та или иная фреймовая структура может достичь степени автономности, достаточной для интерпретации ее как отдельного значения или оттенка значения.

Так, в случае со словом *gown* ‘платье, мантия, халат, тога и т. д.’ в значении какого-либо вида одежды наблюдаются следующие лексикографические несовпадения: в COBUILD и CED приводятся два значения, в OLD – три, в DC – пять, в MWD – одно значение и пять оттенков значения. Анализ семантических описаний показывает, что основанием для возможности объединения смыслов в рамках одного значения в данном случае является общий категориальный признак ‘одежда’, а также очевидное сходство денотатов по форме (*a long, loose piece of clothing* ‘длинная свободная одежда’ (COBUILD)). Напротив, разделение значений или их оттенков базируется на противопоставлении фреймов, содержащих информацию о предназначении денотата. Рассмотрим дефиницию из CED: *gown* – 1. *A woman's dress... worn on formal occasions* ‘женское платье... которое надевают по особым случаям’; 2. *A long, loose piece of clothing... for a particular purpose (hospital gown)* ‘длинный, свободный предмет одежды... для определенной цели (медицинский халат)’.

Результат анализа дефиниций в остальных словарях показывает, что дальнейшее увеличение количества значений идет по линии дробления более общего фрейма и конкретизации признака *for a particular purpose* ‘для определенной цели’:

- *gown* ‘халат’ – 2. ...Worn... by judges and (in the UK) by other lawyers, and by members of universities ‘...носят... судьи и (в Великобритании) адвокаты, а также сотрудники университета’ (OLD);
- *gown* ‘халат’ – 2. *Nightgown* ‘ночная рубашка’; 3. *Dressing gown* ‘домашний халат, купальный халат’; 4. *Evening gown* ‘вечернее платье’ (DC).

Наконец, в MWD в качестве еще одного отдельного значения обособляется фрейм, в котором денотат включается в культурно-исторический контекст: *gown* ‘тога’ – *a loose flowing outer garment formerly worn by men* ‘свободный ниспадающий предмет верхней одежды, который в прошлом носили мужчины’.

Обособление того или иного участка семантики как отдельного значения или оттенка значения зависит от его закрепленности (*entrenchment*) в языковом коллективе, от «степени освоенности, воспроизводимости, привычности речевого факта» [17, с. 538]. Примером данного процесса является автономизация значения *dish* ‘блюдо’ для слова *pasta* ‘паста’. Отделение значения ‘приготовленная паста’ в данном случае будет обусловлено его распространенностью в качестве блюда, подаваемого в кафе и ресторанах, где фрейм, включающий особенности и процесс приготовления, утрачивает релевантность с точки зрения потребителя (*pasta* ‘паста’ – 1. *Paste in processed form...* ‘тесто, подвергшееся технологической обработке...’; 2. *A dish of cooked pasta* ‘приготовленная паста, блюдо’ (MWD)).

Напротив, *dart* ‘дротик’ как наименование оружия не выделяется в качестве отдельного значения ни в одном из проанализированных словарей ввиду утраченной релевантности данного фрейма для современного языка (*dart* ‘дротик’ – *a small pointed object... shot as a weapon or thrown in the game of darts* ‘небольшой заостренный объект... которым стреляют в качестве оружия или который бросают при игре в дартс’ (OLD)).

Заключение

Понимание лексического значения как динамического феномена, формирующегося в режиме онлайн, заставляет по-новому взглянуть на процесс его описания, ведь если значение образуется в момент использования в дискурсе, то процесс его формулирования одновременно является созданием нового значения³. С этой точки зрения конструирование лексикографической дефиниции представляет собой динамический когнитивный процесс, наблюдая за результатами которого можно приблизиться к пониманию конструирования структуры и определения границ лексического значения в процессе коммуникации.

³Сравним следующий диалог, в котором конструирование дефиниции одновременно является и созданием уникального лексического значения с простейшей структурой признаков: *Что такое шелковица? – Это такое дерево. Огромное дерево, а на нем черные сладкие ягоды* [18].

В данной статье были проанализированы выявленные типы несоответствий семантических описаний в разных словарях: 1) взаимозаменяемость имплицитующих друг друга дифференциальных признаков; 2) несовпадение информационной насыщенности одного и того же участка семантики; 3) вариативность выбранных категориальных признаков; 4) несовпадение фреймов, в рамках которых может быть представлен тот же референт; 5) дробление одного участка семантики на разное количество значений и их оттенков.

В большинстве работ по лексической семантике подобная вариативность лексикографических описаний ставилась в упрек лексикографам, а основным аргументом против адекватности словарных дефиниций служило замечание о том, что толкования значений варьируются в зависимости от целей, которые ставят перед собой составители того или иного словаря [19]. В настоящей работе данный факт рассмотрен с иной точки зрения: цели лексикографов при определении значения в глубинном смысле не отличаются от целей, которые ставит перед собой каждый носитель языка, вынужденный заново конструировать значение слова при его использовании в речи: «Определенный и специфический тип социально значимого дискурса управляется теми же закономерностями, что и коммуникация в целом» [12, с. 87].

Продemonстрированные в статье примеры свидетельствуют о невозможности представить значение в виде единственно верного набора признаков. Структура и границы значения зависят от многих переменных факторов, в частности, от выбранной говорящим стратегии представления этого значения, признаков, выбранных в качестве ядра, принципов отграничения значения от других близких по смыслу семантических категорий и т. д. Поэтому исследование вариативности лексикографических описаний может оказаться важнейшим источником эмпирических данных о тех когнитивных механизмах, которые лежат в основе формирования лексического значения в языке.

Сокращения

CED – Cambridge English dictionary [Electronic resource]. URL: <https://dictionary.cambridge.org/> (date of access: 19.01.2021); **COBUILD** – Collins English dictionary [Electronic resource]. URL: <https://www.collinsdictionary.com/dictionary/english> (date of access: 19.01.2021); **DC** – Dictionary.com. English word meanings and definitions [Electronic resource]. URL: <https://www.dictionary.com/> (date of access: 19.01.2021); **MWD** – Merriam-Webster Dictionary [Electronic resource]. URL: <https://www.merriam-webster.com/> (date of access: 19.01.2021); **OLD** – Oxford learner's dictionaries [Electronic resource]. URL: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/> (date of access: 19.01.2021).

Библиографические ссылки

1. Taylor JR. Metaphors of linguistic knowledge: the generative metaphor vs the mental corpus. In: I. Ibarretxe-Antuñano I, Inchaurralde C, Sánchez-García J, editors. *Language, mind, and the lexicon*. Frankfurt: Peter Lang AG; 2007. p. 69–103.
2. Pinker S. *The stuff of thought: language as a window into human nature*. New York: Penguin Group; 2007. 499 p.
3. Evans V, Green M. *Cognitive linguistics: an introduction*. Edinburgh: Edinburgh University Press; 2006. 856 p.
4. Croft W, Cruse DA. *Cognitive linguistics*. New York: Cambridge University Press; 2004. 374 p.
5. Кубрякова ЕС. *Язык и знание: на пути получения знаний о языке. Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира*. Москва: Языки славянской культуры; 2004. 560 с.
6. Харитончик ЗА. «Спящие» компоненты семантики лексических единиц». В: Ермакова ОП, Петрова ОО, Савина ЕН, редакторы. *Семантика и прагматика языковых единиц. Доклады международной научной конференции; 20–22 сентября 2019; Калуга, Россия*. Калуга: Калужский государственный университет имени К. Э. Циолковского; 2019. с. 286–299.
7. Jackendoff RA. *A user's guide to thought and meaning*. New York: Oxford University Press; 2012. 288 p.
8. Geeraerts D. *Words and other wonders. Papers on lexical and semantic topics*. Berlin: Mouton de Gruyter; 2006. 503 p. DOI: 10.4000/lexis.1840.
9. Moore T, Carling C. Understanding language: towards a post-Chomskyan linguistics. *Journal of Linguistics*. 1984;20(2):374–378.
10. Lakoff G, Sweetser E. Foreword. In: Fauconnier G. *Mental spaces*. Cambridge: Cambridge University Press; 1994. p. ix–x.
11. Zabolotkina VI, Boyarskaya EL. On the challenge of polysemy in contemporary cognitive research. What is conscious and what is unconscious. *Psychology in Russia: State of the Art*. 2017;10(3):28–39. DOI: 10.11621/pir.2017.0302.
12. Харитончик ЗА. Изменчивость и вариативность лексикографического дискурса. В: Институт за български език «Професор Любомир Андрейчин» при Българска академия на науките. *70 години българска академична лексикография. Доклади от Шестата национална конференция с международно участие по лексикография и лексикология; 24–25 октомври 2012 г.; София, България*. София: Академично издателство «Професор Марин Дринов»; 2013. с. 81–88.
13. Hampton JA. Psychological representations of concepts. In: Conway MA, editor. *Cognitive models of memory*. Hove: Psychology Press; 1997. p. 81–110.
14. Barsalou LW. Ad hoc categories. *Memory and Cognition*. 1983;11(3):211–227.
15. Fillmore CJ. Frame Semantics. In: Linguistic Society of Korea. *Linguistics in the morning calm. Selected papers from CICOL-1981*. Seoul: Hanshin Publishing Company; 1982. p. 111–137.
16. Lakoff G. *Women, fire, and dangerous things what categories reveal about the mind*. Chicago: The University of Chicago Press; 1987. 373 p. DOI: 10.7208/chicago/9780226471013.001.0001.

17. Горбачевич КС, Сороколетов ФП. Значение и оттенок в лексикографической практике. *Известия АН СССР. Серия литературы и языка*. 1975;34(6):535–541.
18. Kilgariff A. Dictionary word sense distinctions: an enquiry into their nature. *Computers and the Humanities*. 1992;26(5–6): 365–387.
19. Тайц А. Настоящее лето. *Сибирские огни* [Интернет]. 2012 [процитировано 15 ноября 2020 г.]. Доступно по: <http://www.sibogni.ru/content/nastoyashchee-let>.

References

1. Taylor JR. Metaphors of linguistic knowledge: the generative metaphor vs the mental corpus. In: I. Ibarretxe-Antuñano I, Inchaurrealde C, Sánchez-García J, editors. *Language, mind, and the lexicon*. Frankfurt: Peter Lang AG; 2007. p. 69–103.
2. Pinker S. *The stuff of thought: language as a window into human nature*. New York: Penguin Group; 2007. 499 p.
3. Evans V, Green M. *Cognitive linguistics: an introduction*. Edinburgh: Edinburgh University Press; 2006. 856 p.
4. Croft W, Cruse DA. *Cognitive linguistics*. New York: Cambridge University Press; 2004. 374 p.
5. Kubrjakova ES. *Yazyk i znanie: na puti polucheniya znaniy o yazyke. Chasti rechi s kognitivnoi tochki zreniya. Rol' yazyka v poznanii mira* [Language and knowledge: towards acquiring the knowledge about language: parts of speech from the cognitive point of view. The role of language in the world cognition]. Moscow: Yazyki slavyanskoi kul'tury; 2004. 560 p. Russian.
6. Haritonchik ZA. [Hidden meanings in the semantics of lexical units]. In: Ermakova OP, Petrova OO, Savina EN, editors. *Semantika i pragmatika yazykovykh edinit. Doklady mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii; 20–22 sentyabrya 2019; Kaluga, Rossiya*. [Semantics and pragmatics of language units. Theses of reports at the International scientific conference; 2019 September 20–22; Kaluga, Russia]. Kaluga: Tsiolkovsky Kaluga State University; 2019. p. 286–299. Russian.
7. Jackendoff RA. *A user's guide to thought and meaning*. New York: Oxford University Press; 2012. 288 p.
8. Geeraerts D. *Words and other wonders. Papers on lexical and semantic topics*. Berlin: Mouton de Gruyter; 2006. 503 p. DOI: 10.4000/lexis.1840.
9. Moore T, Carling C. Understanding language: towards a post-Chomskyan linguistics. *Journal of Linguistics*. 1984;20(2):374–378.
10. Lakoff G, Sweetser E. Foreword. In: Fauconnier G. *Mental spaces*. Cambridge: Cambridge University Press; 1994. p. ix–x.
11. Zabolotnikova VI, Elena LB. On the challenge of polysemy in contemporary cognitive research: What is conscious and what is unconscious. *Psychology in Russia: State of the Art*. 2017;10(3):28–39. DOI: 10.11621/pir.2017.0302.
12. Haritonchik ZA. [Flexibility and variability of lexicographic discourse]. In: Institut za balgarski ezik «Profesor Lyubomir Andreychin» pri Balgarska akademiya na naukite. *70 godini balgarska akademichna leksikografiya. Dokladi ot Shestata natsionalna konferentsiya s mezhdunarodno uchastie po leksikografiya i leksikologiya; 24–25 oktomvri 2012 g.; Sofiya, Bulgariya* [The 70th anniversary of bulgarian academic lexicography. Thesis of reports at the 6th national conference with international participation; 2012 October 24–25; Sofia, Bulgaria]. Sofia: Akademichno izdatelstvo «Profesor Marin Drinov»; 2013. p. 81–88. Russian.
13. Hampton JA. Psychological representations of concepts. In: Conway MA, editor. *Cognitive models of memory*. Hove: Psychology Press; 1997. p. 81–110.
14. Barsalou LW. Ad hoc categories. *Memory and Cognition*. 1983;11(3):211–227.
15. Fillmore CJ. Frame Semantics. In: Linguistic Society of Korea. *Linguistics in the morning calm. Selected papers from CICOL-1981*. Seoul: Hanshin Publishing Company; 1982. p. 111–137.
16. Lakoff G. *Women, fire, and dangerous things what categories reveal about the mind*. Chicago: The University of Chicago Press; 1987. 373 p. DOI: 10.7208/chicago/9780226471013.001.0001.
17. Gorbachevich KS, Sorokolev FP. [Senses and sub-senses in Lexicographic practices]. *Izvestiya Akademii nauk SSSR. Seriya literatury i yazyka*. 1975;34(6):535–541. Russian.
18. Kilgariff A. Dictionary word sense distinctions: an enquiry into their nature. *Computers and the Humanities*. 1992;26(5–6): 365–387.
19. Tait A. Real summer. *Siberian lights* [Internet]. 2012 [cited 2020 November 15]. Available from: <http://www.sibogni.ru/content/nastoyashchee-let>. Russian.

Статья поступила в редколлегию 07.07.2020.
Received by editorial board 07.07.2020.

**К XVII МЕЖДУНАРОДНОМУ СЪЕЗДУ СЛАВИСТОВ
(г. Париж, Франция, 2023)**

**ДА XVII МІЖНАРОДНАГА З'ЕЗДА СЛАВІСТАЎ
(г. Парыж, Францыя, 2023)**

**TO THE XVII INTERNATIONAL CONGRESS OF SLAVISTS
(Paris, France, 2023)**

27–28 жніўня 2020 прайшло анлайн-пасяджэнне Міжнароднага камітэта славістаў, на якім разглядаліся пытанні падрыхтоўкі да XVII Міжнароднага з'езда славістаў, што адбудзецца ў 2023 г. у Парыжы (Францыя). На пасяджэнні абмеркавана і зацверджана тэматыка з'езда, вызначаны формы яго работы, квоты ўдзелу ў з'ездзе для нацыянальных дэлегацый, тэрміны падачы заявак і інш.

Традыцыйна работа з'езда пройдзе ў форме секцыйных пасяджэнняў, тэматычных блокаў, круглых сталоў і прэзентацый. Будзе арганізавана кніжная выстаўка славістычнай літаратуры, апублікаванай за папярэднія пяць гадоў. Таксама адбудуцца рабочыя пасяджэнні камісій, акрэдытаваных пры Міжнародным камітэце славістаў, і пленум Міжнароднага камітэта славістаў.

ТЭМАТЫКА XVII МІЖНАРОДНАГА З'ЕЗДА СЛАВІСТАЎ

Тэматычныя секцыі:

1. Мова.
2. Літаратура, культура, фальклор.
3. Пытанні гісторыі і тэорыі славістыкі.
4. Спецыяльныя тэмы з'езда.

1. МОВА

1.1. Параўнальна-гістарычныя і арэальныя даследаванні славянскіх моў.

1.1.1. Паходжанне праславянскай мовы.

1.1.1.1. Пытанне ўзаемадзеяння праславянскай мовы з прабалтыйскай мовай.

1.1.1.2. Праславянская мова і яе дыялекты.

1.1.2. Славянскі плотагенез.

1.1.2.1. Уплыў неславянскіх моў і моўных груп на развіццё славянскіх моў (славяна-германскія, славяна-італійскія, славяна-кельцкія, славяна-іранскія, славяна-цюркскія, славяна-балканскія, славяна-балтыйскія і славяна-уграфінскія моўныя адносіны ў мінулым).

1.1.3. Этымалогія.

1.2. Гісторыя славянскіх моў.

1.1.1. Развіццё славянскіх моў ва ўмовах моўнага кантакту.

1.1.2. Гістарычная граматыка славянскіх моў.

1.1.3. Гістарычная семантыка і лексікалогія славянскіх моў.

- 1.1.4. Уплыў стараславянскай і царкоўнаславянскай моў на фарміраванне славянскіх літаратурных моў.
- 1.1.5. Узаемаадносіны нацыянальных літаратурных моў і народных дыялектаў у розныя перыяды гісторыі.

1.3. Дыялекталогія славянскіх моў.

- 1.2.1. Славянская лінгвагеаграфія і арэалогія.
- 1.2.2. Стан сучасных славянскіх дыялектаў.
- 1.2.3. Гісторыя развіцця славянскіх дыялектаў.
- 1.2.4. Дыялектная лексікаграфія і лексікалогія.
- 1.2.5. Мова горада.
- 1.2.6. Дыялектная інтэрферэнцыя.
- 1.2.7. Інфармацыйныя дыялектныя фонды.

1.4. Анамастыка.

- 1.3.1. Анамастычная этымалогія.
- 1.3.2. Анамастычная лексікаграфія.
- 1.3.3. Картаграфаванне славянскай анамастычнай прасторы.
- 1.3.4. Анамастычная кантакталогія.
- 1.3.5. Гістарычная семантыка ўласных імён.
- 1.3.6. Праблемы тэрміналогіі ў анамастыцы.

1.5. Граматыка, семантыка і прагматыка сучасных славянскіх літаратурных моў.

- 1.4.1. Фанетыка-фаналагічныя і прасадзічныя характарыстыкі славянскіх моў.
- 1.4.2. Акцэнталогія славянскіх моў.
- 1.4.3. Словазмяненне славянскіх моў: марфалогія, структура парадгм, склад і спосабы выражэння граматычных катэгорый.
- 1.4.4. Словаўтварэнне славянскіх моў: марфалогія і семантыка.
- 1.4.5. Граматычная семантыка славянскіх моў. Славянская аспекталогія.
- 1.4.6. Фармальны і функцыянальны сінтаксіс славянскіх моў. Славянскія мовы і граматыка канструкцый.
- 1.4.7. Прагматыка ў даследаваннях славянскіх моў.
- 1.4.8. Дыскурсіўны аналіз тэксту.
- 1.4.9. Тэарэтычныя і метадалагічныя аспекты вывучэння граматыкі славянскіх моў.
- 1.4.10. Тыпалагічныя і супастаўляльныя даследаванні граматыкі славянскіх моў.

1.6. Лексікалогія, семантыка і стылістыка сучасных славянскіх моў.

- 1.5.1. Лексіка славянскіх моў і сістэмныя адносіны ў лексіцы.
- 1.5.2. Лексікаграфія славянскіх моў. Анлайн слоўнікі славянскіх моў.
- 1.5.3. Фразеалогія славянскіх моў.
- 1.5.4. Лінгвістычная і функцыянальная стылістыка славянскіх моў.
- 1.5.5. Тэарэтычныя і метадалагічныя аспекты лексічных, семантычных і стылістычных даследаванняў славянскіх моў.
- 1.5.6. Славянскае тэрміназнаўства і тэрмінаграфія.
- 1.5.7. Тыпалагічнае і супастаўляльнае вывучэнне лексікалогіі, семантыкі і стылістыкі сучасных славянскіх моў.

1.7. Міждысцыплінарныя даследаванні славянскіх моў.

- 1.6.1. Сацыялінгвістыка (моўныя сітуацыі, моўныя паводзіны ў славянскім свеце).
- 1.6.2. Моўная палітыка.
 - 1.6.2.1. Нацыянальныя (славянскія) праграмы моўнай палітыкі.
 - 1.6.2.2. Моўная палітыка і адукацыйная палітыка Еўрасаюза і вывучэнне славянскіх моў як замежных.
 - 1.6.2.3. Шматмоўе.
 - 1.6.2.4. Славянскія мінарытарныя мовы.
- 1.6.3. Псіха- і нейралінгвістыка.
- 1.6.4. Лінгвакультуралогія.
- 1.6.5. Этналінгвістыка.
- 1.6.6. Камп'ютарная лінгвістыка.

- 1.6.7. Корпусная лінгвістыка.
- 1.6.8. Інтэрнэт-рэсурсы славянскіх моў.
- 1.8. **Стандартызацыя і норма славянскіх моў.**
 - 1.7.1. Праблемы нарміравання славянскіх моў.
 - 1.7.2. Праблемы правапісу і графематыкі.
 - 1.7.3. Развіццё норм літаратурнай мовы.
 - 1.7.4. Інтэрнэт-камунікацыя і праблемы сучаснай нормы ў славянскіх мовах.

2. ЛІТАРАТУРА, КУЛЬТУРА, ФАЛЬКЛОР

- 1.1. **Міждысцыплінарныя даследаванні славянскіх літаратур.**
 - 1.1.1. Тэксталагічныя даследаванні славянскіх літаратур.
 - 1.1.2. Лічбавыя тэхналогіі ў славянскім літаратуразнаўстве.
 - 1.1.3. Узаемадзеянне славянскіх літаратур з неславянскімі.
 - 1.1.4. Славянскія літаратуры і культуры ў эпоху інфармацыйных тэхналогій.
 - 1.1.5. Славянскія літаратуры і культуры ў супастаўляльнай, міжлітаратурнай і міжкультурнай перспектыве.
- 1.2. **Развіццё славянскага пісьменства.**
 - 1.2.1. Славянскае пісьменства на розных этапах яго развіцця.
 - 1.2.2. Пісьмовая традыцыя Кірылы і Мяфодзія і яе ўспрыняцце ў славянскіх літаратурах.
 - 1.2.3. Новыя выданні помнікаў славянскага пісьменства.
- 1.3. **Славянскія літаратуры і Сярэдневякоўе.**
 - 1.3.1. Паэтыка сярэдневяковай літаратуры.
 - 1.3.2. Жанры сярэдневяковай літаратуры.
 - 1.3.3. Узаемасувязі славянскіх літаратур і культур у Сярэдневякоўі.
 - 1.3.4. Узаемаадносіны паміж славянскай, візантыйскай і заходнееўрапейскай кніжнасцю да Новага часу.
- 1.4. **Гісторыя славянскіх літаратур.**
 - 1.4.1. Развіццё стылістычных сістэм у славянскіх літаратурах.
 - 1.4.2. Жанры ў славянскіх літаратурах.
 - 1.4.3. Тэорыя, гісторыя верша і параўнальная славянская метрыка.
 - 1.4.4. Літаратурныя традыцыі і славянскія літаратуры сёння.
 - 1.4.5. Узаемасувязі і кантакты славянскіх літаратур і культур.
 - 1.4.6. Тэарэтычныя аспекты даследавання сучасных славянскіх літаратур.
- 1.5. **Пераклады славянскіх літаратур як культурны трансфер.**
 - 1.5.1. Міжславянскія і славяна-неславянскія пераклады.
 - 1.5.2. Лінгвістычныя аспекты перакладу.
 - 1.5.3. Пераклады твораў антычнай, візантыйскай, іўдзейска-хрысціянскай, іўдзейскай і ісламскай традыцый у славянскіх літаратурах.
 - 1.5.4. Пераклад як складнік філасофскай, рэлігійнай і палітычнай думкі славян.
- 1.6. **Літаратурна-гістарычныя веды, літаратурная крытыка і публіцыстыка.**
 - 1.6.1. Перыёдыка ў славянскіх літаратурах і культурах: пасрэднік, паказчык змен у паэтыцы, стылі і жанравай сістэме.
 - 1.6.2. Дэкананізацыя і рэканструкцыя (нацыянальнай) гісторыі літаратуры.
 - 1.6.3. Публіцыстыка і СМІ: пытанні культурнай і літаратурнай ідэнтычнасці.
 - 1.6.4. Славянская літаратурная крытыка і яе сістэма каштоўнасцей.
- 1.7. **Славянскія літаратуры – рэлігія – філасофія – палітыка – культура.**
 - 1.7.1. Філасофская, рэлігійная і палітычная думка славян.
 - 1.7.2. Спадчына антычнасці, візантыйскай і іўдзейска-хрысціянскай традыцый у славянскіх літаратурах і культурах.
 - 1.7.3. Дыялог *Усход – Заход* у славянскіх літаратурах і культурах.
 - 1.7.4. Узаемапраганікальнасць славянскіх літаратур і культур.

1.8. Славянскія літаратуры і культурная спадчына ў XXI ст.

- 1.8.1. Еўрапеізацыя/глабалізацыя і славянскія літаратуры.
- 1.8.2. Літаратурныя і культурныя «ўтопіі» – панславізм сёння.
- 1.8.3. Славістыка і праблемы (пост)каланіялізму ў сучасным свеце.
- 1.8.4. Праблема бежанства/высылкі/(э)міграцыі ў славянскіх літаратурах і культурах.
- 1.8.5. Мы і іншыя (у антрапалагічным і сацыяльным аспекце) у славянскіх літаратурах і культурах.
- 1.8.6. Гендарныя пытанні ў славянскіх літаратурах і культурах.
- 1.8.7. Еўрапейскія літаратурныя і культурныя парадыгмы і славянскія літаратуры і культуры.
- 1.8.8. Літаратура славянскіх дыяспар.

1.9. Славянскі фальклор, фалькларыстыка і міфалогія ў сусветным кантэксце.

- 1.9.1. Славянскі фальклор і іншыя этнакультурныя традыцыі: паралелі і ўзаемадзеянне.
- 1.9.2. Збіральнікі і даследчыкі фальклору, якія ўнеслі ўклад у славістыку.
- 1.9.3. Міфалагічныя асновы славянскага фальклору.
- 1.9.4. Слова і абрад.
- 1.9.5. Агульнае і рэгіянальнае ў фальклоры.
- 1.9.6. Тэксталогія і праблемы выдання помнікаў фальклору.
- 1.9.7. Фальклор і літаратура.
- 1.9.8. Сучасны фальклор і яго жанры. Постфальклор.
- 1.9.9. Фальклор як фактар самаідэнтыфікацыі этнічных супольнасцей у іншаэтнічным асяроддзі.

3. ПЫТАННІ ГІСТОРЫІ І ТЭОРЫІ СЛАВІСТЫКІ

1.1. Гісторыя славістыкі.

- 1.1.1. Славістычныя школы і іх уклад у лінгвістыку, літаратуразнаўства і фальклор.
- 1.1.2. Славістыка ў аспекце гісторыі адукацыі і педагагічных ідэй.
- 1.1.3. Славістыка ў XX стагоддзі: напрамкі, супярэчнасці, канфлікты, спрэчкі і спадчына.
- 1.1.4. Спадчына знакамітых славістаў.
- 1.1.5. Гістарыяграфія славістыкі ў розных нацыянальных традыцыях.
- 1.1.6. Развіццё славістычнай бібліяграфіі.

1.2. Тэорыя і метадалогія славістыкі.

- 1.2.1. Традыцыя і інавацыя ў метадалогіі славістыкі.
- 1.2.2. Славістыка і новыя навуковыя парадыгмы ў гуманітарных навуках.
- 1.2.3. Славістыка і вывучэнне культуры.
- 1.2.4. Славістыка і міждысцыплінарнасць.

1.3. Перспектывы славістыкі.

- 1.3.1. Напрамкі развіцця славістыкі ў XXI ст.
- 1.3.2. Славістыка і працэсы глабалізацыі.
- 1.3.3. Славянскі свет за межамі Еўропы.

1.4. Тэарэтыка-метадалагічныя аспекты вывучэння і выкладання славянскіх моў, літаратур і культур.

- 1.4.1. Праблемы і перспектывы выкладання славянскіх моў, літаратур і культур.
- 1.4.2. Напрамкі сучасных даследаванняў у галіне выкладання славянскіх моў, літаратур і культур.

4. СПЕЦЫЯЛЬНЫЯ ТЭМЫ З'ЕЗДА

- 4.1. Славістыка ў неславянскіх краінах.
- 4.2. Неславісты ў славістыцы.

Заяўкі на секцыйныя даклады і тэматычныя блокі павінны адпавядаць зацверджанай тэматыцы. Абавязковым патрабаваннем да секцыйных дакладаў з'яўляецца выкарыстанне моўных, літаратурных, фальклорных і іншых фактаў розных славянскіх падгруп (усходне-, заходне- і паўднёvasлавянскай).

Арганізацыйны камітэт XVII Міжнароднага з'езда славістаў устанавіў наступны рэгламент удзелу ў з'ездзе: адзін удзельнік мае права выступіць толькі з двума дакладамі (адзін секцыйны даклад і адзін даклад на тэматычным блоку).

Заяўкі на секцыйныя даклады дасылаюцца ў Беларускаму камітэту славістаў у адпаведнасці з прыведзенай ніжэй формай па электроннай пошце на адрас alukashanets@tut.by да 30 верасня 2021 г.

Узор заяўкі

Звесткі пра дакладчыка	
1.	Прозвішча, імя, імя па бацьку (калі ёсць)
2.	Вучонае званне, установа
3.	Адрас электроннай пошты
4.	Службовы адрас (з указаннем індэкса)
5.	Дамашні адрас (з указаннем індэкса)
Звесткі пра даклад	
6.	Шыфр тэмы (у адпаведнасці з зацверджанай Міжнародным камітэтам славістаў тэматыкай з'езда)
7.	Назва даклада
8.	Анатацыя (да 500 знакаў з прабеламі)

Заяўкі на тэматычныя блокі падаюцца арганізатарам блока, які фармулюе назву блока і фарміруе склад удзельнікаў блока ў адпаведнасці з наступнымі патрабаваннямі:

- колькасць удзельнікаў тэматычнага блока: 3–8 чалавек;
- даклады могуць рыхтавацца на любой мове, але ў адным тэматычным блоку могуць удзельнічаць не больш за два прадстаўнікі з адной краіны;
- тэматычны блок уключае ўступны даклад (20 хвілін) і даклады іншых удзельнікаў блока (15 хвілін);
- заяўка на тэматычны блок уключае анатацыю ўсяго блока і анатацыі кожнага даклада (аб'ём кожнай анатацыі – да 1000 знакаў з прабеламі).

Арганізатар (мадэратар) тэматычнага блока бярэ на сябе адказнасць за своєчасовае прадстаўленне ў арганізацыйны камітэт з'езда ўсёй неабходнай інфармацыі і апублікаванне матэрыялаў блока.

Заяўкі на тэматычныя блокі прымаюцца да 1 мая 2021 г. на адрас арганізацыйнага камітэта з'езда temblok2023@orange.fr, а таксама на адрас Беларускага камітэта славістаў alukashanets@tut.by.

Па ўсіх пытаннях, звязаных з падачай заявак на ўдзел у XVII Міжнародным з'езде славістаў, звяртацца ў Беларускі камітэт славістаў (тэл. +375 (29) 684-15-94, Аляксандр Лукашанец).

А. А. Лукашанец,
старшыня Беларускага камітэта славістаў

АННОТАЦИИ ДЕПОНИРОВАННЫХ В БГУ РАБОТ

АННОТАЦЫІ ДЭПАНІРАВАННЫХ У БДУ ПРАЦ

INDICATIVE ABSTRACTS OF THE PAPERS DEPOSITED IN BSU

УДК 811.124(075.8)

Латинский язык [Электронный ресурс] : электрон. учеб.-метод. комплекс для спец. 1-21 05 04 «Славянская филология» / БГУ ; сост.: О. Г. Прокопчук, Ю. А. Сединина-Барковская, К. А. Тананушко. Электрон. текстовые дан. Минск : БГУ, 2020. 138 с. : табл. Библиогр.: с. 136–138. Режим доступа: <https://elib.bsu.by/handle/123456789/249130>. Загл. с экрана. Деп. в БГУ 09.10.2020, № 012609102020.

Электронный учебно-методический комплекс (ЭУМК) предназначен для студентов специальности 1–21 05 04 «Славянская филология». Содержание ЭУМК предполагает изучение следующих вопросов: история латинского языка; роль латинского языка в истории европейской культуры в разные исторические периоды; фонетика, морфология и синтаксис латинского языка; теоретические и практические основы перевода с латинского языка.

УДК 811.581(075.8)

Введение в межкультурную коммуникацию [Электронный ресурс] : электрон. учеб.-метод. комплекс для спец. 1-21 05 07 «Восточная (китайская) филология» / БГУ ; сост.: Го Цзиньлун, М. А. Татьянаенко. Электрон. текстовые дан. Минск : БГУ, 2020. 82 с. : табл. Библиогр.: с. 80–82. Режим доступа: <https://elib.bsu.by/handle/123456789/249265>. Загл. с экрана. Деп. в БГУ 15.10.2020, № 012915102020.

Электронный учебно-методический комплекс (ЭУМК) по учебной дисциплине «Введение в межкультурную коммуникацию» для специальности 1-21 05 07 «Восточная (китайская) филология» включает в себя пояснительную записку, отражающую структуру ЭУМК, а также цели и задачи учебной дисциплины, требования к ее освоению, особенности структурирования содержания учебного материала и организации учебной работы; теоретический раздел, раскрывающий основные понятия дисциплины; практический раздел с текстами для чтения и анализа; раздел контроля знаний с образцами упражнений для практических занятий или самостоятельного выполнения, примерами заданий к зачету; вспомогательный раздел, содержащий учебно-программные материалы, перечень литературы, рекомендуемой для изучения дисциплины. ЭУМК предназначен для студентов филологического факультета БГУ, также может быть использован студентами и преподавателями других учреждений высшего образования.

УДК 811.581'36(075.8)

Практическая грамматика восточного иностранного языка [Электронный ресурс] : электрон. учеб.-метод. комплекс для спец. 1-21 05 07 «Восточная (китайская) филология» / БГУ ; сост.: Го Цзиньлун, М. А. Татьянаенко. Электрон. текстовые дан. Минск : БГУ, 2020. 80 с. : табл. Библиогр.: с. 76–80. Режим доступа: <https://elib.bsu.by/handle/123456789/249473>. Загл. с экрана. Деп. в БГУ 15.10.2020, № 013015102020.

Электронный учебно-методический комплекс (ЭУМК) по учебной дисциплине «Практическая грамматика восточного иностранного языка» для специальности 1-21 05 07 «Восточная (китайская) филология» включает в себя пояснительную записку, отражающую структуру ЭУМК, а также цели и задачи учебной дисциплины, требования к ее освоению, особенности структурирования содержания учебного материала и организации учебной работы; теоретический раздел по такому языковому аспекту, как грамматика; практический раздел с образцами упражнений для практических занятий, а также

для самостоятельного выполнения; раздел контроля знаний с примерами УСР и экзаменационной письменной работы; вспомогательный раздел, содержащий учебно-программные материалы, перечень литературы, рекомендуемой для изучения дисциплины. ЭУМК предназначен для студентов филологического факультета БГУ, также может быть использован преподавателями и студентами других учреждений высшего образования.

УДК 811.581'367(075.8)

Синтаксис восточного иностранного языка [Электронный ресурс] : электрон. учеб.-метод. комплекс для спец. 1-21 05 07 «Восточная (китайская) филология» / БГУ ; сост.: Го Цзиньлун, М. А. Татьяненко. Электрон. текстовые дан. Минск : БГУ, 2020. 103 с. : табл. Библиогр.: с. 102–103. Режим доступа: <https://elib.bsu.by/handle/123456789/249489>. Загл. с экрана. Деп. в БГУ 15.10.2020, № 013115102020.

Электронный учебно-методический комплекс (ЭУМК) по учебной дисциплине «Синтаксис восточного иностранного языка» для специальности 1-21 05 07 «Восточная (китайская) филология» включает в себя пояснительную записку, отражающую структуру ЭУМК, а также цели и задачи учебной дисциплины, требования к ее освоению, особенности структурирования содержания учебного материала и организации учебной работы; теоретический раздел по такому языковому аспекту, как грамматика; практический раздел с образцами упражнений для практических занятий, а также для самостоятельного выполнения; раздел контроля знаний с примерами УСР и задания к зачету; вспомогательный раздел, содержащий учебно-программные материалы, перечень литературы, рекомендуемой для изучения дисциплины. ЭУМК предназначен для студентов филологического факультета БГУ, также может быть использован преподавателями и студентами других учреждений высшего образования.

УДК 811.581'271(075.8)

Речевой этикет восточного иностранного языка [Электронный ресурс] : электрон. учеб.-метод. комплекс для спец. 1-21 05 07 «Восточная филология» / БГУ ; сост. Фу Сюеин. Электрон. текстовые дан. Минск : БГУ, 2020. 56 с. : табл. Библиогр.: с. 55–56. Режим доступа: <https://elib.bsu.by/handle/123456789/253000>. Загл. с экрана. Деп. в БГУ 17.12.2020, № 014717122020.

Электронный учебно-методический комплекс (ЭУМК) предназначен для студентов специальности 1-21 05 07 «Восточная филология». Содержание ЭУМК предполагает изучение речевого этикета современного китайского языка, освоение практических навыков применения правил речевого этикета.

УДК 811.581'342(075.8)

Вводно-фонетический курс восточного иностранного языка [Электронный ресурс] : электрон. учеб.-метод. комплекс для спец. 1-21 05 07 «Восточная (китайская) филология» / БГУ ; сост. П. С. Бабкина. Электрон. текстовые дан. Минск : БГУ, 2020. 44 с. : ил. Библиогр.: с. 42–44. Режим доступа: <https://elib.bsu.by/handle/123456789/253331>. Загл. с экрана. Деп. в БГУ 22.12.2020, № 015122122020.

Электронный учебно-методический комплекс (ЭУМК) по учебной дисциплине «Вводно-фонетический курс восточного иностранного языка» для специальности 1-21 05 07 «Восточная (китайская) филология» включает в себя пояснительную записку, отражающую структуру ЭУМК, а также цели и задачи учебной дисциплины, требования к ее освоению, особенности структурирования содержания учебного материала и организации учебной работы; теоретический раздел; практический раздел с образцами упражнений для практических занятий; раздел контроля знаний с примерами УСР и экзаменационной работы; вспомогательный раздел, содержащий учебно-программные материалы, перечень литературы, рекомендуемой для изучения дисциплины.

ЭУМК предназначен для студентов филологического факультета БГУ; также может быть использован студентами других учреждений высшего образования.

УДК 811.581'35(075.8)

Основы иероглифики [Электронный ресурс] : электрон. учеб.-метод. комплекс для спец. 1-21 05 07 «Восточная (китайская) филология» / БГУ ; сост. П. С. Бабкина. Электрон. текстовые дан. Минск : БГУ, 2020. 52 с. : ил. Библиогр.: с. 49–52. Режим доступа: <https://elib.bsu.by/handle/123456789/253334>. Загл. с экрана. Деп. в БГУ 22.12.2020, № 015222122020.

Электронный учебно-методический комплекс (ЭУМК) по учебной дисциплине «Основы иероглифики» для специальности 1-21 05 07 «Восточная (китайская) филология» включает в себя пояснительную записку, отражающую структуру ЭУМК, а также цели и задачи учебной дисциплины, требования к ее освоению, особенности структурирования содержания учебного материала и организации учебной работы; теоретический раздел; практический раздел с образцами упражнений для практических

занятий; раздел контроля знаний с примерами УСР и экзаменационной работы; вспомогательный раздел, содержащий учебно-программные материалы, перечень литературы, рекомендуемой для изучения дисциплины.

ЭУМК предназначен для студентов филологического факультета БГУ; также может быть использован студентами других учреждений высшего образования.

УДК 81'33(06)

Прикладная лингвистика: наследие и современность [Электронный ресурс] : (к 80-летию со дня рождения профессора В. А. Карпова и 70-летию со дня рождения профессора Л. Н. Чумак) : материалы науч. чтений (Минск, 16 окт. 2020 г.) / БГУ ; [редкол.: Т. В. Бобко (отв. ред.) и др.]. Электрон. текстовые дан. Минск : БГУ, 2020. 148 с. : табл. Режим доступа: <https://elib.bsu.by/handle/123456789/253602>. Загл. с экрана. Деп. в БГУ 28.12.2020, № 015528122020.

В сборнике представлены материалы научных чтений, в которых рассматриваются проблемы прикладной лингвистики: лингвистическая семантика, язык в коммуникативно-прагматическом измерении, влияние на развитие языка социокультурных процессов, актуальные вопросы методики преподавания филологических дисциплин.

Адресован научным работникам, преподавателям-филологам, аспирантам, студентам, а также всем интересующимся проблемами прикладной лингвистики.

УДК 811.124(075.8)

Латинский язык [Электронный ресурс] : электрон. учеб.-метод. комплекс для спец.: 1-21 06 01 «Современные иностранные языки (по направлениям)», направления спец. 1-21 06 01-01 «Современные иностранные языки (преподавание)», 1-21 06 01-02 «Современные иностранные языки (перевод)» / БГУ ; сост.: О. С. Зарембо [и др.]. Электрон. текстовые дан. Минск : БГУ, 2020. 147 с. : табл. Библиогр.: с. 122–123. Режим доступа: <https://elib.bsu.by/handle/123456789/253624>. Загл. с экрана. Деп. в БГУ 29.12.2020, № 015629122020.

Электронный учебно-методический комплекс (ЭУМК) предназначен для студентов специальности 1-21 06 01 «Современные иностранные языки (по направлениям)». Содержание ЭУМК предполагает изучение следующих вопросов: история латинского языка; роль латинского языка в истории европейской культуры в разные исторические периоды; фонетика, морфология и синтаксис латинского языка; теоретические и практические основы перевода с латинского языка.

УДК 821(100)09(075.8)

Халипов В. В. Семиотическая модель мирового литературного процесса [Электронный ресурс] : электрон. учеб.-метод. комплекс для спец. 1-21 05 06 «Романо-германская филология» / В. В. Халипов ; БГУ. Электрон. текстовые дан. Минск : БГУ, 2020. 135 с. : ил. Библиогр.: с. 134–135. Режим доступа: <https://elib.bsu.by/handle/123456789/253625>. Загл. с экрана. Деп. в БГУ 29.12.2020, № 015729122020.

Электронный учебно-методический комплекс (ЭУМК) по учебной дисциплине «Семиотическая модель мирового литературного процесса» предназначен для студентов специальности 1-21 05 06 «Романо-германская филология». Он включает в себя пояснительную записку, отражающую структуру ЭУМК, а также цели и задачи учебной дисциплины, требования к ее освоению, особенности структурирования содержания учебного материала и организации учебной работы; теоретический раздел по литературоведческой семиологии; практический раздел с тематикой занятий и образцами заданий; раздел контроля знаний с примерами УСР и перечнем вопросов к экзамену; вспомогательный раздел, содержащий перечень литературы и электронных ресурсов, рекомендуемых для изучения дисциплины. ЭУМК предназначен для студентов филологического факультета БГУ, а также может быть использован преподавателями и студентами иных учреждений высшего образования.

УДК 811.1/.8(072)(06)

Идеи. Поиски. Решения [Электронный ресурс] : сб. ст. и тез. XIV Междунар. науч.-практ. конф. преподавателей, аспирантов, магистрантов, студентов (Минск, 20 нояб. 2020 г.) : в 5 т. / БГУ ; [редкол.: Н. Н. Нижнева (отв. ред.) и др.]. Электрон. текстовые дан. Минск : БГУ, 2020. Т. 1. 165 с. : табл. Библиогр. в конце ст. Режим доступа: <https://elib.bsu.by/handle/123456789/254131>. Загл. с экрана. Деп. в БГУ 18.01.2021, № 000518012021.

В сборнике статей и тезисов XIV Международной научно-практической конференции раскрываются различные подходы к решению проблем межкультурной коммуникации, перевода художественной, научно-технической литературы. Рассматриваются инновационные методы и технологии обучения

иностранным языкам, исследуются проблемы современной высшей школы. Анализируются проблемы зарубежного и отечественного языкознания.

Том 1 содержит материалы проблемного поля «Языки в статике и динамике».

Сборник предназначен для преподавателей, аспирантов, магистрантов, студентов.

УДК 811.1/.8(072)(06)

Идеи. Поиски. Решения [Электронный ресурс] : сб. ст. и тез. XIV Междунар. науч.-практ. конф. преподавателей, аспирантов, магистрантов, студентов (Минск, 20 нояб. 2020 г.) : в 5 т. / БГУ ; [редкол.: Н. Н. Нижнева (отв. ред.) и др.]. Электрон. текстовые дан. Минск : БГУ, 2020. Т. 2. 142 с. Библиогр. в конце ст. Режим доступа: <https://elib.bsu.by/handle/123456789/254135>. Загл. с экрана. Деп. в БГУ 18.01.2021, № 000618012021.

В сборнике статей и тезисов XIV Международной научно-практической конференции раскрываются различные подходы к решению проблем межкультурной коммуникации, перевода художественной, научно-технической литературы. Рассматриваются инновационные методы и технологии обучения иностранным языкам, исследуются проблемы современной высшей школы. Анализируются проблемы зарубежного и отечественного языкознания.

Том 2 содержит материалы проблемного поля «Современные технологии обучения иностранным языкам».

Сборник предназначен для преподавателей, аспирантов, магистрантов, студентов.

УДК 811.1/.8(072)(06)

Идеи. Поиски. Решения [Электронный ресурс] : сб. ст. и тез. XIV Междунар. науч.-практ. конф. преподавателей, аспирантов, магистрантов, студентов (Минск, 20 нояб. 2020 г.) : в 5 т. / БГУ ; [редкол.: Н. Н. Нижнева (отв. ред.) и др.]. Электрон. текстовые дан. Минск : БГУ, 2020. Т. 3. 52 с. Библиогр. в конце ст. Режим доступа: <https://elib.bsu.by/handle/123456789/254136>. Загл. с экрана. Деп. в БГУ 18.01.2021, № 000718012021.

В сборнике статей и тезисов XIV Международной научно-практической конференции раскрываются различные подходы к решению проблем межкультурной коммуникации, перевода художественной, научно-технической литературы. Рассматриваются инновационные методы и технологии обучения иностранным языкам, исследуются проблемы современной высшей школы. Анализируются проблемы зарубежного и отечественного языкознания.

Том 3 содержит материалы проблемного поля «Язык и литература».

Сборник предназначен для преподавателей, аспирантов, магистрантов, студентов.

УДК 811.1/.8(072)(06)

Идеи. Поиски. Решения [Электронный ресурс] : сб. ст. и тез. XIV Междунар. науч.-практ. конф. преподавателей, аспирантов, магистрантов, студентов (Минск, 20 нояб. 2020 г.) : в 5 т. / БГУ ; [редкол.: Н. Н. Нижнева (отв. ред.) и др.]. Электрон. текстовые дан. Минск : БГУ, 2020. Т. 4. 70 с. Библиогр. в конце ст. Режим доступа: <https://elib.bsu.by/handle/123456789/254137>. Загл. с экрана. Деп. в БГУ 18.01.2021, № 000818012021.

В сборнике статей и тезисов XIV Международной научно-практической конференции раскрываются различные подходы к решению проблем межкультурной коммуникации, перевода художественной, научно-технической литературы. Рассматриваются инновационные методы и технологии обучения иностранным языкам, исследуются проблемы современной высшей школы. Анализируются проблемы зарубежного и отечественного языкознания.

Том 4 содержит материалы проблемного поля «Проблемы современной высшей школы».

Сборник предназначен для преподавателей, аспирантов, магистрантов, студентов.

УДК 811.1/.8(072)(06)

Идеи. Поиски. Решения [Электронный ресурс] : : сб. ст. и тез. XIV Междунар. науч.-практ. конф. преподавателей, аспирантов, магистрантов, студентов (Минск, 20 нояб. 2020 г.) : в 5 т. / БГУ ; [редкол.: Н. Н. Нижнева (отв. ред.) и др.]. Электрон. текстовые дан. Минск : БГУ, 2020. Т. 5. 43 с. Библиогр. в конце ст. Режим доступа: <https://elib.bsu.by/handle/123456789/254138>. Загл. с экрана. Деп. в БГУ 18.01.2021, № 000918012021.

В сборнике статей и тезисов XIV Международной научно-практической конференции раскрываются различные подходы к решению проблем межкультурной коммуникации, перевода художественной, научно-технической литературы. Рассматриваются инновационные методы и технологии обучения

иностранным языкам, исследуются проблемы современной высшей школы. Анализируются проблемы зарубежного и отечественного языкознания.

Том 5 содержит материалы проблемного поля «Общение на языках – языки общения».

Сборник предназначен для преподавателей, аспирантов, магистрантов, студентов.

УДК 811.111(075.8)

Иностранный язык (английский) [Электронный ресурс] : электрон. учеб.-метод. комплекс для спец.: 1-21 03 01 «История (по направлениям)», 1-23 01 12 «Музейное дело и охрана историко-культурного наследия (по направлениям)», 1-23 01 13 «Историко-архивоведение» / БГУ ; сост.: А. А. Воскресенская [и др.]. Электрон. текстовые дан. Минск : БГУ, 2020. 94 с. : табл. Библиогр.: с. 82–83, библиогр. в подстр. примеч. Режим доступа: <https://elib.bsu.by/handle/123456789/254786>. Загл. с экрана. Деп. в БГУ 27.01.2021, № 001327012021.

Электронный учебно-методический комплекс (ЭУМК) предназначен для студентов 1-х и 2-х курсов исторического факультета БГУ. Содержание ЭУМК предусматривает развитие академических, социально-личностных и профессиональных компетенций студентов. Цель ЭУМК – предоставить студенту полный комплект учебно-методических материалов для аудиторного и самостоятельного изучения дисциплины.

СОДЕРЖАНИЕ

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

<i>Хмельницкий Н. Н.</i> Белорусский дискурс в творчестве Юзефа Чеховича	5
<i>Губская О. Н.</i> Специфика наррации в дискурсе Светланы Алексиевич: <i>pro et contra</i>	14

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

<i>Мечковская Н. Б.</i> Частотные заимствования в белорусском, русском и словенском языках: семантико-тематические черты	25
<i>Стриго Е. В.</i> Особенности структуры словообразовательных цепей имен прилагательных с латинской корневой морфемой в современном русском языке.....	36
<i>Новогран Ю. В.</i> О критериях определения интернациональных фразеологизмов	46
<i>Ковалькова Т. В.</i> Идея исключительности в имиджевом дискурсе медийных представителей хореографического искусства	57
<i>Петрачкова И. М.</i> Своеобразие онимических средств в драматургических текстах театра абсурда Дмитрия Липскерова.....	64
<i>Ахраменко Л. С.</i> Роль модальности в реализации прагматической установки автора в публицистическом дискурсе	77
<i>Тур В. В.</i> Вариативность лексикографических дефиниций как отражение динамичной природы лексического значения	87
К XVII Международному съезду славистов (Париж, Франция, 2023).....	97
Аннотации депонированных в БГУ работ	102

ЗМЕСТ

ЛІТАРАТУРАЗНАЎСТВА

<i>Хмяльніцкі М. М.</i> Беларускі дыскурс у творчасці Юзафа Чаховіча.....	5
<i>Губская В. М.</i> Спецыфіка нарацыі ў дыскурсе Святланы Алексіевіч: <i>pro et contra</i>	14

МОВАЗНАЎСТВА

<i>Мячкоўская Н. Б.</i> Частотныя запазычанні ў беларускай, рускай і славенскай мовах: семантыка-тэматычныя рысы.....	25
<i>Стрыга К. В.</i> Асаблівасці структуры словаўтваральных ланцугоў прыметнікаў з лацінскай каранёвай марфемай у сучаснай рускай мове	36
<i>Навагран Ю. В.</i> Аб крытэрыях вызначэння інтэрнацыянальных фразеалагізмаў	46
<i>Кавалькова Т. У.</i> Ідэя выключнасці ў іміджавым дыскурсе медыйных прадстаўнікоў харэаграфічнага мастацтва	57
<i>Петрачкова І. М.</i> Своеасаблівасць анімічных сродкаў у драматургічных тэкстах тэатра абсурду Дзмітрыя Ліпскёрава	64
<i>Ахраменка Л. С.</i> Роля мадальнасці ў рэалізацыі прагматычнай устаноўкі аўтара ў публіцыстычным дыскурсе	77
<i>Тур В. В.</i> Варыятыўнасць лексікаграфічных дэфініцый як адлюстраванне дынамічнай прыроды лексічнага значэння	87
Да XVII Міжнароднага з’езда славістаў (г. Парыж, Францыя, 2023).....	97
Анатацыі дэпаніраваных у БДУ прац.....	102

CONTENTS

LITERARY RESEARCH

<i>Khmalnitski M. M.</i> Belarusian discourse in Yuzef Chekhovich's works	5
<i>Gubskaya O. N.</i> The specifics of narrative in the discourse of Svetlana Alexievich: <i>pro et contra</i>	14

LINGUISTICS

<i>Mechkovskaya N. B.</i> Frequent borrowings in the Belarusian, Russian and Slovenian languages: semantic and thematic features	25
<i>Stryha K. V.</i> Features of the structure of word formation chains of adjectives with Latin root morpheme in modern Russian	36
<i>Novogran Y. V.</i> On the criteria for determining international phraseological units	46
<i>Kovalkova T. V.</i> The idea of exclusivity in the image discourse of public representatives of choreographic art... ..	57
<i>Petrachkova I. M.</i> The originality of onymic means in the dramatic texts of the theater of the absurd by Dmitry Lipskerov	64
<i>Akhramenko L. S.</i> The role of modality in the realization of the author's pragmatic attitude in a publicistic discourse	77
<i>Tur V. V.</i> Variability of lexicographic definitions as a reflection of the dynamic nature of lexical meaning	87
To the XVII International congress of Slavists (Paris, France, 2023).....	97
Indicative abstracts of the papers deposited in BSU	102

Журнал включен Высшей аттестационной комиссией Республики Беларусь в Перечень научных изданий для опубликования результатов диссертационных исследований по филологическим и педагогическим наукам.

Журнал включен в библиографическую базу данных научных публикаций «Российский индекс научного цитирования» (РИНЦ).

**Журнал
Белорусского государственного университета.
Филология.
№ 1. 2021**

**Часопіс
Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта.
Філалогія.
№ 1. 2021**

Учредитель:
Белорусский государственный университет

Юридический адрес: пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск.

Почтовый адрес: пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск.

Тел. (017) 259-70-74, 259-70-75.

E-mail: jphil@bsu.by

URL: <https://journals.bsu.by/index.php/philology>

«Журнал Белорусского государственного университета. Филология» издается с января 1969 г. До 2017 г. выходил под названием «Веснік БДУ. Серыя 4, Філалогія. Журналістыка. Педагогіка» (ISSN 2308-9180).

Редакторы *В. В. Казакевич, С. Е. Богуш*
Технический редактор *А. Ю. Лещинская*
Корректор *С. Е. Богуш*

Подписано в печать 26.02.2021.

Тираж 100 экз. Заказ 77.

Республиканское унитарное предприятие
«Информационно-вычислительный центр
Министерства финансов Республики Беларусь».
ЛП № 02330/89 от 03.03.2014.
Ул. Кальварийская, 17, 220004, г. Минск.

© БГУ, 2021

**Journal
of the Belarusian State University.
Philology.
No. 1. 2021**

Founder:
Belarusian State University

Registered address: 4 Niezaliežnasci Ave.,
Minsk 220030.

Correspondence address: 4 Niezaliežnasci Ave.,
Minsk 220030.

Tel. (017) 259-70-74, 259-70-75.

E-mail: jphil@bsu.by

URL: <https://journals.bsu.by/index.php/philology>

«Journal of the Belarusian State University. Philology» published since January, 1969. Until 2017 named «Vesnik BDU. Seryja 4, Filalogija. Zhurnalistyka. Pedagogika» (ISSN 2308-9180).

Editors *V. V. Kazakevich, S. J. Bohush*
Technical editor *A. Y. Leshchinskaya*
Proofreader *S. J. Bohush*

Signed print 26.02.2021.

Edition 100 copies. Order number 77.

Republican Unitary Enterprise
«Informatsionno-vychislitel'nyi tsentr
Ministerstva finansov Respubliki Belarus'».
License for publishing No. 02330/89, 3 March 2014.
17 Kal'varyjskaja Str., Minsk 220004.

© BSU, 2021